

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

51 2024
ЧАСТЬ VII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 51 (550) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена Ту Юю (1930), китайский фармаколог, специалист в области традиционной китайской медицины.

Ту Юю родилась 30 декабря 1930 года в уезде Иньсянь провинции Чжэцзян и была единственной девочкой в семье среди четырех братьев. «Родители сыграли центральную роль в том, чтобы направить меня на правильный путь с самого рождения. Мое имя Юю придумал отец — он взял его из строчки, которую прочитал в сборнике китайской поэзии: «Олени блеют «юю», когда они едят дикую хао» (тут «хао» означает цинхао, то есть полынь). Так случилось, что вся моя жизнь оказалась связана с цинхао», — сказала она в одном из интервью. После того как в 16 лет Ту Юю заболела туберкулезом и пропустила целых два года учебы, она решила, что хочет изучать медицину и найти лекарства от болезней, подобных той, что измучила ее.

Она закончила Пекинский медицинский колледж, где изучала фармакологию и узнала, как классифицировать лекарственные растения, извлекать активные ингредиенты и определять их химическую структуру. После окончания колледжа Ту Юю направили на работу в только что созданную Академию традиционной китайской медицины — спрос на хороших специалистов в области медицинских исследований тогда был огромным. Там она проработала всю жизнь, начав с должности научного сотрудника и дослужившись до главного профессора.

Во время вьетнамской войны в 1955–1975 годах правительство Северного Вьетнама обратилось к Китаю за помощью в борьбе с малярией — она приводила к огромным потерям среди солдат. В 1967 году Мао Цзэдун запустил секретный «Проект 523», чтобы найти новое лекарство от малярии. За два года ученые, которые участвовали в проекте, проверили несколько тысяч соединений, но никаких полезных лекарств не нашли. Тогда главой «Проекта 523» назначили Ту Юю.

Работая над «Проектом 523», Ту Юю и ее команда читали древние тексты и изучали народные средства в поисках панацеи от малярии. Ученые собрали 2000 рецептов из 640 трав, которые Ту Юю затем сузила до нескольких многообещающих кандидатов. Одним из них была цинхао, или сладкая полынь, которую использовали в Китае для лечения «периодической лихорадки» — симптома малярии.

Команда Ту Юю выделила из полыни одно активное соединение, которое, казалось, боролось с паразитами малярии. Протестировали экстракты из него, но ничего не сработало. Тогда Ту Юю обратилась к труду китайского мудреца Гэ Хуна, который жил в IV веке. Он написал «Баопу-цзы» — эдакую большую китайскую энциклопедию, а также несколько медицинских трактатов. В одном из них — «Рецепты для неотложных случаев» — нашлось то, что было нужно: Ту Юю догадалась, что активный ингредиент полыни повреждался при кипячении. Поэтому она попробовала другой способ приготовления, с растворителем на

основе эфира — так как он кипит при более низкой температуре, полынь не страдала. Когда Ту Юю проверила действие экстракта на мышах и обезьянах, результат оказался блестящим.

В итоге команда Ту Юю стала производить большое количество экстракта цинхао для подготовки к клиническим исследованиям. Ученым приходилось самим извлекать экстракт, используя подручные средства. Тогда-то у некоторых членов команды и у самой Ту Юю начались проблемы со здоровьем. Однажды после суток работы в лаборатории Ту Юю отравилась и впала в кому на неделю. В другой раз она внезапно потеряла сознание, и в больнице выяснили, что из-за воздействия большого количества растворителей у нее начался токсический гепатит.

Параллельно с приготовлением экстракта ученые получали противоречивые данные исследований, проводящихся на животных. Несмотря на это, Ту Юю решила испытать вещество на себе. К ней присоединились еще двое ее коллег. Они приняли экстракт и неделю наблюдались в больнице — побочных эффектов не было. После этого эксперимента еще пять участников добровольно приняли препарат, но уже в повышенной дозировке. Затем клинические испытания начались на 21 пациенте с малярией. Все они выздоровели.

В 1972 году команда Ту Юю получила из экстракта чистое вещество — артемизинин. Через год она синтезировала более стабильную и эффективную его версию — дигидроартемизинин. И в 1981 году ВОЗ, Всемирный банк и ООН пригласили Ту Юю представить свою находку миру.

После успеха с артемизинином о Ту Юю забыли на долгие годы. Много позднее она получила звание исследователя — эквивалент академического звания профессора — в Академии традиционной китайской медицины. Тогда же у нее появилась своя лаборатория. В 2000-х Ту Юю начала сотрудничать с западными лабораториями. Тогда ее имя стало известно, и за счет этого она обрела признание на родине. В 2001 году ее повысили до научного консультанта, а еще через 10 лет — до главного научного сотрудника академии.

За создание лекарств на основе артемизинина Ту Юю в 2011 году получила премию Ласкера, а в 2015 году стала лауреатом Нобелевской премии по медицине и физиологии.

После получения награды жизнь Ту Юю не изменилась. Она, как и раньше, работает более десяти часов в день со своей исследовательской группой в Академии. Муж Ту Юю говорит, что в последнее время ее зрение и слух ухудшились. Коллег впечатляет ее одержимость работой, они также отмечают ее полное безразличие к славе и богатству. Сама она в редкие часы отдыха чаще всего читает книги и газеты дома и иногда навещает свой родной город Нинбо.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Дмитриева А. В.

Международное сотрудничество в сфере легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма 449

Дмитриева А. В.

Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма 451

Егорова К. М.

Правовая природа брачного договора 453

Егорова К. М.

Проблемы признания брачного договора недействительным 456

Елизаров А. И.

Актуальные проблемы заключения договора купли-продажи недвижимости 459

Заславский Д. Б.

Проблема отмены судебных приказов, вынесенных мировыми судьями, в современном гражданском судопроизводстве 461

Захватаева О. В.

Свобода договора и ее пределы (российский и зарубежный опыт) 465

Зубченко А. А.

Президент Российской Федерации и исполнительная власть в Российской Федерации 469

Кацба Д. О.

Юридические лица как особые участники административных отношений 471

Кацба Д. О.

Особенности административной ответственности юридических лиц в сфере туризма 473

Каюмова Д. А.

Взаимодействие частного и публичного права 475

Келина Г. А.

Актуальные вопросы правового регулирования и назначения пособий гражданам, имеющим детей 477

Келина Г. А.

Реализация прав граждан на благоприятную окружающую среду: проблемы и пути их решения 478

Кененова Е. В.

Гражданский иск в российском уголовном процессе: теория и практика 480

Кишко А. Н.

Понятие, классификация и особенности сделок с недвижимым имуществом в российском праве 482

Коледенков В. А.

Особенности использования специальных познаний для расследования преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями 485

Коннова Е. А.

Правовые и организационные основы охраны окружающей среды в муниципальном образовании 487

Кравченко К. В.

Понятие конституционно-правовых споров о компетенции в Российской Федерации 489

Красильникова А. О.

Признаки и виды должностного административного правонарушения — юридического основания административной ответственности должностных лиц 492

Кудрявцев Д. М.

Договор строительного подряда в гражданском праве России: вопросы теории правоприменительной практики 495

Кузнецова Н. В.

Формы и методы недобросовестной конкуренции 499

Куропатин Д. А.

Административные иски и жалобы 502

Лавченко А. А. Вопросы ограничения клеветы от смежных составов преступлений 505	Малахинский И. Д. Проблема определения правового статуса Центрального банка Российской Федерации... 514
Ларюхина О. В. Совершенствование административно-правового статуса государственных гражданских служащих 508	Манаков А. А. Компенсация морального вреда как способ защиты прав потребителей 516
Лушвили А. О. Использование информационных технологий в налоговом администрировании в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сравнительно-правовое исследование 509	Марина М. В. Необходимость применения криминалистических учетов в раскрытии и расследовании краж и грабежей 517
Лукьянова А. И. Перспективы развития института административной ответственности государственных служащих 512	Матвеев В. А. Проблема нормативно-правового регулирования концессионных соглашений в Российской Федерации..... 519

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Международное сотрудничество в сфере легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма

Дмитриева Анастасия Вячеславовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор рассматривает развитие международного сотрудничества в сфере легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма и основные направления предотвращения использования финансовых операций для отмывания денег или финансирования терроризма.

Ключевые слова: финансирование терроризма, отмывание денег, предотвращение использования, операция, преступная деятельность, мера.

Легализация преступных доходов как общественное явление существовало во все времена, но термин «отмывание преступных доходов» можно рассматривать как сравнительно новый. Наиболее распространенная версия приписывает изобретение данного термина известному преступнику Аль Капоне, при котором денежные средства, полученные от незаконного производства и продажи спиртного, для придания им правомерного характера смешивались с наличным оборотом американских прачечных. Кстати, сам термин «отмывание» в переводе на английский звучит как «laundry», тот же термин означает и прачечную [1].

Операции с имуществом, которые могут иметь признаки связи с легализацией преступных доходов или финансированием терроризма, могут включать в себя следующие действия:

1. Приобретение недвижимости за наличные деньги без должной проверки источника этих средств может быть признаком легализации преступных доходов. Преступники могут использовать наличные средства для покупки недвижимости с целью сокрытия происхождения своих доходов;

2. Преступные группировки могут использовать сложные схемы, такие как сделки через фронтовых лиц или фирмы, чтобы приобретать или продавать недвижимость с целью легализации денежных средств;

3. Преступники могут использовать инвестиции в ценные бумаги или другие активы для перемещения и легализации денежных средств. Это может включать в себя манипуляции с ценными бумагами или создание комплексных схем, чтобы скрыть происхождение денежных средств;

4. Преступники могут приобретать драгоценные металлы или другие ценности с использованием наличных

средств с целью легализации денег или их дальнейшего перемещения через различные каналы;

5. Необоснованный рост стоимости имущества, такого как недвижимость или другие активы, может быть признаком легализации денег. Например, если цена недвижимости или акций внезапно резко возрастает без объяснения такого роста, это может свидетельствовать о попытке легализации денежных средств.

В России легализация преступных доходов начала существовать и развиваться в период экономических реформ. Как отмечают эксперты, резкий всплеск экономической преступности в целом в период социальных реформ обусловлен рядом факторов, ее причины коренятся во всех сферах жизни общества: экономической, социальной, политической и духовной. Именно поэтому предупреждение рассматриваемых преступлений представляет собой сложный, многогранный процесс, включающий использование экономических, финансовых, организационных, управленческих, правовых, технические, культурные, образовательные и другие меры. В то же время профилактика может быть успешной только при комплексном воздействии на причины существования этих негативных деяний в обществе и условия, порождающие их.

Борьба с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма является одним из приоритетов государства. Для эффективной борьбы с этими преступлениями необходимо постоянно совершенствовать организационно-правовые меры с целью создания эффективной системы противодействия.

Одним из путей совершенствования организационно-правовых мер является усиление межведомственного

взаимодействия и сотрудничества. Различные государственные органы, такие как правоохранительные органы, налоговые органы, банки и другие, должны активно обмениваться информацией и координировать свои действия в борьбе с легализацией и финансированием терроризма. Это помогает обнаружить потенциальные преступления, связанные с денежными потоками, и начать расследование на ранней стадии.

Еще одним важным путем совершенствования организационно-правовых мер является разработка и внедрение современных технологий и инструментов обнаружения, анализа и отслеживания финансовых операций. Использование искусственного интеллекта, аналитических программных решений и технологии блокчейн позволяет существенно повысить эффективность борьбы с преступностью в финансовой сфере.

Эти инструменты позволяют автоматизировать процессы анализа данных, выявлять нетипичные транзакции и связи между различными участниками финансовых операций.

Развитие международного сотрудничества также является неотъемлемой частью совершенствования организационно-правовых мер. Обмен информацией и опытом между различными государствами позволяет более эффективно противодействовать трансграничным схемам легализации и финансирования терроризма. Совместные операции и расследования международных правоохранительных органов также могут существенно снизить уровень этих преступлений.

Также необходимо усилить механизмы контроля и надзора со стороны государственных органов и банковской системы. Введение строгих процедур проверки клиентов, анализа транзакций и отчетности, а также усиление ответственности за нарушения законодательства в сфере легализации и финансирования терроризма способствуют созданию непроницаемой системы контроля и предотвращения этих преступлений.

Кроме того, важным направлением является постоянное совершенствование законодательства в сфере борьбы с легализацией и финансированием терроризма. Принятие новых законов и изменение существующих помогает приспособиться к меняющимся методам преступников, а также закрывает правовые лазейки, которые могут быть использованы для совершения преступлений.

В целом совершенствование организационно-правовых мер по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма — сложный, но необходимый процесс. Для эффективной борьбы с этими тяжкими преступлениями необходимо постоянно анализировать ситуацию, внедрять новые технологии и методы, укреплять сотрудничество и контроль, совершенствовать законодательство.

Ожесточенную борьбу с этим преступлением ведут таможенные органы всего мира посредством реализации своих полномочий, функций и задач в этой области. Однако, современная ситуация на международном рынке имеет большое количество слабых сторон, которые позво-

ляют преступникам реализовать свои интересы. Слабыми сторонами международной торговли можно считать:

1. Огромное количество торговых потоков, которые трудно контролировать, что даёт преступникам возможность незаконно перевозить деньги, товары и другое имущество;

2. Сделки со сложными схемами их осуществления, операции с валютами, которые трудно отслеживать;

3. Слияние доходов от легального и нелегального бизнеса, которое вызывает дополнительные трудности;

4. Нехватка баз данных таможенных органов, неразвитая система обмена информацией между таможенными органами;

5. Недостаточное количество ресурсов в распоряжении таможенных органов;

6. Наличие неквалифицированных работников в таможенных органах, существование коррупции.

Рассматриваемые меры направлены на предотвращение использования финансовых операций для отмывания денег или финансирования терроризма. Они предусматривают обязанность сторонних организаций, таких как организации, осуществляющие операции с драгоценными металлами и камнями, букмекерские конторы и букмекерские конторы, управляющие инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами, агентствами недвижимости и т.п., предоставлять информацию о подозрительных операциях в Росфинмониторинг. Это помогает выявлять и пресекать финансовые потоки, связанные с преступной деятельностью, и предотвращать финансирование терроризма.

Распространенным подходом к борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма является введение «черных списков» и ужесточение контроля за финансовыми операциями. Это меры, применяемые не только в России, но и во многих других странах для обеспечения безопасности и надежности финансовых систем.

Первое направление предотвращения использования финансовых операций для отмывания денег или финансирования терроризма — совершенствование законодательной базы по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. Это включает в себя совершенствование административных, гражданских и уголовных мер воздействия на нарушителей. Важно разработать оптимальную систему финансового контроля, которая не нарушала бы права законопослушных участников экономической деятельности, но эффективно реагировала бы на нарушителей.

Второе направление предотвращения использования финансовых операций для отмывания денег или финансирования терроризма — эффективное сотрудничество с иностранными государствами, их правоохранительными органами и спецслужбами, а также международными организациями, занимающимися борьбой с отмыванием денег и финансированием терроризма. Такое сотрудничество поможет обнаружить и пресечь трансграничные финансовые потоки, связанные с преступной деятельностью.

Третье направление предотвращения использования финансовых операций для отмывания денег или финансирования терроризма — подготовка кадров и проведение научных исследований для разработки новых подходов и методов борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма. Важно обеспечить оперативность и профессионализм правоохранительных органов в их профилактической и оперативно-розыскной деятельности.

Итак, следует отметить, что, несмотря на принимаемые меры, ни одно государство не может эффективно проти-

водействовать этим видам преступной деятельности. За последние годы произошли серьезные изменения в структуре и динамике рассматриваемых видов преступлений: они стали более организованными и профессиональными, широко используют современные технические средства и технологии.

При этом интересы криминальной среды целенаправленно направлены именно в экономическую сферу, где остаются достаточно широкие возможности для быстрого обогащения.

Литература:

1. Ляльков, С. Ю. Реализация интенсивной модели развития банковской системы России в контексте основных ориентиров / С. Ю. Ляльков // «Экономика» и «Право». — 2021. — № 10. — С. 39–44.

Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма

Дмитриева Анастасия Вячеславовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор рассматривает особенности концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Ключевые слова: финансирование терроризма, финансовая система, доход, отмывание денег, угроза, Российская Федерация.

Противодействие легализации преступных доходов и финансированию терроризма в системе обеспечения экономической безопасности Российской Федерации предполагает расследование, анализ, сдерживание и предотвращение источников финансирования деятельности, направленной на насилие и угрозу насилия в отношении гражданского населения. Отслеживая источник средств, которые поддерживают террористическую деятельность, правоохранительные органы могут предотвратить некоторые из этих действий.

Российская Федерация имеет законодательные акты и нормативные документы, которые регулируют деятельность финансовых институтов, предотвращают легализацию преступных доходов и финансирование терроризма. К примеру, Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» устанавливает правила и обязанности для банков, финансовых организаций и других учреждений по борьбе с этими явлениями.

В Российской Федерации действует система финансового мониторинга, которая позволяет отслеживать подозрительные финансовые операции и сообщать о них соответствующим властям. Это позволяет выявлять и пресекать попытки легализации преступных доходов и финансирования терроризма.

Также Россия активно сотрудничает с международными организациями, такими как Финансовые действия по борьбе с отмыванием денег (FATF), для разработки и внедрения международных стандартов и практик по борьбе с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма.

Россия также уделяет внимание подготовке кадров в области борьбы с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма.

Это включает в себя обучение сотрудников банков, финансовых учреждений, правоохранительных органов и других заинтересованных сторон о методах обнаружения и предотвращения этих преступлений.

Противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма не может осуществляться изолированно. Действительно, было четко установлено, что незаконные доходы, используемые для поддержки организованных преступных групп, также используются для финансирования терроризма. ПОД/ФТ предполагает участие многих субъектов, как государственных, так и частных, а также анализ широкой структуры, учитывающей тесные связи между финансированием терроризма и преступной деятельностью, связанной с организованной преступностью [1].

Успех стратегий ПОД/ФТ зависит исключительно от скоординированных усилий и бесперебойной коммуни-

кации между всеми участниками финансового расследования и уголовной цепочки, включая государственные органы (регулирующие органы, правоохранительные органы, судебную систему, специализированные органы по возвращению активов), субъектов гражданского общества, СМИ и частный сектор. Только если все эти игроки будут работать вместе и правильно оценивать трансграничное влияние преступности, сдерживание ОД/ФТ может быть успешным. Эти усилия должны далее поддерживаться взаимосвязанной глобальной сетью ПОД/ФТ в сочетании с увеличением числа новых сетей ПОД/ФТ.

Финансовая среда в глобальном масштабе с ее проявлениями международной взаимосвязи и взаимозависимости вместе с финансовыми технологиями не только поддерживает темпы экономического роста и международной торговли, но и подвергает финансовую систему множеству новых рисков, главным образом в виде гибридных угроз. Частые кибератаки на финансовую инфраструктуру представляют высокий риск для стабильности и устойчивости финансовых систем во всем мире.

Необходимость усиления сопротивления гибридным угрозам и устойчивости финансовой системы является темой дня, исследуя критическое пересечение между устойчивостью финансовой системы и продолжающейся борьбой с гибридными угрозами и важным требованием, которое трансформируется в системе мер по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма для обеспечения целостности и устойчивости глобальной финансовой инфраструктуры.

Гибридные угрозы в сфере легализации преступных доходов и финансирования терроризма могут включать в себя различные методы и тактики, которые объединяют элементы традиционных и нетрадиционных угроз. Рассмотрим несколько примеров гибридных угроз. Преступные организации и террористические группы могут использовать киберпространство для проведения финансовых операций, включая легализацию денег через онлайн-платформы, криптовалюты или виртуальные активы. Это может включать в себя использование анонимных криптовалютных кошельков для перевода средств или проведения финансовых транзакций через теневые онлайн-рынки.

Преступные организации могут использовать международную торговлю и перемещение товаров для легализации своих доходов. Это может включать в себя использование ложных или недокументированных товарных отправок, а также применение методов структурирования сделок для сокрытия и перемещения денежных средств. Преступные организации могут использовать офшорные компании и схемы финансовой коррупции для легализации преступных доходов. Это может включать

в себя создание фиктивных компаний, использование запутанных структур собственности и счетов в офшорных зонах для сокрытия и перемещения денежных средств.

Террористические группы могут использовать благотворительные организации и фонды для сбора и легализации средств под прикрытием гуманитарной помощи или благотворительности. Это может включать в себя финансирование террористических операций через передачу средств через различные благотворительные каналы и механизмы. Эти примеры демонстрируют, как гибридные угрозы могут включать в себя комбинацию различных методов и инструментов для осуществления преступных и террористических операций в сфере легализации преступных доходов и финансирования терроризма.

В последние годы борьба с легализацией преступных доходов коренным образом повлияло на ситуацию с безопасностью в мире. Все чаще обсуждаются гибридные угрозы, которые определяются как совокупность принудительных и подрывных действий посредством обычных и нетрадиционных, военных и невоенных методов, которые могут использоваться государственными и негосударственными субъектами скоординировано для достижения конкретных целей без официального объявления войны и ниже порога обычного реагирования. Растущий ущерб, причиняемый кибератаками, а также предполагаемый их быстрый рост в ближайшие годы делают критически важным их изучение и документирование их происхождения, последствий, совершающих их АРТ и экономики киберпреступности в целом.

Опыт борьбы с преступной деятельностью показывает важную роль, которую играют финансовые учреждения. Устойчивое обнаружение мошенничества включает использование устойчивых и этических практик выявления мошеннической деятельности в финансовом секторе. С одной стороны, финансовая система может использоваться или злоупотреблять при финансировании этой деятельности, а с другой стороны, финансовая система может стать объектом гибридных угроз, поскольку в каждом обществе здоровая финансовая система является основой функционирования экономики. В последние годы, также под влиянием экономических и политических событий, начали обсуждаться вопросы гибридных угроз в контексте финансовых систем, главным образом с точки зрения их уязвимости и особенно устойчивости. Политические и экономические события, вызванные глобализацией, породили новые проблемы, на которые необходимо реагировать на национальном и международном уровне, как подчеркивается в исследовании, необходимо принять некоторые конкретные меры для повышения финансовой устойчивости.

Литература:

1. Власов, И. С. Ответственность за отмывание (легализацию) коррупционных доходов по законодательству зарубежных стран / И. С. Власов, Н. В. Власова, Н. А. Голованова. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2022. — 310 с.

Правовая природа брачного договора

Егорова Карина Михайловна, студент магистратуры
Институт деловой карьеры (г. Москва)

В статье раскрывается тема правовой природы брачного договора, которая длительное время является предметом дискуссий среди научного сообщества. Также рассмотрены точки зрения авторов по данному вопросу, и в результате проведенного анализа сделан вывод о том, что брачный договор следует относить к числу смешанных договоров, поскольку он имеет признаки как гражданско-правового договора, так и семейного соглашения.

Ключевые слова: брачный договор, правовая природа, гражданско-правовой договор, семейное законодательство, имущественные отношения супругов.

После принятия Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) и Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) в 1995 г. у граждан появилась возможность при вступлении в брак заключить брачный договор.

Изначально, законодательные положения, касающиеся режима собственности между супругами, были включены в ГК РФ, а не в СК РФ. Этот факт продолжает вызывать активные обсуждения среди экспертов в области гражданского и семейного права относительно юридической сущности и оснований брачного договора [18, с. 117].

В дискуссии о характере брачного договора в науке выделяют три основных мнения. Одна из групп исследователей утверждает, что данный договор строго принадлежит к области гражданского права и его сфера действия ограничена этим направлением права. Вторая группа исследователей позиционируют брачный договор как элемент семейного права, подчеркивая его принадлежность к категории договоров, регулируемых семейно-правовыми нормами. К третьему мнению склоняется группа исследователей, которые утверждают, что брачный договор представляет собой уникальное сочетание, объединяющее черты как семейного, так и гражданского права в едином документе [7, с. 240].

Б. М. Гонгало и П. В. Крашенинников выступают среди тех, кто считает брачный договор соглашением в сфере гражданского права [16, с. 58]. Авторы в своем исследовании приходят к выводу, что основой для возможности оформления брачного договора служило гражданское законодательство. Изучив законодательные рамки, предоставленные СК РФ, они утверждают, что такое соглашение следует рассматривать как стандартную сделку в рамках гражданского права.

Д. А. Пашкова поддерживает аналогичное мнение. В своих аргументах исследователь указывает на то, что брачный договор ограничивается урегулированием вопросов общей собственности между супругами, которые находятся в сфере гражданского права. Это подтверждается ст. 256 ГК РФ, раскрывающей состав совместной собственности супругов [1]. Во-вторых, в первой части ст. 42 СК РФ, брачные договоры определены как вид соглашений. В-третьих, в соответствии с гражданским законодательством, оно применимо к личным и имущественным аспектам взаимоотношений между супругами в рамках

ст. 4 СК РФ, при условии, что это не нарушает основных принципов семейных отношений [2]. В-четвертых, согласно ГК РФ, критерии, по которым сделка может быть признана недействительной, также применимы к договорам, заключенным в рамках семейных отношений [14, с. 312]. Мнение, о котором идет речь, находит поддержку у таких авторов, как М. И. Брагинский, В. В. Витрянский, Л. Б. Максимович, Л. М. Пчелинцева и И. В. Бакаева.

В своей работе А. В. Мыскин затрагивает проблематику правовой природы брачного договора в правовом поле. Он начинает с анализа различных точек зрения на этот вопрос, после чего исследует, могут ли такие договоры быть отнесены к категории соглашений гражданско-правового характера. В рамках исследования, с целью детального понимания, автор анализирует сущность гражданско-правовых сделок и приходит к выводу, что их основная задача заключается в установлении, изменении и прекращении гражданско-правовых отношений. Автор подчеркнул, что сделка может быть признана действительной только если обе стороны выразили свою волю свободно. В случае отсутствия свободы волеизъявления, сделка будет считаться недействительной. В обсуждении вопроса о брачных договорах А. В. Мыскин выделяет интересный аспект. СК РФ, в разделе, уделяющем внимание этим документам, не делает ссылок на гражданское законодательство. Он также подчеркивает, что ст. 4 СК РФ уникальна тем, что она фактически становится основой для применения норм гражданского права к различным аспектам, как имущественным, так и связанным с личными неимущественными правами внутри семейных отношений. Тем не менее, автор акцентирует внимание на том, что сущность брачного договора заключается в регулировании, в том числе установлении, изменении и прекращении обязательств и прав, связанных с объектами гражданского права, причем особое внимание уделяется имущественным вопросам. А. В. Мыскин также подчеркивает, что заключение брачного договора является проявлением воли обеих сторон, основанной на их свободе выбора. В этом контексте супруги рассматриваются как стандартные участники гражданских правоотношений. Отсюда следует вывод ученого о том, что брачные соглашения вписываются в рамки гражданского права как один из его элементов [11, с. 3].

Л. В. Кружалова и И. Г. Морозова позиционируют брачный договор как разновидность гражданско-правовых сделок. Они утверждают, что этот вид соглашения обладает специальными и общими признаками. К первой группе признаков причисляют наличие конкретных участников — лиц, находящихся в браке или намеревающихся его заключить, а также уникальное содержание, закрепленное в части 1 ст. 42 СК РФ. Это касается урегулирования вопросов, связанных с имущественными отношениями между супругами. Авторы утверждают, что брачные соглашения имеют гражданско-правовой характер, подчеркивая, что их можно регулировать с помощью положений ГК РФ. Они также указывают на то, что эти соглашения касаются вопросов имущества, определение которого четко дано и одинаково интерпретируется как в области гражданского, так и в области семейного права [8, с. 18].

Как уже было упомянуто ранее, мнение о том, что брачные договоры функционируют как независимые семейные контракты, не является единственным. Эту позицию активно поддерживают основоположники «теории семейно-правового договора», среди которых Н. Ф. Звенигородская, Е. П. Титаренко, Г. И. Абраменко, А. Ф. Быкодорова и А. А. Минина. Согласно представленной концепции, следует понимать, что данный контракт является самостоятельным, что влечёт за собой ответственность семейного права за организацию норм и правил, касающихся его действия. Авторы утверждают, что уникальность семейных связей требует особого подхода к договорной регуляции, приводя в подтверждение этого аргументы, подчеркивающие необходимость независимого урегулирования [4, с. 8].

Левушкин А. Н. утверждает, что брачное соглашение обладает уникальной сущностью, акцентируя внимание на его семейно-правовой основе и его роли в регулировании взаимоотношений между супругами, основанных на доверии и определении параметров их совместной жизни. Этот вывод был сформулирован после тщательного анализа исследователем всех имеющихся точек зрения по данной тематике, подчеркивая его убежденность в уникальности и самостоятельности брачного соглашения [10].

В своих работах Н. Н. Тарусина также обращает внимание на особую категорию соглашений, связанных с семейным правом, причем в эту категорию включены, среди прочего, брачные соглашения. Особое внимание в ее исследованиях уделено специфическим признакам, которые отличают эти соглашения от других:

- целью является создание имущественных условий, направленных на поддержку интересов семейной жизни, включая бесплатную помощь супругу и обеспечение справедливого распределения собственности в пределах семьи;
- специфический субъектный состав — супруги (в том числе и будущие);
- специальные условия изменения, расторжения соглашения, а также наличие дополнительных (в сравнении с ГК РФ) оснований признания недействительными;

— сочетание императивных и диспозитивных начал регулирования брачных соглашений;

— не являются самостоятельными юридическими фактами;

— применение к семейным соглашениям норм гражданского законодательства возможно только в субсидиарном порядке;

— возможность расторжения только по взаимному согласию сторон;

— отсутствие норм, устанавливающих ответственность за нарушение условий таких соглашений [17, с. 101].

Гладковская Е. И. считает, что брачные договоры являются частью организационных документов, касающихся семейных отношений. По мнению автора, ключевой целью этих договоров является завершение совместного владения имуществом между супругами [6].

Есть еще одна точка зрения на то, что такое брачные договора в юридическом смысле. Эта концепция утверждает, что такие соглашения представляют собой гибрид, объединяющий элементы как семейного, так и гражданского права.

А. В. Николашина подробно рассмотрела тему гражданско-правовых договоров и брачных соглашений, выдвигая свою уникальную точку зрения на этот вопрос. После проведенного исследования, автор пришел к выводу, что рассматриваемые договоры характеризуются сходствами. Это, в частности, связано с тем, что все они касаются имущественных вопросов и включают условия по их изменению и прекращению. Несмотря на это, эксперт подчеркивает уникальные аспекты, присущие брачному соглашению. Эти особенности выделяются благодаря тому, что они не соответствуют общепринятому пониманию гражданско-правовых договоренностей. К числу таких особенностей автором отнесены:

— специфический субъектный состав (супруги, в том числе будущие);

— особая цель заключения договора — регулирование имущественных отношений супругов;

— специфический правопорождающий факт в виде регистрации брака;

— вспомогательный, дополнительный характер данного соглашения;

— наличие специальных (неизвестных гражданскому праву) оснований для признания брачного договора недействительным;

— в брачном договоре заключена уникальность, объединяющая элементы семейных отношений и гражданских аспектов, выраженная через права и обязательства между супругами [13, с. 1440]. В своем мнении о смешанной природе брачного договора, А. В. Николашина выделяет как сходства с другими гражданско-правовыми документами, так и уникальные особенности. А. М. Нечаева поддерживает этот взгляд, опираясь на уникальные аспекты и структуру семейных связей для аргументации своей позиции [12, с. 98].

Ю. Н. Андреев пришел к выводу, что понимание того, как квалифицировать брачный договор в правовом поле,

напрямую связано с определением роли семейного права в общей структуре отраслей права. Он также отмечает наличие взглядов, согласно которым семейное право не обладает статусом независимой отрасли, а входит в состав гражданского права как его часть. В обсуждении этой темы автор утверждает уникальность семейного права как отдельной сферы, подчеркивая ее обособленность через созданный государством комплекс законов. Эти законы направлены на регулирование важных отношений в области семьи, материнства и детства, что подтверждает его статус независимой отрасли. Таким образом, существует мнение, подтверждающее уникальность и самостоятельность семейного права в правовой системе. На основе данного положения, ученый пришел к заключению, что в брачном договоре присутствуют определенные специфические черты:

- особый субъектный состав;
- специфическая цель и предмет заключения договора;
- специальные условия соглашения;
- наличие особенностей заключения, исполнения и расторжения договора.

Ю. Н. Андреев подчеркивает, что брачный договор, как специфический вид гражданско-правовой сделки, строится на основе добровольного согласия сторон. Его цель заключается в определении имущественных прав и обязательств между участниками, как во время существования брака, так и после его окончания, что указывает на его существенную связь с формой и содержанием таких договорённостей [5, с. 260].

В своём исследовании Д. Б. Савельев выделяет брачный договор как пример смешанного типа соглашений, подчеркивая его особенности. Автор указывает, что брачный договор является консенсуальной, каузальной сделкой. Специфика заключается в том, что исключительно супруги имеют право на её выполнение, при этом ни одна из сторон не может единолично её отменить или изменить [15, с. 30].

Е. Е. Леканова представила убедительные аргументы, подчеркивая уникальный и гибкий характер брачных договоров, что согласуется с ранее высказанными мнениями о их смешанной юридической сущности. В её анализе особо выделяется акцент на их рамочную структуру. Исследователь поднимает вопрос о возможности брачного соглашения влиять как напрямую, так и косвенно через различные типы договорённостей, которые позволяют супругам управлять имуществом, приобретенным в браке. Отмечается, что некоторые из этих соглашений могут сочетать элементы как семейного права, так и общегражданского правового регулирования [9, с. 140]. Важно подчеркнуть, что существует определенное несогласие с представленной аргументацией. Следует отметить, что соглашения о браке, в том числе те, которые были упомянуты Е. Е. Лекановой, представляют собой уникальные формы договорных отношений. Помимо этого, заключаемые супругами сделки в рамках гражданского права подчиняются исключительно положениям данного за-

конодательства, исключая их отнесение к категории семейных договоров.

Принимая во внимание аргументы, представленные в трех обсуждаемых точках зрения, можно заключить, что брачные договора представляют собой комплексный документ. Это объясняется тем, что они часто подлежат регулированию как с точки зрения семейного права, так и в рамках гражданского права, при условии, что это не нарушает основы семейных взаимоотношений.

В рамках одного из решений, принятых Верховным Судом РФ, было выдвинуто мнение касательно того, как следует трактовать юридическую сущность соглашения, заключенного при вступлении в брак. Инициатором обсуждения данного вопроса стало поданное заявление о непризнании законности брачного договора из-за его юридической ошибки, вызванной отсутствием должной формы заключения договора. Верховный суд РФ оспорил решения судебных органов нижестоящей инстанции, которые отказали в удовлетворении исков из-за прощестии сроков. При этом, Верховный суд подчеркнул, что существуют определенные условия, предусмотренные СК РФ, на основании которых брачный договор может быть признан недействительным, несмотря на прежнюю позицию судов нижестоящих инстанций. В законодательстве Российской Федерации не указаны конкретные периоды для исковой давности в рамках СК РФ. Тем не менее, для урегулирования вопросов семейного характера возможно применение положений гражданского права, при условии, что эти положения не находятся в конфликте с фундаментальными принципами семейных правоотношений. В своем решении относительно брачного договора суд подчеркнул его уникальность как соглашения между двумя сторонами, особенность которого определяется специфическими аспектами, установленными в рамках семейного права. В своём решении суд подтвердил возможность использования правил о сроках исковой давности, как это определено в ГК РФ. Однако, было также выявлено, что при расчёте данных сроков судами предыдущих инстанций были допущены ошибки в применении действующих законов, что привело к отмене их решений [3].

Подводя итог, стоит подчеркнуть, что тема юридического характера брачного договора на протяжении многих лет вызывает активные обсуждения в кругах ученых. После анализа многочисленных взглядов было определено, что мнения исследователей можно разделить на три основные категории. Некоторые считают его элементом семейного права, подчеркивая его уникальность в этой сфере. Другие же утверждают, что он является частью гражданского права, акцентируя внимание на его согласовательных аспектах. Есть и мнение, объединяющее эти две точки зрения, предлагая видеть в брачном договоре синтез обоих подходов.

После изучения мнений различных авторов было установлено, что брачный договор занимает уникальное положение, объединяя элементы как гражданско-правовых, так и семейных соглашений, что позволяет определить его как

смешанный тип договора. В дополнение, анализ судебных решений в исследовании показал, что в процессе применения законов концепция юридической сущности брачных договоров активно применяется для определения характера разнообразных договоренностей. При этом в судебной

практике выработан единообразный подход в определении правовой природы брачных соглашений. Он состоит в том, что судами признается смешанный характер указанных соглашений, который связан с наличием у них признаков семейного и гражданско-правового договоров.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть первая (в ред. от 8 августа 2024 г. № 237-ФЗ) // Собрание законодательства РФ.— 1994.— № 32. Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ) // Собрание законодательства РФ.— 1996.— № 1. Ст. 16.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.01.2015 № 5-КГ14-144 // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.vsrfl.ru/stor_pdf.php?id=1233200 (дата обращения: 30.10.2024).
4. Абраменко Г.И. Соглашения в семейном праве: проблемы теории и практики: монография / Г.И. Абраменко, А.Ф. Быкодорова, А.А. Минина.— Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула», 2019.— 118 с.
5. Андреев Ю.Н. Договор в гражданском праве России: сравнительно-правовое исследование: монография / Ю.Н. Андреев.— М.: Норма: ИНФРА-М, 2023.— 272 с.
6. Гладковская Е.И. Семейный договор как основание изменения законного режима имущества супругов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynyy-dogovor-kak-osnovanie-izmeneniya-zakonnogo-rezhima-imuschestva-suprugov> (дата обращения: 30.10.2024).
7. Гонских А.А. Вопрос о правовой природе брачного договора // Молодой ученый.— 2023.— № 24. С. 240–243.
8. Канайкина М.Н. Правовая природа брачного договора // Студенческий.— 2022.— № 37. С. 17–19.
9. Леканова Е.Е. Заключение несовершеннолетними брачного договора до вступления в брак // Российский юридический журнал.— 2020.— № 1. С. 138–143.
10. Левушкин А.Н. Брачный договор в Российской Федерации, других государствах-участниках Содружества Независимых Государств и Балтии: учебно-практическое пособие // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/levushkin (дата обращения: 30.10.2024).
11. Литвак С.Г. Правовая природа брачного договора: правовой анализ // Постулат.— 2022.— № 1. С. 1–5.
12. Нечаева А.М. Семейное право: учебник для вузов / А.М. Нечаева.— М.: Издательство Юрайт, 2023.— 251 с.
13. Николашина А.В. Правовая природа брачного договора // Инновации. Наука. Образование.— 2020.— № 23. С. 1440–1441.
14. Пашкова Д.А. Особенности правовой природы и субъектного состава брачных договоров в РФ // Вопросы российской юстиции.— 2021.— № 14. С. 311–313.
15. Савельев Д.Б. Соглашения в семейной сфере: учебное пособие / Д.Б. Савельев.— М.: Проспект, 2023.— 144 с.
16. Семейное право: учебник / под ред. П.В. Крашенинникова.— М.: Статут, 2022.— 320 с.
17. Тарусина Н.Н. Социальные договоры в праве: монография.— М.: Проспект, 2017.— 480 с.
18. Южанинова М.П. Правовая природа брачного договора в российском законодательстве // Человек. Социум. Общество.— 2023.— № 9. С. 116–129.

Проблемы признания брачного договора недействительным

Егорова Карина Михайловна, студент магистратуры
Институт деловой карьеры (г. Москва)

В данной статье рассматриваются специальные основания, которые могут служить основанием для признания брачного договора недействительным. Изучается судебная практика и обобщаются наиболее часто встречающиеся случаи, в которых брачные договоры были признаны недействительными. В результате выделяются следующие основания: истечение срока исковой давности, нарушение принципа добросовестности и справедливости при его заключении.

Ключевые слова: брачный договор, брак, недействительность, оспоримость брачного договора, ничтожность брачного договора.

Договор, заключаемый между лицами, готовящимися к браку или уже состоящими в законном браке, ко-

торый устанавливает их имущественные взаимоотношения в период брака, а также после его окончания,

называется брачным договором [2]. Из информации, предоставленной Федеральной нотариальной палатой, следует, что в прошлом году около 20% всех зарегистрированных в Российской Федерации браков были заключены с оформлением брачного договора [11].

Возникновение споров в области цивилистической науки и проблемы при реализации законодательных норм часто обусловлены отсутствием детализированного регулирования вопроса об аннулировании брачных договоров текущим законодательством. Е. Л. Невзгодина указывает, что законодатель продемонстрировал определенную неуверенность, в результате чего был предпринят лишь начальный шаг в данном направлении.

В соответствии с российским законодательством, в частности Семейным кодексом РФ (далее — СК РФ), существует возможность признания любых сделок, в том числе брачных договоров, недействительными. Это может произойти как из-за нарушений, определенных в Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ), так и по причинам, вытекающим из особых положений, касающихся семейного права [10, с. 154].

Существует несколько критериев, по которым брачный договор может быть признан недействительным, и они подразделяются на две категории: общие причины и специальные. Если брать во внимание, то факторы, делающие брачный договор недействительным, могут включать различные аспекты. В частности, невыполнение требований к нотариальному удостоверению документа, а также подписание соглашения с лицом, которое не имеет юридической дееспособности. Все это подкреплено положениями, установленными в первой части ГК РФ, которые явно указывают на условия, при которых брачный договор может быть признан недействительным [1].

Конкретные положения о том, когда можно считать брачный договор не имеющим юридической силы, изложены в СК РФ. В ст. 44 указано, что в случаях, когда условия данного договора чрезмерно ущемляют интересы одной из сторон, суд имеет право по иску одного из супругов аннулировать брачный договор полностью или его отдельные пункты [2].

Замечается, что эксперты часто считают крайне нежелательные условия достаточным основанием для того, чтобы считать брачный контракт ничтожным, ставя это наравне с общими условиями, когда сделка объявляется недействительной из-за действия под давлением чрезвычайных обстоятельств (кабальная сделка). К примеру, Б. М. Гонгалов, С. Н. Бондов и П. В. Крашенинников в числе прочих выразили подобное мнение [12, с. 116].

В рамках брачного соглашения запрещено вносить условия, которые могут значительно ущемлять интересы одной из сторон. Что именно подразумевается под «крайне неблагоприятным положением», закон прояснить не берется, оставляя трактовку этого выражения на усмотрение тех, кто применяет нормы. Согласно положениям ст. 42 СК РФ, можно сделать вывод, что закон стремится утвердить принцип равенства в распределении прав

и обязанностей между супругами, исключая возможность создания ситуации, где один супруг обладает исключительно правами, в то время как другой несет только обязанности. Важно, что в Российской Федерации право на равенство между супругами является фундаментальным и закреплено как в СК РФ, так и в Конституции РФ. Для обеспечения четкости в трактовке и применении этого принципа, а также для предотвращения правовой неопределенности, необходимо, чтобы Верховный суд Российской Федерации предоставил официальное разъяснение по данному вопросу [14, с. 53].

Договор может быть объявлен судом полностью или частично недействительным. Если определенные положения брачного договора подпадают под эту категорию, они теряют свою силу. Признать брачный договор недействительным могут не только оба супруга или один из них, но и законный представитель супруга, если были поставлены под угрозу его права. Когда суд приходит к заключению о недействительности договора, он применяет принципы взаимной реституции, возвращая стороны к их исходным условиям. В таком случае, один из супругов обязан вернуть другому все, что было получено по договору, либо, если это невозможно, компенсировать его стоимость [13, с. 76].

Бесспорно, дебаты появились вследствие того, что нынешние законодательные акты оставляют без разъяснений термин «крайне неблагоприятное положение». На практике при применении права наблюдаются особые исключения, когда касается ответов на вопросы, связанные с интерпретацией законов. Одним из таких случаев служит указание, содержащееся в абзаце 15 решения Пленума Верховного Суда РФ, датированного 5 ноября 1998 года № 15, касающееся обсуждения бракоразводных процессов. В данном документе подробно описан пример, когда брачный контракт существенно ущемляет интересы одной из сторон, лишая её возможности иметь долю в совместно приобретенном во время брака имуществе, что выделяется в качестве явного примера недопустимого соглашения [8]. При этом при попытках признать п. 2 ст. 44 СК РФ неконституционным в виду того, что последний не позволяет установить, какие именно условия брачного договора могут поставить супруга в крайне неблагоприятное положение, Конституционный Суд РФ в Определении от 21.06.2011 № 779-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Арбузовой Валентины Павловны на нарушение ее конституционных прав п. 2 ст. 44 Семейного кодекса Российской Федерации» указал, что использованная в норме описательно-оценочная формулировка не свидетельствует о неопределенности ее содержания [5]. Особенности имущественных отношений между супругами таковы, что полный список обстоятельств, влияющих на их имущественное положение, не может быть точно определен и закреплён в законодательных актах из-за их многообразия. Когда закон даёт судье право самостоятельно оценивать ситуацию в рамках его усмотрения, это открывает возможность

применять юридические нормы к широкому кругу различных ситуаций без нарушения конституционно защищённых прав и свобод. Таким образом, делегирование оценочных полномочий судебной власти не только не противоречит основным законам, но и способствует гибкости правоприменения.

Соответственно, с учетом системного толкования крайне неблагоприятное положение является оценочной категорией. Для ее определения ученые предлагают различные критерии. А.С. Лалетина выделяет индивидуальный доход и объем личного имущества как ключевые показатели. В отличие от него, в фокусе внимания некоторых исследователей находятся семейные отношения, основанные на взаимопонимании, равенстве, и почтении. Эти учёные подчеркивают, что для сохранения гармонии необходим баланс прав и обязанностей, поскольку освобождение одной стороны от них неизбежно ведет к серьезному ухудшению положения другой [9, с. 15].

Помимо прочего, утверждают исследователи, важен также степень обременений, лежащих на плечах супругов. В результате решения, вынесенного Московским городским судом 10 августа 2020 года по делам № 2–4929/2019 и 33–16703/2020, брачный договор был аннулирован. Причина заключалась в том, что документ оформлял передачу всей недвижимости — как жилья, так и земельного участка — в исключительное владение одного из супругов, оставляя второго без каких-либо имущественных прав [4].

В большинстве ситуаций, когда суды решают, действителен ли брачный договор и как должно происходить разделение имущества между супругами, они принимают во внимание, равномерно ли распределено общее имущество и придерживаются основ базирующихся на договорной свободе (согласно ст. 421 ГК РФ) и на предпосылки, что обе стороны действуют добросовестно и рационально (в соответствии с ст. 10 ГК РФ). В исковом заявлении, поданном Н. против В., заключается требование о признании брачного договора недействительным, что привело к решению суда в пользу истца. Отмечено было, что спорный договор, устанавливающий условия передачи недвижимости в исключительное владение одного из супругов, нарушает права другого супруга на данное имущество, что стало основанием для удовлетворения требований Н.

Исходя из представленного анализа и учитывая правовую оценку, сделанную высшей инстанцией, следует заключить, что текущее положение истца, обусловленное условиями брачного договора, оказывается весьма несправедливым и невыгодным. Это является допустимой причиной для того, чтобы признать указанный договор недействительным на основании действующих законодательных требований [3].

В реальной жизненной ситуации, недостаток равенства в распределении имущества между супругами самостоятельно не служит достаточной причиной для того, чтобы считать брачный договор нелегитимным. В случае,

который обсуждался в рамках рассмотрения Верховным Судом, одна из сторон — жена финансиста, высказала претензии к действительности брачного договора, указывая на то, что ее доля составила лишь одну десятую по сравнению с суммой, выделенной ее экс-супругу. Вердикт Суда по этому вопросу заключался в отсутствии несправедливости в ее положении, акцентируя внимание на законности условий, дающих право обеим сторонам брака на индивидуальные условия раздела собственности [7]. Исходя из практики, можно заметить, что положения касательно деления имущества сложные и многогранные. Нет универсального правила, при котором бы деление имущества всегда воспринималось как крайне неблагоприятное из-за его непропорциональности. В некоторых ситуациях, это основание не рассматривается как критичное.

Таким образом, брачному договору, заключенному на условиях, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, присуще неравное распределение имущественных благ, а не стечение тяжелых обстоятельств как при кабальной сделке. Из-за широкого спектра имущественных прав и требования оценки их в денежном выражении для последующего сравнения размеров, создать исчерпывающий список критериев для определения неравенства в таких условиях оказывается сложной задачей.

Важно подчеркнуть, что существует возможность составления брачного договора как для уже нажитых, так и для потенциально будущих активов супружеской пары. Обычно, когда речь заходит о последних изменениях в брачном договоре, основная идея заключается в том, что все имущество, нажитое или которое предстоит нажить во время совместной жизни, будет считаться личной собственностью того супруга, на кого оно зарегистрировано. Это означает, что любое имущество, купленное за время брака на взаимные средства, или полученное одним из супругов в дар, по наследству, или через любые другие некоммерческие пути, автоматически принадлежит тому, кто официально является его владельцем. Это положение распространяется на любое приобретенное и приобретаемое имущество, как на движимое, так и на недвижимое.

Именно по такому принципу было распределено имущество в одном из брачных договоров. В результате один из супругов практически полностью лишился всего совместно нажитого имущества за 27 лет, а именно: садового домика со служебными строениями и сооружениями, земельного участка, имущества, находящегося в садовом домике и на земельном участке (бассейн сборно-разборный, два холодильника, три кондиционера, четыре телевизора, электрогенератор, мебель и предметы домашнего обихода, стиральная машина «Аристон», посудомоечная машина «Бош», электрическая плита, газовая плита, морозильная камера, бойлерная, котел), автомобиля, гаража, уставного капитала ООО. В виду указанных обстоятельств Определение Московского городского суда от 12.08.2011 по делу № 33–22277 решение районного суда, признающее такой брачный договор недействительным, оставило без изменения [6].

Исходя из этого, становится ясно, что оценить финансовое положение пары в случае развода или выявить возможные нарушения их прав на момент подписания брачного договора является невозможным, что наглядно демонстрирует данное обстоятельство. Этот аргумент подчеркивает еще один уникальный аспект, который разделяет ситуации вынужденного заключения сделок из-за серьезных проблем от условий, делающих брачный договор недействительным. В этом контексте, ключевым

моментом является продолжительность этих неблагоприятных условий, которые могут привести к оспариванию договора. Существенно, чтобы брачный договор был признан недействительным из-за общих нарушений, указанные нарушения должны были быть налицо на этапе его подписания. В то время как к обстоятельствам, влекущим признание брачного договора недействительным по специальным основаниям, такое требование не может быть предъявлено.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, часть первая (в ред. от 8 августа 2024 г. № 237-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. Ст. 3301.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. Ст. 16.
3. Апелляционное определение № 33–2943/2017 от 02.08.2017 г. // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/7XqY0jNOhCdC/> (дата обращения: 30.10.2024).
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.08.2020 по делу № 2–4929/2019, 33–16703/2020 // Электронный ресурс. Режим доступа: https://img-cdn.tinkoffjournal.ru/-/apelliatsionnoe-opredelenie-mosgorsuda-po-delu-no-33-16703_20-ot-10082020.v1lnis.pdf (дата обращения: 30.10.2024).
5. Определение от 21.06.2011 № 779-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Арбузовой Валентины Павловны на нарушение ее конституционных прав п. 2 ст. 44 Семейного кодекса Российской Федерации» // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58102338/> (дата обращения: 30.10.2024).
6. Определение Московского городского суда от 12.08.2011 по делу № 33–22277 // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://base.garant.ru/58124134/> (дата обращения: 30.10.2024).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2022 № 33-КГ22–5-К3 / Электронный ресурс. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-pograzhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27092022-n-33-kg22-5-k3/> (дата обращения: 30.10.2024).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.vsr.ru/documents/own/7783/> (дата обращения: 30.10.2024).
9. Астапова Т. Ю. Крайне неблагоприятное положение супруга как основание признания брачного договора недействительным: вопросы теории и практики // Актуальные проблемы права. — 2022. — № 9. С. 13–17.
10. Крюкова А. В. Специальная норма для признания брачного договора недействительным // Актуальные научные исследования: сборник статей XII Международной научно-практической конференции. — 2023. С. 154–156.
11. Почти пятая часть от общего числа браков, зарегистрированных в РФ за полгода, оформлена с использованием брачного договора // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/08/31/liubov-po-kontraktu.html> (дата обращения: 30.10.2024).
12. Семейное право: учебник / под ред. П. В. Крашенинникова, Б. М. Гонгалю. — М.: Статут, 2022. — 320 с.
13. Ушакова Л. А. Проблемы признания брачного договора недействительным // Молодой ученый. — 2022. — № 34. С. 75–77.
14. Шарыгина А. С. Некоторые вопросы о недействительности брачного договора // Инновации. Наука. Образование. — 2023. — № 76. С. 50–54.

Актуальные проблемы заключения договора купли-продажи недвижимости

Елизаров Алексей Игоревич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассматриваются отдельные актуальные проблемы заключения договора купли-продажи недвижимости. Ключевые слова: договор, недвижимость, купля, продажа, заключение.

Actual problems of concluding a real estate purchase and sale agreement

Elizarov Aleksei Igorevich, student master's degree
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg)

The article deals with individual, topical issues of concluding a real estate purchase and sale agreement.

Keywords: contract, real estate, purchase, sale, conclusion.

Заключение договора купли-продажи недвижимости — важный и неотъемлемый этап всей рассматриваемой процедуры. В научной литературе справедливо указывается на значимость данного этапа, подчеркивается необходимость его выполнения в строгом соответствии с требованиями нормативных правовых актов. При этом указанный вывод авторы делают, как в целом — в отношении процедуры договора купли-продажи [13, с. 197], так и для отдельных его видов [12, с. 16]. Также подчеркивается, что легитимная процедура заключения договора купли-продажи недвижимости — это залог предупреждения возможных мошеннических действий [11, с. 220].

К сожалению, несмотря на озвученную степень значимости, на сегодняшний день при заключении договора купли-продажи недвижимости возникает множество проблем. Речь, в частности, идет о соблюдении различных процедур, согласовании его условий и др.

Одной из таких сложностей являются необоснованные отказы в заключении договора купли-продажи имущества, а также увеличение срока рассмотрения документов. Проблема может быть продемонстрирована на конкретном примере. Так, «...Открытое акционерное общество ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени племенной завод «Караваяво» (далее — Общество) обратилось в Арбитражный суд Владимирской области с заявлением, уточненным в порядке статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, о признании незаконным бездействия Межрегионального территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом во Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областях (далее — Управление), выразившегося в уклонении от принятия решения по заявлениям о предоставлении в собственность Обществу земельных участков с кадастровыми номерами 44:07:083001:144, 44:07:000000:558, 44:07:083001:143, 44:07:082901:75, 44:07:082901:77, 44:07:083001:142, 44:07:083001:145, 44:07:030701:219 и об обязанности органа государственной власти принять решение по заявкам Общества. Установив факт непринятия Управлением в установленный законом срок по заявкам Общества решений об отказе либо о возможности заключения договора купли-продажи земельных участков, руководствуясь статьями 39.1–39.3 и 39.17 Земельного кодекса Российской Федерации и статьями 125 и 214 Гражданского кодекса Российской Федерации, суды пришли к правильным выводам об обоснованности заявленных требований и необходимости их удовлетворения. Вопросы внутриведомственного характера,

связанные с порядком принятия решений о предоставлении земельных участков, не должны являться препятствием осуществления лицом, обратившимся с заявлением в государственный орган, права на получение соответствующего решения в установленный законом срок. Необходимость оформления Росимуществом поручения, на которое сослался заявитель жалобы (отсутствие полномочий по принятию решения и направлении проекта договора купли-продажи на земельные участки площадью свыше 10 гектаров), не является обстоятельством, влекущим изменение срока принятия решения о предоставлении земельного участка, установленного в пункте 5 статьи 39.17 Земельного кодекса Российской Федерации. Оснований для отмены обжалованных судебных актов применительно к доводам, приведенным в кассационной жалобе, не найдено»... [4].

Аналогичные решения принимают и другие суды, в том числе, высшие [5; 6; 7; 8].

Также отметим существующие трудности, связанные с соотношением норм ГК РФ и положений иного законодательства при заключении договоров купли-продажи недвижимости. Данная проблема проявляется на множестве примеров. В частности, таким примером видится купля-продажа земельного участка. Как показывает анализ материалов судебной практики, часто при заключении сделок купли-продажи земельных участков не учитываются требования п. 3 ст. 35 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (далее — ЗК РФ) [3]. Речь идет об обеспечении преимущественного права на покупку земельного участка лицами, являющимися собственниками объектов недвижимости, расположенных на данных участках. Часто сами стороны не соблюдают данное требование. Более того, в определенных ситуациях суды не отменяют подобные сделки, не признают их недействительными — те лица, чьи права и законные интересы были нарушены таким образом, вынуждены обращаться в суды вышестоящих инстанций [9]. При этом отметим, что суды часто оказываются связанными в своих возможностях, поскольку формально, несоблюдение указанного требования не является основанием для признания договора купли-продажи недвижимости недействительным. На наш взгляд, в ГК РФ необходимо закрепить соответствующее основание, а до тех пор, пока этого не будет сделано, при заключении договора купли-продажи необходимо удостоверять факт отсутствия нарушения требований п. 3 ст. 35 ЗК РФ, в случае такого наличия доводить до всех заинтересованных лиц возможность предъявления требований по ч. 3 ст. 250 ГК РФ.

Таким образом, на сегодняшний день в процедуре заключения договора купли-продажи недвижимости наблюдается ряд существенных проблем.

Первая проблема — необоснованно отказы в заключении договора купли-продажи имущества, а также увеличение срока рассмотрения документов. Как показало проведенное исследование, подобные отказы часто связаны с формальным подходом уполномоченных должностных лиц и организаций к порядку заключения договора купли-продажи недвижимости. Полагаем, что на правовом уровне (например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»), необходимо закрепить требование, согласно которому при соблюдении всех установленных законодательством требований, договор купли-продажи должен быть заключен, а отказы в его заключении являются неправомерным действием. Примером такого действия могут быть выявленные в ходе исследования и распространенные в право-

применительной практике ситуации, когда в отсутствие поручения Росимущества территориальному управлению о заключении договора купли-продажи федерального имущества является основанием для отказа в его заключении или увеличения срока рассмотрения документов.

Вторая проблема — соотношение норм ГК РФ и ЗК РФ в части обеспечения требований о преимущественном праве собственника недвижимости, которая расположена на земельном участке на первоочередную покупку данного участка. При этом отметим, что суды часто оказываются связанными в своих возможностях, поскольку формально, несоблюдение указанного требования не является основанием для признания договора купли-продажи недвижимости недействительным. На наш взгляд, в ГК РФ необходимо закрепить соответствующее основание, а до тех пор, пока этого не будет сделано, при заключении договора купли-продажи необходимо удостоверить факт отсутствия нарушения требований п. 3 ст. 35 ЗК РФ, в случае такого наличия доводить до всех заинтересованных лиц возможность предъявления требований по ч. 3 ст. 250 ГК РФ.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 г. № 5 ст. 410.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 октября 2001 г. № 44 ст. 4147
4. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.07.2019 № Ф01–2369/2019 по делу № А11–9251/2018 // СПС «Консультант Плюс».
5. Определение ВАС РФ от 03.09.2013 № ВАС-11956/13 по делу № А12–11665/2012 // СПС «Консультант Плюс».
6. Определение ВАС РФ от 07.02.2012 № ВАС-377/12 по делу № А48–3992/2010 // СПС «Консультант Плюс».
7. Определение ВАС РФ от 27.12.2011 № ВАС-16653/11 по делу № А74–4662/2010 // СПС «Консультант Плюс».
8. Определение ВАС РФ от 22.12.2011 № ВАС-15986/11 по делу № А57–13943/2010 // СПС «Консультант Плюс».
9. Постановление ФАС Уральского округа от 20.09.2007 № Ф09–7626/07-С6 по делу № А76–2455/07 // СПС «Консультант Плюс».
10. Постановление ФАС Поволжского округа от 21.04.2011 по делу № А57–15930/2009 // СПС «Консультант Плюс».
11. Безуглова, Е. С. Возможные мошеннические действия при заключении договоров купли-продажи объектов недвижимости / Е. С. Безуглова, М. С. Клянчина, К. В. Шевченко // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 2(230). — С. 220–224
12. Ильина, Д. С. Проблемные аспекты заключения договора купли-продажи нежилой недвижимости / Д. С. Ильина // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. — 2015. — № 2(104). — С. 16–21.
13. Минигалева, Г. М. Правовые ошибки, при совершении жилищных сделок: анализ норм гражданского законодательства / Г. М. Минигалева, Е. Н. Баширина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 1–3(88). — С. 197–201.

Проблема отмены судебных приказов, вынесенных мировыми судьями, в современном гражданском судопроизводстве

Заславский Денис Борисович, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

Исходя из правил подсудности в гражданском процессе судебных споров, приказное производство является наиболее востребованным способом разрешения правовых конфликтов. В предпринятом исследовании осуществляется анализ су-

дебной практики, в том числе причин отмены судебных приказов, а также предлагаются пути решения проблем организации современного производства.

Ключевые слова: судебный приказ, мировой судья, исполнительное производство, отмена судебного приказа, судебное делопроизводство.

The problem of canceling court orders issued by magistrates in modern civil proceedings

Zaslavsky Denis Borisovich, student master's degree
North-West Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg)

Based on the rules of jurisdiction in civil litigation, writ proceedings are the most popular way to resolve legal conflicts. The undertaken study analyzes judicial practice, including the reasons for the cancellation of court orders, and also suggests ways to solve the problems of organizing modern production.

Keywords: court order, magistrate, enforcement proceedings, cancellation of a court order, court records management.

Статья 46 Конституции РФ [4] регламентирует гарантии судебной защиты прав и свобод граждан. На современном этапе судебная защита является одним из наиболее востребованных инструментов охраны прав и свобод граждан. Судебный приказ способствует ускорению разрешения правового конфликта, а также восстановлению нарушенных прав заявителя. Возможность использования электронного документооборота в процессе рассмотрения заявлений о выдаче судебного приказа позволяет оптимизировать судопроизводство. Новации отечественного законодательства 2024 года направлены, в том числе, на совершенствование правоотношений в приказном производстве. В частности, в настоящее время взыскатели обязаны направлять должникам копии заявлений о вынесении судебного приказа.

Приказное производство является одним из видов упрощения производства в российском судопроизводстве. В то же время, исходя из правил подсудности, установленных в Гражданском процессуальном кодексе РФ 2002 г. [5] (далее — ГПК РФ) и Федеральном законе «О мировых судьях в Российской Федерации» [6], приказное производство является одним из самых востребованных видов цивилистического производства.

Масштабность применения юридического инструментария судебных приказов в Российской Федерации формируют дискуссии, в том числе о сущности самих судебных приказов. К примеру, М.К. Мамедова и Н.С. Даххаева ставят под сомнение судебную сущность судебного приказа, считая, что это «больше административная форма защиты права, нежели судебная», отмечая также противопоставление организации приказного производства принципам отечественного гражданского процесса [3]. В русле данных подходов, по сути, были расширены полномочия нотариусов, которые с 2017 года посредством осуществления исполнительной надписи вправе производить распоряжения о соответствующих взысканиях в принудительном порядке [7]. Ряд исследователей, на основании

официальных данных Федеральной нотариальной палаты Российской Федерации, фиксирует успешность данных новаций [1]. В то же время судебные приказы остаются основной формой судебного акта в деятельности мировых судей. За каждым судебным приказом, выносимым в бесспорном порядке, формируется значительный перечень организационных действий, которые осуществляются в ходе ведения судебного делопроизводства, начиная от ведения учётно-регистрационной деятельности и формирования материалов приказного производства как отдельной документированной единицы [2].

Данные статистического наблюдения о деятельности судов, обрабатываемые в настоящее время Судебным департаментом исключительно в автоматизированном режиме, формируют объективную основу для осуществления анализа. В рамках настоящего исследования представляется важным определить общую долю судебных приказов в гражданском судопроизводстве, осуществляемом мировыми судьями за 2020–2022 годы. Официальные статистические данные о количественных показателях формируются в унифицированных отчётах формы № 2 «Отчёт о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции», которые, в силу имеющихся полномочий, консолидируются и анализируются Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Возможность консолидации данных судебной статистики, получаемых при организационном содействии органов исполнительной власти в субъектах Российской Федерации, основана на закреплении за судебной статистикой правового статуса федеральной собственности [8]. Судебные приказы составляют большую часть гражданских и административных дел, числящихся в картотеках мировых судей (таблица № 1).

По данным Судебного департамента в 2022 году мировые судьи, на основании поступивших заявлений должников, отменили 1 миллион 576 своих же судебных при-

Таблица 1. Количество судебных приказов в общем объеме гражданских и административных дел (ГПК РФ и КАС РФ), вынесенных мировыми судьями 2020–2022 годах

№ п/п	Год	Общее количество рассмотренных мировыми судьями гражданских и административных дел	Из стр. 3 судебных приказов
1.	2020	25 миллионов 235 тысяч дел	24 миллиона дел
2.	2021	24 миллиона 294 тысячи дел	22,6 миллиона дел
3.	2022	27 миллионов 400 тысяч дел	25,5 миллионов дел

казов. Таким образом, доля от отмененных судебных приказов вынесших их ранее мировыми судьями составила 6,2% от их общего числа [9].

Актуальность настоящего исследования основана на изменении содержания статьи 129 ГПК РФ «Отмена судебного приказа», что произошло в отечественном законодательстве 6 ноября 2024 года. Основанием для этого стал Федеральный закон от 26 октября 2024 г. № 356-ФЗ. Содержание статьи 129 ГПК РФ было существенно расширено за счёт включения в её структуру двух дополнительных частей. Действие процессуальных норм о сроках в части обязанности направления судом в пятидневный срок со дня вынесения должнику копии судебного приказа и возникающей вследствие этого у должника возможности предоставления в суд в течение десяти дней (со дня получения судебного приказа) возражений (статья 128 ГПК РФ), получило твёрдые ограничения. В настоящее время пропуск данного десятидневного срока должником влечёт его не рассмотрение судом. В то же время, для обеспечения процессуального принципа законности, в статье 129 зафиксирован единственный вариант продления срока — если должник обоснует невозможность предоставления возражений на судебный приказ в установленный отрезок времени по независящим от него причинам. Такие основания, в свою очередь, должны быть изложены судьей в заявлении об отмене судебного приказа. Однако в таком случае у заявителя о выдаче судебного приказа имеется основание для подачи частной жалобы, в которой будут выражены сомнения в уважительности причин пропуска сроков должником.

Также с 6 ноября 2024 года действуют специальные правила об отмене судебного приказа по социально значимой их группе — это отмена приказов о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей. Определено, что в случае отмены таких приказов в связи с удовлетворением требований взыскателя в порядке искового производства, данные требования должны удовлетворяться только за период взыскания алиментов на основании судебного приказа.

Правоприменение в связи с вынесением судебных приказов чаще всего имеет противоречия в связи с организацией надлежащего уведомления должника. Постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 [10] были разъяснены вопросы, которые возникали в практической деятельности мировых судей. К примеру, Пленумом было указано, что на-

чало течения десятидневного срока для заявления должником возражений относительно исполнения судебного приказа согласно статье 128 ГПК РФ, исчисляется со дня получения должником копии судебного приказа на бумажном носителе либо со дня истечения срока хранения судебной почтовой корреспонденции, установленного организациями почтовой связи. Данное правило существенно повысило степень защиты должника от необоснованного вынесения судебного приказа.

Наиболее концентрированно проблемы отмены судебных приказов, вынесенных мировыми судьями, разрабатываются в обобщениях судебной практики, которые осуществляются судами общей юрисдикции и самими мировыми судьями в субъектах Российской Федерации.

Например, в обобщении судебной практики по гражданским делам, рассмотренным в порядке приказного производства Судебного участка № 1 мирового судьи Адамовского района Оренбургской области, указано, что за 6 месяцев 2023 года поступило 49 заявлений об отмене судебного приказа, в результате чего дальнейшее движение приказного производства было приостановлено. Причины отмены судебных приказов варьируются в зависимости от категории дел. Например, по категории дел, вытекающих из нарушений налогового законодательства это, как правило, задержка поступления платежного документа в налоговый орган или оспаривание суммы задолженности по налогам.

Актуальным в современных реалиях является вопрос о взыскании задолженности по кредитам физических лиц. С точки зрения кредитора, применение процедуры приказного производства для взыскания задолженности имеет определенные преимущества, поскольку это способствует сокращению времени рассмотрения дела судом и ускоряет начало исполнительного производства. При этом исключается сложная процедура подтверждения законности требований кредитора перед судом, которая часто зависит от субъективного мнения судей относительно взыскания такой задолженности. В порядке приказного производства взыскивались суммы основного долга по договорам займа и кредитным договорам, а также начисленные на основании договора суммы процентов и неустоек (штрафа, пени).

Таким образом, изучение судебной практики продемонстрировало, что при поступлении от должника возражений с пропуском срока, установленного статьей 128 ГПК РФ, мировые судьи выносят определение об отмене

судебного приказа при наличии уважительных причин невозможности представления возражений в установленный срок. В случае пропуска должником срока подачи возражений относительно исполнения судебного приказа, когда должниками были представлены заявления о восстановлении пропущенного процессуального срока, мировыми судьями выносятся определения о восстановлении данного срока или об отказе в его восстановлении, а также об отказе в отмене судебного приказа.

Также выявлены случаи, когда определения об отмене судебных приказов выносились судьями спустя значительное количество времени после истечения срока, установленного статьей 128 ГПК РФ, в отсутствие доказательств, подтверждающие невозможность своевременной подачи возражений по причинам, независящим от должника. В формировании современной практики возможности отмены судебных приказов важное значение имеет практика Конституционного Суда Российской Федерации.

Правовая позиция органа конституционного надзора заключается в недопустимости лишения права на судебную защиту в случае отмены судебного приказа о взыскании алиментов и перехода в рассмотрение дела в порядке искового производства. Зафиксированные в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2023 г. № 53-П выводы изменили действующее на тот период нормативное правовое регулирование.

В настоящее время согласно части 3 статьи 129, в случае отмены судебного приказа о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, при условии удовлетворения требований взыскателя в порядке искового производства такие требования должны удовлетворяться за период, в течение которого алименты подлежали взысканию согласно судебному приказу. Позиция Конституционного Суда РФ нашла отражение в содержании статьи 129 ГПК РФ в отсылочной норме к пункту 2 статьи 107 Семейного кодекса РФ о предельном трёхлетнем сроке взыскания с момента обращения в суд.

Проблема отмены судебных приказов, вынесенных мировыми судьями в современном гражданском судопроизводстве логически связаны с вопросами эффективности приказного производства. Простота и скорость принятия судебного решения в приказном производстве в качестве негативного последствия несёт в себе возможность его отмены.

Снижение нагрузки на мировых судей в связи с необходимостью принятия процессуальных решений об отмене судебных приказов может быть достигнуто за счёт своевременного доведения до должников предъявляемых к ним требований. Одним из наиболее перспективных средств является развитие судебных коммуникаций и сопряжённых с ними государственных сервисов, позволяющих осуществлять качественный информационный обмен.

Литература:

1. Божко А. П., Кавкаева Ю. А., Руднева Ю. В., Фадеев А. В. О некоторых проблемах приказного производства // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 3. С. 219–256.
2. Латышева Н. А. Актуальные юридические компоненты в организации ведения делопроизводства на судебных участках мировых судей // Мировой судья. 2020. № 8. С. 18–22.
3. Мамедова М. К. и Даххаева Н. С. Проблемы приказного производства в Российском гражданском процессе // Юридический вестник ДГУ. 2019. Т. 30. № 2. С. 96–98.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения: 15.11.2024).
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 137-ФЗ (ред. от 26.10.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
6. Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6270.
7. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Ч. II). Ст. 4293.
8. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 124 «Об утверждении Инструкции по ведению судебной статистики». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401311078/> (Дата обращения: 29.02.2024 г.).
9. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Раздел «Судебная статистика». URL: http://cdper.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_SOYU_2022_na_sayt_SD.pdf.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71477400/> (Дата обращения: 29.02.2024 г.).

Свобода договора и ее пределы (российский и зарубежный опыт)

Захватаева Оксана Валерьевна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В статье рассматриваются подходы к определению принципа свободы договора в российской и зарубежной практике. Сначала дается понятие свободы договора и его сущности с точки зрения российских и зарубежных авторов, в дальнейшем определяются способы ограничения свободы договора, принципы.

Ключевые слова: договор, свобода, принципы, ограничение.

Теоретическое понятие свободы договора определяется в работах разных авторов, при этом сначала необходимо определиться с понятием свободы. Понятие свобода отражено в словаре Даля как «своя воля, простор, возможность действовать по своему усмотрению, без какого-либо стеснения или подчинения чужой воле» [1, с. 290]. Если анализировать литературу — философскую, потом юридическую, то сначала обратимся к понятию свободы данные философами. Философы, такие как Маркс, Гегель, Кант, Спиноза и другие видели понятие несколько иначе. Автор зарубежного словаря Андре Конт-Спонвиля, описывает понятие как: «свобода действия (если под делом разуметь действие), свобода желания (если под делом разуметь желание), свобода разума (если под делом разуметь мышление)» [2, с. 510]. В размышлениях Спинозы появилось особенность присущее свободе — это разумность. «Разумность — один из важнейших признаков свободы в праве, в том числе и свободы договора». Дальнейшее развитие понятие «свободы» как присущая особенность договора получило в работах И. Канта. Данный автор указывал «прав любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произвола каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом» [3, с. 254]. Таким образом данный автор уже определил «свободу» как «всеобщий принцип права». Российский ученый правовед С. С. Алексеев под свободой «возможность ничем не связанного выбора, принятия решения независимо ни от кого, ни от каких-либо внешних обстоятельств» [4, с. 84]. Кроме того, данный автор связывает свободу с договором на правовом уровне и описывает ее как «фундамент для осуществления экономической деятельности субъектами гражданского права». Другой российский автор — В. С. Нерсесянц, характеризовал свободу договора используя понятия равенства. По его мнению, «свобода и равенство неотделимы и взаимно предполагают друг друга. Свобода не только не противоположна равенству (а именно — правовому равенству), но, напротив, она выразима лишь с помощью равенства и воплощена в этом равенстве» [5, с. 15].

По мнению Ю. В. Роговой, свобода договора закреплена на законодательном уровне — на уровне Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ. В ее исследованиях договор по нормам Конституции РФ (ст. 34, 37) связывается с экономической свободой «единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых

средств». При этом она выделяет понятие «свобода гражданско-правового договорного регулирования». Сравнивая два понятия «свобода договора» и «свобода гражданско-правового договорного регулирования» данный автор приходит к мнению, что это идентичные понятия. По ее мнению «принцип свободы договора (п. 1 ст. 1, ст. 421 ГК РФ), с одной стороны, является логическим продолжением конституционных основ, с другой — имеет собственное содержание и правоприменительное значение» [6, с. 5]. Продолжая исследование свободы договора, обратимся к понятию данным М. А. Дмитриевым. Он указал, что «принцип свободы договора обозначенный в ст. 421 ГК РФ наиболее рельефно отражает идею свободы. Договор представляет собой юридическую конструкцию. Содержание договора невозможно без свободы, свобода является истинным содержанием договора, так как представлена диспозитивностью сторон» [7, с. 10]. Интересным мнением является мнение Л. А. Руднева. Данный автор связывает свободу договора с юридической конструкцией экономических отношений — «товарно-денежный механизм создает, с одной стороны, необходимость использования договорной формы в деятельности независимых и юридически равноправных субъектов, а с другой — наделяет их свободой осуществления прав и обязанностей в гражданском обороте» [8, с. 34]. Еще один автор выдвинул свое мнение относительно свободы договора. Так по мнению И. А. Покровского принцип свободы договора следует рассматривать с двух сторон — отрицательной «недопустимость по общему правилу понуждения кого-либо к вступлению в договор против его воли» и положительной — «гражданское право переходит от системы типичных договоров к признанию действительными всех договоров, независимо от их соответствия тому или иному образцу» [9, с. 111].

Исследуя понятие свободы договоров, можно отметить факт многозначности понятия и это связано с понятием «договор». Законодательно свобода договора отражена в ст. 421 ГК РФ и раскрывается как «договор-сделка, то есть соглашение двух и более сторон об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей». Понятие свободы договора отражает три главных принципа — это свобода выбора по принятию решения о заключении договора. Второй принцип — это свободное принятие решения на выбор типа договора. И третий принцип — это принятие свободного решения в определении содержания договора.

Данные принципы имеют законодательное закрепление. Первый принцип законодательно закреплен в п. 1 ст. 421 ГК РФ, который гласит «граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев» [10]. Таким образом законодатель запретил нарушать свободу договора, обозначив исключительные правила ограничения свободы. Практически это означает, что одно частное лицо не может понуждать заключать договор принудительно другое частное лицо. Второй принцип обозначен в п. 2 ст. 412 ГК РФ — «стороны могут заключить договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами». По сути, законодатель, определяя данный принцип исходил из того, что действуют все виды договоров, которые не должны противоречить законам РФ. Такие договоры в юридической литературе обозначает как смежные. Данные виды договоров в праве России были и ранее. Исторически такой вид договора был ст. 1570 проекта Гражданского уложения Российской империи [11, с. 489]. Но в данном случае анализ судебных решений позволяет судить о не реализованном принципе, так как «в процессе применения права осуществляют квалификацию того или иного договора путем подведения его под определенную в части второй ГК РФ договорную модель» [10].

Третий принцип определен п. 4 ст. 421 ГК РФ. Сущность его в том, что «условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, предписанных законом или иными правовыми актами» [10]. Сущность данного принципа в том, что реализуется возможность частных лиц принять решение при заключении договора определить его содержание. Свобода позволяет действовать из собственных интересов, потребностей и целей, и данный факт позволяет определять содержание самого договора.

В общем, обозначив три основных принципа свободы договора, можно сказать, что они отражают особенности заключения самого договора.

В зарубежных источниках как юридической литературы, так и нормативных актов под свободой договора понимается по-разному. Для примера приведём практику немецкого права. Его нормы «выделяют два ключевых элемента: свободу заключения договора и свободу его содержания». [12, с. 94].

В свою очередь, свобода договора, в англо-американском праве в отличие от немецкого права, раскрывает его сущность «через многочисленные составляющие: свобода заключения договора и свобода от договора» (свобода не заключать договор на этапе преддоговорных отношений), свобода выбора контрагента, свобода выбора объекта и цели договора, свобода выбора формы договора и способа его заключения, свобода выбора условий договора, свобода выбора способа обеспечения исполнения договора, свобода определить размер ожидаемых убытков в случае нарушения договора, возможность уступки прав и перевода долга по договору» [13]. Представленный список указывает на то, что свобода договора является

сложным явлением, элементы которого изначально формируются в деловой практике, а затем находят отражение в законодательных актах или прецедентном праве.

Естественно, существуют и моменты, когда свобода договора может быть ограничена. Ограничения связаны с общественными отношениями в обществе и развитием норм права. Российский ученый Г. Ф. Шершеневич отмечал данный факт, что «безграничная свобода договора, которая выставлялась недавно как необходимое условие гражданского быта и основной принцип законодательной политики, в последнее время подвергается стеснениям под возрастающим давлением общественных интересов» [13, с. 78]. Таким образом данный учёный выделил тот факт, что несмотря на свободу договорных отношений могут быть приняты законодательные ограничения. Связано это может быть с разными ситуациями — неравность субъектов договора, различие экономических, кадровых, материальных ресурсов. В этом случае, если субъект договора обладает экономическими преимуществами, он сможет диктовать свои условия ничем не ограниченные, что приводит к неравномерному развитию рынка и договорных отношений.

В российской практике и научных исследованиях относительно свободы договора выделяют пассивную модель и активную модель ограничения свободы договора [14, с. 47].

Первая модель очень часто применяется государством, ее сущность в том, что властными полномочиями государство осуществляет установку жёстких ограничений свободы договора путём прямого указания. Ограничения в рамках договора касаются содержания договора, где стороны не вправе согласовывать условия. Эти ограничения облакаются в форму императивных норм, которые содержат либо прямые запреты, либо позитивные предписания, из которых такие запреты вытекают однозначно и недвусмысленно. Стоит обратиться к теоретическому понятию данному А. Г. Карапетовым и А. И. Савельевым. По их мнению, «в рамках первой модели роль конкретного суда, рассматривающего спор, государство в качественной оценке договорных условий это роль минимизирует. Оценка возможности существования соответствующих условий договора осуществляется законодателем или высшим судом, а суду, рассматривающему конкретный спор, остается путем механической дедукции применить соответствующий запрет и признать весь договор или отдельное его условие недействительными или иным образом не приводить волю сторон в исполнение» [15, с. 56].

По мнению Ю. В. Роговой данную модель ограничения свободы договора она характеризует как «ex ante моделью ограничения договорной свободы (ex ante — предполагаемый, ожидаемый (лат.))». В качестве главного юридического предела она выделяет «содержание законодательных предписаний, действующих в момент заключения договора, при этом суд всего лишь соотносит содержание определенного договора с правовыми нормами, регулирующими данные отношения» [6, с. 6].

Обычно выделяется три вида недостатков данной модели — *Ex ante*.

Во-первых, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, такие запреты часто оказываются недостаточными либо чрезмерными [14, с. 49]. Не всегда удается добиться золотой середины, так как формулировка соответствующей императивной нормы, не охватывает все случаи жизни, а значит приведенная норма ограничения свободы договора, в определенных ситуациях может быть избыточной или, наоборот, окажется недостаточной. При этом существуют факты, когда для достижения своих целей недобросовестные участники гражданской сделки могут легко находить для этого обойти эти ограничения.

Приведем небольшой перечень примеров «обходов закона», выявленных на настоящий момент судебной практикой:

- признание права собственности на самовольную постройку в случае неполучения (и непринятия мер к получению) застройщиком разрешения на строительство [16];
- условие кредитного договора, прикрывающее «сложные проценты» [17].

Фактически по «обходу закона» могут пониматься совокупность действий, а не только как отдельное действие (предъявление иска, установление условия в договоре). При совокупности действий определённого «обхода закона» имеют общую цель — «закрепления определенного правового статуса либо признания определенного юридического факта в обход различных положений законодательства». В качестве судебного примера можно привести решение суда от 10.10.2012 по делу № А65–13619/2012 вынесенное Постановлением ФАС Поволжского округа относительно положений ст. 218 ГК РФ. В данном решении указано «предъявление иска одним обществом к другому обществу о государственной регистрации перехода права собственности на железнодорожный тупик необщего пользования, затем заключение сторонами мирового соглашения, утвержденного арбитражным судом, которое по существу удовлетворяло исковое требование, при том, что на момент утверждения мирового соглашения ответчик не имел права собственности на спорный тупик» [18].

Во-вторых, от законодателя требуется создание все более сложных норм, при этом должны быть учтены множество существующих исключений и уточнений в других нормах законодательства. По сути, законодатель в этом случае пойдет по пути усложнения процесса законотворчества, что влечет увеличение экономических затрат. В такой ситуации ограничения договорного регулирования в *ex ante* модели предоставляют судам возможность отменять нежелательные условия договоров на основе различных оценочных стандартов. Положительным аспектом является то, что суд может учитывать ограничения свободы договорного регулирования с учетом совокупности обстоятельств конкретного правоотношения.

Вторая модель ограничения свободы договора предполагает наличие прецедентной практики, как на уровне

высших судебных инстанций, так и на уровне законодательства, когда законодатель должен установить общие законодательные оценочные критерии для сделок, и последние должны соответствовать этим условиям. «Эта модель фактически передает основную ответственность за оценку соответствия конкретных договорных условий указанным критериям судам, рассматривающим конкретные споры. Характерной чертой данной модели регулирования является ретроспективный подход к судебной оценке» [6, с. 7]. Эту модель ограничения свободы договорного регулирования можно охарактеризовать как *ex post* контроль свободы договора (*ex post* — латинское выражение, означающее «после того, как что-то произошло»). «Основное юридическое содержание данной модели заключается в ретроспективной политико-правовой оценке условий договора на соответствие определенным общим оценочным критериям, что отражает активную деятельность суда» [6, с. 8].

Данный вид ограничения договоров предполагает признания судом юридической силы договора в целом или его отдельных условий, фактически стороны лишены права решить данный вопрос, а значит спор «может быть решен только при передаче соответствующего дела на рассмотрение в суд» [19]. О подобной модели ограничения свободы договора в начале XX века писал ученый Н. Растеряев, который указывал, что «существует особый подвид сделок действительных в начале и недействительных впоследствии (*ex post*)» [20, с. 21].

При этом существуют отрицательные моменты модели *ex post* ограничения договорного регулирования — применение оценочных понятий (возникают риски ошибок интерпретации норм права). Оценка норм на основе мировоззренческих взглядов морали [21]. И третий минус — это судебское усмотрение, отличающееся не единообразным применением закона, а отдельными вариантами, порой друг другу противоречащие [22, с. 32].

Модель ограничения свободы договора *ex post* подразумевает неизбежное увеличение затрат на разрешение споров, а также общего бремени на бюджетную систему [23, с. 108].

Далее рассмотрим ограничения свободы договора в зарубежной практике. К. Осаке выделяет следующий вид ограничений свободы договора — «публичный интерес ограничивал свободу договора определенными рамками (*superimposition of public interest over freedom of contract*)» [24, с. 86].

Сущность данного вида ограничений в англосаксонском праве «системное ограничение свободы договора осуществляется разными традиционными способами (то есть правилами), которые совокупно носят название «надзорные доктрины» (*policing doctrines*) или «надзорные теории» (*policing theories*). Обозначенный вид ограничений характеризует деятельность судов по определению «момента, когда свобода договора заканчивается и когда начинается позвольительное правовое регулирование договорных отношений».

Второй вид ограничений свободы договора — надзорные доктрины. «В англо-американском праве надзорные доктрины делятся на семь родовых групп: 1) надзорные доктрины, касающиеся волеизъявления (*assent-oriented policing doctrines*); 2) касающиеся формы договора (*contract formalities-oriented policing doctrines*); 3) касающиеся содержания договора: правила общего права (*content-oriented policing doctrines at common law*); 4) касающиеся содержания договора: правила справедливости (*content-oriented policing doctrines in equity*); 5) касающиеся изменения и прекращения договора (*modification and termination-oriented policing doctrines*); 6) касающиеся оборотоспособности объектов договора (*com-modifiability-oriented policing doctrines*) и 7) касающиеся замены лиц в договоре (*substitution of parties-oriented policing doctrines*)» [24, с. 87]. Сущность данных надзорных доктрин в том, что они применяются последовательно на всех стадиях договорного процесса с момента заключения договора до прекращения обязательств по договору. Мы видим, что даже зарубежное

право поддерживает две модели ограничения свободы договора.

Таким образом, мы рассмотрели понятие свободы договора, которая определяет, что в основе любого договора, лежит соглашение сторон, то есть это выражение их воли при заключении сделки. Эта воля предполагается свободной; в договоре она должна быть наиболее полно выражена. Любой договор может быть ограничен по двум моделям ограничения — это пассивная модель «*ex post*» и активную модель «*ex ante*» ограничения свободы договора.

Изученные модели ограничения свободы договорного регулирования представляют собой значимый правовой инструмент для управления экономикой в условиях её нестабильности. Регулирование экономики в периоды её колебаний, включая договорные отношения, которые составляют её основу, должно преследовать две основные цели: во-первых, защиту экономически уязвимой стороны договора, и, во-вторых, защиту общественных интересов, поскольку интересы имущественного оборота в целом имеют общественный, а не только частный характер.

Литература:

1. Даль, В. И. (1801–1872). Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 ч.] / [соч.] В. И. Даля. — Москва: Изд. Общ-ва любителей Российской словесности, 1863. — 627 с.
2. André Compt-Sponville *Dictionnaire philosophique*. М., 2012. 752 с.
3. Кант И. Сочинения. В 8-ми томах. Т. 6. М., 1994. 618 с.
4. Алексеев С. С. Философия права. М.: Издательство НОРМА, 1998. 336 с.
5. Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2005. 835 с.
6. Рогова Ю. В. К вопросу о моделях ограничения свободы договорного регулирования в гражданском законодательстве // Вестник арбитражной практики. 2013. № 1. С. 5–12.
7. Димитриев М. А. Принцип свободы договора (комментарий к статье 421 Гражданского кодекса Российской Федерации) // Мировой судья. 2011. № 12. С. 10–13.
8. Руднева Л. А. Вопросы совершенствования договорного регулирования: дис. ... к.ю.н. М., 2006. 210 с.
9. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. / И. А. Покровский. — М.: Статут, 2020. — 351 с.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N32, ст. 3301.
11. Кодификация российского гражданского права. Екатеринбург: Институт частного права, 2003. 928 с.
12. Шапп Я. Система германского гражданского права: Учебник / пер. с нем. С. В. Королева. М.: Изд-во Международные отношения, 2006. 357 с.
13. Шершеневич Г. Ф. Учебник гражданского права. Т. 2. М.: Статут, 2005.
14. Слепенкова О. А. Ограничения принципа свободы договора: законодательство и позиция судов // Цивилист. 2008. № 4. С. 47–49.
15. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М.: Статут, 2012. 452 с.
16. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 07.09.2012 по делу № А19–21059/2011 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения: 18.11.2024).
17. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13.09.2011 № 146 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с применением к банкам административной ответственности за нарушение законодательства о защите прав потребителей при заключении кредитных договоров» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.
18. Постановление ФАС Поволжского округа от 10.10.2012 по делу № А65–13619/2012 // Справочно-правовая система «Консультант плюс» (дата обращения: 18.11.2024).
19. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М.: Статут, 2012. 452 с.
20. Растеряев Н. Недействительность юридических сделок по русскому праву: Часть общая и часть особенная. Докладное исследование. СПб: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1900. 386 с.

21. ВАС решит, насколько безнравственно не платить налоги. URL: <http://www.buhsmi.ru/lenta/204187/> (дата обращения: 15.11.2025).
22. Желонкин С. С. Аналитический обзор: вопросы применения отдельных норм Гражданского кодекса Российской Федерации о недействительности сделок // Вестник Арбитражного суда города Москвы. 2010. № 5. С. 18–44.
23. Желонкин С. С. Недействительность антисоциальных сделок: Монография. М.: Инфра-М, 2012. 159 с.
24. Осаке К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность и ограничения // Журнал российского права. 2006. № 7 (115). С. 86–87.

Президент Российской Федерации и исполнительная власть в Российской Федерации

Зубченко Айна Асвадовна, студент

Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина

В статье автор исследует место и роль Президента Российской Федерации в системе исполнительной власти.

Ключевые слова: Российская Федерация, исполнительная власть, Президент.

Актуальные трансформации в политической и социально-экономической сферах России подчеркивают важность и необходимость модернизации государственного управления. Это предполагает переход к более эффективной и централизованной системе, которая обладает высокой оперативностью и результативностью административных органов. Ключевым аспектом такой «модернизации является четкое определение ролей и полномочий этих структур» [8].

В 2020 году в Конституцию Российской Федерации были внесены важные изменения, которые затрагивают структуру публичной власти и отношения между Президентом и органами исполнительной власти. Эти поправки представляют собой трансформацию в системе государственного управления в России, вызванную выявленной проблемой.

В рамках своего исследования я анализирую вопрос о том, какое место и значение занимает Президент РФ в структуре исполнительной власти.

После одобрения и вступления в силу поправок Президент получил возможность осуществлять полный контроль над работой органов публичной власти, что отличается от предшествующей ситуации, когда он лишь координировал их деятельность. Также, в Конституции Российской Федерации ранее было предусмотрено обязательство роспуска Государственной Думы, которое теперь заменено правом роспуска. Эти изменения указывают на постепенный переход к президентской форме правления.

Важно подчеркнуть, что в результате внесённых изменений в первую часть статьи 10 Конституции Российской Федерации был установлен перечень органов, которые занимаются осуществлением государственной власти в стране. Законодательная власть представлена Федеральным Собранием, исполнительная — правитель-

ством, а судебная — судебными инстанциями. Тем не менее, необходимо отметить, что полномочия Президента не имеют чёткого определения.

И. С. Масликов, изучающий проблематику конституционного права, отмечает в своих трудах следующее: «Президент имеет свою компетенцию в управлении государством, отделенную от компетенции органов законодательной, исполнительной и судебной властей» [5].

В соответствии с нормами статьи 80 Конституции Российской Федерации, можно утверждать, что Президент, будучи главой государства, не входит в состав исполнительной власти. Тем не менее, его роль в политической системе остается значительной и «имеет возможность воздействия на формирование и работу органов исполнительной власти» [3].

В 2020 году в Российской Федерации произошли важные изменения в Конституции, которые значительно повлияли на административно-правовой статус Председателя Правительства и самого Правительства. Эти поправки привели к тому, что власть Председателя Правительства стала в значительной степени зависимой от Президента. Ранее Президент мог только председательствовать на заседаниях Правительства, однако после внесения изменений он теперь осуществляет общее руководство Правительством, что зафиксировано в пункте «б» статьи 83, часть 1.

Президент Российской Федерации имеет возможность самостоятельно назначить Председателя Правительства, но для этого необходимо, чтобы Государственная Дума рассмотрела и утвердила его кандидатуру на основании предложения Президента. В свою очередь, Государственная Дума также имеет право освободить Председателя от должности, но может утвердить только того кандидата, которого предложит Президент. Президент Российской Федерации имеет полномочия уволить из

должности Председателя Правительства РФ, его заместителей, федеральных министров и руководителей федеральных органов исполнительной власти, непосредственно подчиненных ему.

Таким образом, указанные на постах министры и руководители ведомств теперь не подчиняются Председателю Правительства, что существенно уменьшает его власть как лидера исполнительной власти.

В рамках своего анализа я учитываю взгляды авторитетных исследователей С. В. Гунича и А. Е. Ступницкого. Они подчеркивают, что функция Председателя Правительства Российской Федерации утратила четкость и значимость. Ранее данная должность играла центральную роль в управлении государством, но сейчас ситуация изменилась «теперь лишь организует его работу и несет персональную ответственность перед главой государства за осуществление возложенных на Правительство полномочий» [1].

На сегодняшний день можно отметить, что роль Председателя Правительства Российской Федерации значительно изменилась, что связано с уменьшением его обязанностей и полномочий. В то же время наблюдается рост полномочий Президента в управлении этими структурами.

Следовательно, я отмечаю значительное усиление президентской власти, описанное в работах А. А. Султанова «приводит к мысли о становлении в России классической президентской республики, когда Президент возглавляет Правительство» [6]. Глава Российской Федерации по факту управляет исполнительной властью в виду своих полномочий. Тем не менее, основным минусом этой системы является отсутствие четкости

и предсказуемости правовых последствий в дальнейшем.

Кроме того, А. Н. Тетерин высказывает мнение, что «норма об осуществлении Президентом общего руководства Правительством является продолжением процесса преобразования Российской Федерации как смешанной республики» [7].

Однако, в работах И. С. Масликов отмечается «Российская Федерация является сильной президентской республикой» [5].

Как отмечается в исследованиях Р. М. Дзидзоева «в России изменилась форма государственного правления России, осуществлен переход страны от полупрезидентского (смешанного) правления к президентскому, основанному на доминирующем положении главы государства в системе исполнительной власти, и, в то же время, включающему некоторые элементы парламентаризма» [2].

Глава государства в Российской Федерации играет ключевую роль в системе исполнительной власти, согласно моему теоретическому анализу. Широкие полномочия президента сформировались благодаря этому факту.

Считаясь с Конституцией РФ, я придерживаюсь точки зрения, что Россия является смешанной республикой, аналогично ученым, которые утверждают, что президентская форма правления более подходит нашей стране.

После внесения важных изменений в Конституцию Российской Федерации, возросли полномочия Президента в области исполнительной власти. Такое укрепление взаимодействия между Президентом и исполнительными структурами способствует более эффективному осуществлению им контроля и управления в данной сфере.

Литература:

1. Гунич, С. В. Модернизация полномочий главы государства в контексте поправок к Конституции Российской Федерации / С. В. Гунич, А. Е. Ступницкий. — Текст: непосредственный // Lex Russica (Русский закон). — 2021. — № 3. — С. 172.
2. Дзидзоев, Р. М. Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации: новые грани взаимоотношений / Р. М. Дзидзоев. — Текст: непосредственный // Журнал рос. права. — 2021. — № 5.
3. Жиганова, Е. А. Место и роль Президента Российской Федерации в формировании и деятельности системы федеральных органов исполнительной власти / Е. А. Жиганова. — Текст: непосредственный // Актуальные проблемы права: научный подход молодых исследователей: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. В. Н. Некрасова. — 2020.
4. Лутенко, Е. В. Полномочия Президента Российской Федерации в органах исполнительной власти / Е. В. Лутенко. — Текст: непосредственный // NovaUm.Ru. — 2020. — № 28.
5. Масликов, И. С. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации / И. С. Масликов. — Текст: непосредственный // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2021. — № 8. — С. 135.
6. Султанова, А. А. К вопросу о трансформации административно-правового статуса председателя Правительства Российской Федерации: политико-правовой аспект / А. А. Султанова. — Текст: непосредственный // Правовая парадигма. — 2021. — № 2.
7. Тетерин, А. Н. Президент в системе разделения властей после конституционной реформы / А. Н. Тетерин. — Текст: непосредственный // Конституционные поправки и конституционная система: Матер. регионального «круглого стола». Улан-Удэ. — 2020.
8. Керимова, С. Н. Президент Российской Федерации и исполнительная власть / С. Н. Керимова, Ю. Ш. Шихмиряев. — Текст: непосредственный // Закон и право. — 2021. — № 12. — С. 38–41.

Юридические лица как особые участники административных отношений

Кацба Диана Омаровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Организации наряду с физическими и должностными лицами являются участниками административных отношений, при этом, каждый из таких субъектов имеет свой ряд особенностей в этих отношениях. В настоящей статье автором рассмотрена специфика административной ответственности юридического лица. Установлено, что отличительными чертами, которые влияют на привлечение к административной ответственности, являются, как материальные, так и процессуальные аспекты.

Ключевые слова: юридические лица, ответственность, особенность, отличительные черты, специфика, специальные правила.

Юридические лица занимают важное место в экономике и социальной жизни, поэтому вопросы об их ответственности за правонарушения приобретают особое значение. В отличие от физических лиц, юридические лица — это сложные организационные структуры, и применение к ним общих принципов ответственности не всегда возможно. Административная ответственность юридических лиц представляет собой специфическую область права, которая имеет свои особенности, обусловленные природой и деятельностью организаций.

Анализ статистических данных показывает, что число дел об административных правонарушениях, несмотря на колебания по годам, стабильно находится на высоком уровне. Например, в 2019 году в Российской Федерации было рассмотрено 1 551 018 дел [4]; в 2021 году количество дел достигло пика — 1 580 928. В 2023 году, несмотря на снижение показателя почти вдвое — до 922 169, статистика остаётся значимой, учитывая, что значительная часть дел касается юридических лиц.

Как отмечают исследователи (например, В.М. Шияев [5, с. 570]), административные санкции против юридических лиц становятся всё более частым рычагом воздействия надзорных органов на участников экономической деятельности. При этом, административная ответственность юридических лиц обладает специфическими чертами, которые необходимо учитывать при применении административно-правовых норм в отношении организаций.

Первой особенностью является сама специфика субъектов ответственности. Определение юридического лица в качестве субъекта административной ответственности выделяет его среди прочих субъектов права. Организационно-правовая форма, определяющая структуру, цели и способы функционирования юридического лица, существенно влияет на характер его правового статуса и, следовательно, на особенности применения к нему административно-правовых санкций.

В отличие от физических лиц, юридические лица не обладают собственной волей в биологическом смысле; их действия реализуются через органы управления и уполномоченных представителей. Данный факт обуславливает необходимость установления специальных правил при-

влечения их к ответственности, связанных с распределением полномочий внутри организации и определением лица, чье противоправное поведение влечет наступление ответственности для всей структуры.

В административно-правовой практике, несмотря на наличие ч. 3 ст. 2.1 КоАП РФ [1], предоставляющей административному органу полномочия привлекать к ответственности как юридическое лицо, так и должностное лицо за одно и то же правонарушение, нередко встречается ситуация, когда организация, стремясь минимизировать негативные последствия в виде административных санкций, пытается переложить ответственность на должностное лицо, чьи действия непосредственно привели к нарушению законодательства. При этом юридическое лицо стремится доказать, что им были приняты все необходимые меры для соблюдения норм и правил, за несоблюдение которых предусмотрена административная ответственность. Такая стратегия защиты часто основывается на демонстрации организационных мер по предотвращению правонарушений, включая разработку внутренних инструкций, приказов и распоряжений.

Особенностью административной ответственности юридических лиц является ее неразрывная связь с ответственностью должностных лиц, чьи действия или бездействие привели к совершению правонарушения. В подобных ситуациях ключевым становится установление фактических обстоятельств, приведших к нарушению, а также оценка достаточности мер, принятых организацией для обеспечения соблюдения правопорядка. Данный аспект подчеркивает сложность определения субъекта ответственности, если в правонарушении участвовало юридическое лицо.

В частности, к должностным лицам, чьи действия могут повлечь административную ответственность организации, относятся руководители, главные бухгалтеры, инспекторы по охране труда и другие уполномоченные сотрудники, наделенные правом принимать управленческие решения, влияющие на соблюдение норм и правил. Указанная ответственность вытекает из должностных обязанностей и полномочий, делегированных им в рамках деятельности организации. Данный аспект подчеркивает,

что ответственность юридического лица не исключает ответственности должностного лица, и наоборот. Такой подход законодателя позволяет более эффективно воздействовать на различные уровни управления организации и повышает ее заинтересованность в соблюдении требований законодательства [3, с. 50].

Виды административных наказаний, применяемых к юридическим лицам, являются второй особой чертой ответственности юридических лиц.

Безусловно, административные наказания, применяемые к юридическим лицам, характеризуется существенными отличиями от санкций, налагаемых на физических лиц. Принципиальное различие обусловлено природой субъекта ответственности: юридическое лицо, как искусственно созданная организация, не может подвергаться мерам воздействия, применимым к человеку. Вследствие этого, законодательство предусматривает ограниченный перечень административных наказаний, которые могут быть наложены на организацию.

Так, ряд мер, таких как административный арест, обязательные работы или лишение специального права, которые являются действенными инструментами в отношении физических лиц, не могут быть применены к юридическим лицам ввиду их организационно-правовой сущности. И наоборот, применить к физическому лицу такой вид наказания как дисквалификация, невозможно. Законодатель, таким образом, ограничивает набор санкций для организаций.

Применение указанных мер на организации обусловлено необходимостью воздействия на экономическую сферу деятельности юридического лица и ее управленческий аппарат. Штраф, как наиболее часто применяемая санкция [2, с. 18], призван оказать экономическое воздействие на организацию, побуждая ее к более ответственному поведению в будущем. При этом, отличительной особенностью является и повышенный размер штрафа за аналогичные правонарушения физических и должностных лиц.

Конфискация имущества или орудий совершения правонарушения имеет целью лишить организацию возможности повторного совершения противоправных

действий. Административное приостановление деятельности является мерой, направленной на временное пресечение противоправной деятельности, и, как правило, применяется в случаях серьезных нарушений. Дисквалификация должностных лиц может рассматриваться как мера, направленная на обеспечение должной квалификации и ответственности управленческого звена организации.

Кроме того, значимой особенностью является особый порядок установления вины юридического лица. Административная ответственность наступает лишь за виновное деяние, что закреплено в статье 1.5 КоАП РФ. Вина организации не может презюмироваться; она должна быть доказана в процессе производства по делу об административном правонарушении. Данное требование означает необходимость установления связи между действиями или бездействием органов управления или уполномоченных лиц организации и совершением административного правонарушения. При этом, вина юридического лица не тождественна вине его должностных лиц, и ее установление требует более глубокого анализа организационной структуры и внутренних процессов.

В связи с этим, процессуальные действия, направленные на привлечение юридического лица к ответственности, требуют соблюдения принципа презумпции невиновности и обеспечения права на защиту. Такой подход позволяет обеспечить справедливость и обоснованность применения административных санкций и способствует соблюдению прав юридических лиц в административном процессе.

Таким образом, институт административной ответственности юридических лиц является комплексным, охватывающим как ответственность организации, так и ответственность ее должностных лиц, и имеет своей целью обеспечение соблюдения правопорядка в сфере деятельности организаций. Особенностью административной ответственности юридических лиц является наличие как материальных, так и процессуальных аспектов, учитывающих их специфику и обеспечивающих баланс между необходимостью обеспечения соблюдения законности и защитой прав юридических лиц.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Российская газета. N256. 31.12.2001.
2. Егупов В. А. Административный штраф как административное наказание в Российской Федерации: проблемы эффективности применения / В. А. Егупов — Текст: непосредственный // Правовой альманах. — 2021. — № . 5. — С. 18–22.
3. Трофимова И. А. Некоторые проблемы административной ответственности юридических лиц / И. А. Трофимова — Текст: непосредственный // Экономика, социология и право. 2017. № 12. С. 50–54.
4. Число дел об административных правонарушениях, рассмотренных в установленном порядке. — Текст: электронный. Официальный интернет-ресурс. ЕМИСС Государственная статистика.: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31575> (дата обращения: 19.12.2024).
5. Ширяев В. М. Проблемы административной ответственности юридических лиц / В. М. Ширяев — Текст: непосредственный // Вестник науки. 2023. Т. 4, № 5(62). С. 570–573.

Особенности административной ответственности юридических лиц в сфере туризма

Кацба Диана Омаровна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Сфера туризма представляет собой область повышенного риска нарушения прав потребителей, где административная ответственность юридических лиц выступает важным механизмом обеспечения защиты интересов потребителей. В данной сфере административная ответственность юридических лиц за нарушение установленных требований в сфере туристической деятельности обладает некоторыми особенностями. На практических примерах автором обосновывает необходимость совершенствования административного законодательства.

Ключевые слова: сфера туризма, юридическое лицо, административная ответственность, потребители, туристические услуги, правонарушения.

Сфера туризма, будучи динамично развивающейся отраслью, характеризуется высокой степенью взаимодействия между потребителями и организациями, предоставляющими соответствующие услуги. Нарушения прав потребителей в этой сфере могут иметь значительные негативные последствия, как для отдельных лиц, так и для репутации отрасли в целом. В связи с этим, административное законодательство предусматривает специальные меры ответственности для организаций туристического обслуживания за ненадлежащее исполнение своих обязательств.

КоАП РФ [1] содержит ст. 14.51, которая регулирует ответственность за нарушения законодательства о туристской деятельности. Она включает несколько составов правонарушений. Так, например, в соответствии с ч. 1, к административной ответственности может привлекаться лицо, осуществляющее туроператорскую деятельность без регистрации в едином федеральном реестре туроператоров. Это касается как юридических лиц, не внесённых в реестр, так и тех, кто, будучи зарегистрированным, нарушает условия, предусмотренные записью. Дополнительно ответственность возлагается на турагентов, фактически занимающихся туроператорской деятельностью, что противоречит установкам закона.

Судебная практика, связанная с применением ст. 14.51 КоАП РФ, остаётся немногочисленной и вероятной причиной сложившейся ситуации является латентный характер данных правонарушений [4].

Несмотря на отсутствие в КоАП РФ иных статей, кроме указанной ст. 14.51, предусматривающих ответственность исключительно за правонарушения в сфере туристской деятельности, это не означает, что юридические лица, оказывающие такие услуги, полностью освобождены от административной ответственности. Так, анализ практики применения статей 14.4, 14.7 и 14.8 КоАП РФ позволяет выявить особенности их применения в данной области.

Статья 14.4 КоАП РФ, в частности, устанавливает ответственность за оказание населению услуг, не соответствующих требованиям установленных правил оказания услуг. Применительно к сфере туризма, основанием для привлечения к ответственности, как правило, является

нарушение законодательных требований к качеству оказываемых услуг или товаров, а также нарушение обязательств перед потребителями. Анализ представленных судебных решений показывает, что арбитражные суды в большинстве случаев отказывают в удовлетворении требований по отмене актов о привлечении к административной ответственности по ст. 14.4 КоАП РФ.

В свою очередь, статья 14.7 КоАП РФ устанавливает ответственность за обман потребителей, что применительно к сфере туризма может выражаться в предоставлении заведомо ложной или неполной информации о туристических услугах, их потребительских свойствах, условиях приобретения и использования. Обман может проявляться в завышении цен, предоставлении ложной информации об условиях проживания, питания, трансфера, экскурсионного обслуживания, а также в сокрытии существенных недостатков туристического продукта.

Нами изучено судебное дело, которое касается рассмотрения спора о правомерности привлечения ООО «Пегас Ритейл» к административной ответственности на основании части 2 статьи 14.7 КоАП РФ за введение потребителей в заблуждение относительно потребительских свойств реализуемого туристского продукта [2]. Данный случай представляет собой типичный пример привлечения к ответственности юридического лица за нарушения прав потребителей в сфере туризма. Суть правонарушения, вменяемого ООО «Пегас Ритейл», состояла в непредоставлении потребителям информации об угрозе безопасности при осуществлении полетов на курорты Египта. ООО «Пегас Ритейл», действуя в качестве исполнителя по договору о реализации туристского продукта, не доводило до потребителей информацию о потенциальных рисках при авиаперелете в Шарм-эль-Шейх через Анталью, тогда как на уровне исполнительной власти правовым актом такая опасность была подтверждена.

В ходе рассмотрения дела выявлено, что ООО «Пегас Ритейл» нарушило свои обязательства по предоставлению полной и достоверной информации о реализуемом продукте, включая сведения о безопасности. Уклонение от предоставления полной информации повлекло за собой составление протокола об административном правонару-

шении в соответствии с ч. 2 ст. 14.7 КоАП РФ и вынесло постановление о привлечении ООО «Пегас Ритейл» к административной ответственности в виде штрафа в размере 100 000 рублей. По итогам рассмотрения апелляционной жалобы, суд оставил постановление в силе. Данное судебное решение подчеркивает, что юридические лица несут полную ответственность за достоверность предоставляемой информации и должны обеспечивать потребителей всеми необходимыми сведениями, в том числе об угрозах безопасности.

Анализ данного судебного дела демонстрирует, что административная ответственность юридических лиц является действенным инструментом защиты прав потребителей в сфере туризма. Невыполнение юридическим лицом обязательств по предоставлению полной и достоверной информации о реализуемом продукте влечет за собой привлечение к административной ответственности и наложение штрафных санкций.

Однако в другом случае, суд отменил постановление о привлечении к административной ответственности по рассматриваемой статье. Суть дела заключалась в том, что Управление Роспотребнадзора, полагая, что ООО «Турне-Транс Трэвел» ввело потребителя в заблуждение, составило протокол об административном правонарушении по части 2 статьи 14.7 КоАП РФ и вынесено постановление, назначило штраф.

Однако суд пришел к выводу о незаконности постановления, обосновывая свое решение тем, что действия Общества, квалифицированные административным органом как введение в заблуждение в форме представления заведомо недостоверной информации о правах потребителя, не соответствуют диспозиции части 2 статьи 14.7 КоАП РФ. Суд отметил, что ответственность по данной статье наступает за обман потребителей относительно потребительских свойств товара или услуги, а не за нарушение прав потребителя в целом.

Суд указал на то, что действия Общества, хоть и явились нарушением прав потребителя, но не образуют состава административного правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 14.7 КоАП РФ. В частности, отсутствует факт представления заведомо недостоверной информации о потребительских свойствах турпродукта или порядке действий по восстановлению прав. В данном случае речь шла о нарушении обязательств по возврату денежных средств за не оказанную услугу [3].

Следующая указанная нами статья 14.8 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение иных прав по-

требителей, не охваченных другими специальными нормами. В контексте туризма, это могут быть нарушения, связанные с ограничением доступа к информации о предоставляемых услугах, несоблюдение правил возврата денежных средств, незаконное взимание дополнительных платежей, невыполнение законных требований потребителей и другие нарушения.

Итак, анализ судебной и административной практики позволяет выделить ряд ключевых аспектов, которые необходимо учитывать административным органам при привлечении юридических лиц к ответственности в сфере туризма.

1. Специфика нарушений в сфере туризма. Нарушения, совершаемые юридическими лицами в туристической сфере, отличаются разнообразием и могут включать в себя не только ненадлежащее качество предоставляемых услуг, но и введение потребителей в заблуждение относительно свойств туристического продукта, обман, иных прав потребителей.

2. Разграничение административной и гражданской ответственности за обман и нарушение прав потребителей. Не каждое нарушение прав потребителей может быть квалифицировано как обман, что подтверждается практикой (см. анализ дела № 13АП-32237/2017).

3. КоАП РФ не содержит специальных норм, предусматривающих ответственность юридических лиц за невыполнение обязательств по обеспечению безопасности туристов. Например, в деле, рассмотренном Девятым арбитражным апелляционным судом (№ 09АП-65817/2019), общество было привлечено к ответственности за неинформирование потребителей о рисках полетов в Египет, однако отсутствовала специальная норма, предусматривающая ответственность именно за нарушение обязательств по безопасности.

Таким образом, полагаем, что для повышения эффективности административного регулирования в сфере туризма необходимо разработать специализированные нормы. В КоАП РФ необходимо включить специальные нормы, регулирующие ответственность за конкретные нарушения в сфере туризма с учетом ее специфики (например, нормы об ответственности за нарушение правил реализации турпакетов, за несоблюдение требований к безопасности и т.д.).

Кроме того, считаем целесообразным уточнить терминологию и формулировки существующих норм, таких как «обман потребителей», «ненадлежащее качество услуг», с учетом специфики сферы туризма.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
2. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.04.2020 № 09АП-65817/2019 по делу № А40-109790/2019.— Текст: непосредственный // СПС КонсультантПлюс.
3. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2018 № 13АП-32237/2017 по делу № А21-5942/2017.— Текст: непосредственный // СПС КонсультантПлюс.

4. Савичев А.Ю. Совершенствование законодательства об административных правонарушениях за нарушения законодательства Российской Федерации о туристской деятельности / А.Ю. Савичев.— Текст: непосредственный // Административное и муниципальное право. 2021. № 5. С. 1–7.

Взаимодействие частного и публичного права

Каюмова Дилнозабону Азаматжон кизи, студент магистратуры

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева (г. Саранск)

Деление права на частное и публичное несёт в себе значение как на теоретическом, так и на практическом уровне: позволяет выявить схожее и различное, улучшить эффективность применения той или иной отрасли, учесть специфику. Отмечается, что частное и публичное право тесно взаимодействуют между собой: система права является регулятором общественных отношений; общественный интерес и частный интерес тесно связаны между собой; интересы индивида в частноправовых отношениях не являются безграничными. В выводе отмечается тенденция сближения частного и публичного права с каждым днём.

Ключевые слова: система права, частное право, публичное право, взаимодействие отраслей права, деление права.

Сравнением общества и усложнением общественных отношений всё большую сложность приобретают и их регуляторы. Одним из важнейших регуляторов является право и его система. Система права представляет собой внутреннюю структуру права, которая выражается в единстве и согласованности их элементов. Элементы системы права подразделяются на отрасли, институты и нормы права. Помимо этого, отрасли права принято разделять на две большие отрасли или группы: частное и публичное право.

Деление системы права на частное и публичное началось ещё со периода изучения права древнегреческими мыслителями. Пройдя длительный этап попыток построить чёткое разграничение между двумя составными частями системы права учёные всё больше сходятся в том, что такое разграничение носит лишь условный характер.

На наш взгляд, всё же деление права на частное и публичное несёт в себе значение как на теоретическом, так и на практическом уровне: позволяет выявить схожее и различное, улучшить эффективность применения той или иной отрасли, учесть специфику.

При этом мы считаем, что особое место в функционировании правовой системы в целом занимает непосредственное взаимодействие частного и публичного права.

Стоит дать небольшую характеристику частного и публичного права. Частное право представляет собой часть правовой системы, регулирующую правоотношения между частными лицами в связи с наличием частного интереса. Оно охватывает широкий спектр норм и институтов: гражданское, торговое, семейное и наследственное право и другие. Основной задачей частного права является обеспечение защиты частных интересов. Публичное право представляет собой часть правовой системы, регулирующую правоотношения между частными лицами и государственными институтами, либо взаимодействие различных государственных институтов. Публичное

право включает в себя: конституционное право, административное право, уголовное право, международное публичное право и другие. Публичное право играет ключевую роль в обеспечении справедливости, защиты прав граждан и поддержания правового порядка в обществе [4, С. 2].

На соотношение и взаимодействие частного и публичного права нам указывают следующие аспекты: система права в принципе, как регулятор общественных отношений, служит для обеспечения защиты как частных, так и публичных правоотношений — то есть у системы права в целом единая цель и говорить о делении права здесь не приходится; несмотря на реализацию преимущественно общественного интереса в публичных отношениях не стоит отделять полностью их от интереса частного, в пример можно привести публичную обязанность граждан платить налоги, при этом имеется возможность налогоплательщику освободиться на законном основании от уплаты налога — здесь мы видим проявление частного интереса в публичных правоотношениях; интересы индивида в частноправовых отношениях не являются безграничными, так или иначе они ограничиваются интересами иных субъектами права, в том числе, интересами публичных субъектов, которые преследуют свой, публичный интерес [1, С. 92].

Взаимодействие частного и публичного права отражается в частности в понятийном аппарате, основных положениях, фактически во всех подотраслях и институтах права. Кроме того, всё чаще возникают новые подотрасли права, которые имеют комплексный характер. Кроме того, в рамках нормативно-правового регулирования нет практически ни одной «чистой» отрасли права, например, договор купли-продажи квартиры отвечает всем условиям частноправовых отношений: субъектами являются физические лица, покупка квартиры носит частный интерес и т.д., однако такие «отношения» будут доведены до конца в правовом поле только после вступления в них органа

власти со своими публичными правоотношениями — государственная регистрация права собственности на недвижимое имущество. В семейном праве, которое преимущественным большинством стран отнесено к отрасли частного права, имеются институты публичного права, в которые необходимо участие государства: заключение/расторжение брака, лишение родительских прав.

В гражданском праве — традиционной отрасли частного права может появляться уклон в сторону публично-правовых методов регулирования. Например, такое возможно в случае чрезвычайного положения, в условиях войны [3, С. 1].

Таким образом, на наш взгляд, деление права носит условный характер, так как абсолютно чистых отраслей права не существует. Публичное право направлено на удовлетворение потребностей государства, общества в целом, частное — на удовлетворение потребностей субъектов, но в нем можно обнаружить волю государства. Примером могут служить: установление публичных сервитутов, или, например, предпринимательская деятельность, регулирование которой осуществляется нормами частного права, в то же время регистрация в качестве предпринимателя, применение к нему различных налоговых режимов и т.д., определяются нормами публичного права.

Стоит также отмечать, что выявляется тенденция выделения новых, в том числе комплексных, отраслей права: образовательное, корпоративное, информационное, цифровое и т.п. [2, С. 2].

На примере информационного права можно сделать следующие выводы о взаимодействии и соотношении частноправовых и публично-правовых начал. Информационное право регулирует отношения в информационной сфере, связанных с оборотом информации, формированием и использованием информационных ресурсов, созданием и функционированием информационных систем в целях обеспечения безопасного удовлетворения информационных потребностей граждан, их организаций, госу-

дарства и общества. В настоящее время в научных источниках и исходя из формирования нормативно-правовой базы регулирования существует три подхода к определению места информационного права в системе права: как подотрасль административного права; как направление правоотношений в гражданском праве; как комплексная отрасль права на стыке публичного и частного права.

Кроме того, существуют межотраслевые правовые институты, которые имеют большое информационное и практическое значение. Например, институт юридической ответственности объединяет сходные аспекты из разных отраслей права, таких как гражданское, уголовное и административное право. Эти институты помогают создать общую основу для регулирования схожих отношений в различных областях права.

Примером такого межотраслевого института может быть избирательное право, включающее нормы не только конституционного права, но и административного и уголовного права, которые регулируют отношения, связанные с процессом выборов. Аналогично, межотраслевой институт международного частного права включает нормы из различных отраслей, таких как гражданское, процессуальное и трудовое право, регулирующие отношения с иностранным элементом. Такое объединение норм из разных отраслей права позволяет создать единый и эффективный механизм регулирования сложных международных отношений [5, С. 107].

Таким образом стоит говорить, что тенденция сближения частного и публичного права увеличивается с каждым днём. В условиях активного развития общества, политической и правовой жизни государства стоит отмечать всё более активное слияние отраслей. Однако, на наш взгляд, стоит отметить, что несмотря на их активное взаимодействие мы можем выделить какой же интерес был первоочередным в тех или иных правоотношениях, а какой является дополнительным в каждом конкретном случае.

Литература:

1. Богатырева Н. Г. Соотношение частного и публичного права // Молодой ученый. 2017. № 21.1 (155.1). С. 92–94.
2. Долинская В. В. Взаимодействие частного и публичного права как системное направление развития // Московский юридический журнал. 2020. № 1. С. 1–5.
3. Останкова Е. В. Частное и публичное право. Соотношение и взаимодействие частного и публичного права в системе права России // Вестник науки. 2023. № 6 (63). С. 1–4.
4. Солодовниченко Т. А. Критерии разграничения права на частное и публичное // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. № 2 (43). С. 1–6.
5. Шишкин С. Н. Взаимодействие частного и публичного права в сфере регулирования экономики // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 4(84). С. 106–111.

Актуальные вопросы правового регулирования и назначения пособий гражданам, имеющим детей

Келина Галина Александровна, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

В статье автор исследует проблемы правового регулирования и назначения пособий гражданам, имеющим детей.

Ключевые слова: пособия, назначение и выплата пособий, право социального обеспечения, правовое регулирование.

Согласно ст. 7 Конституции Российской Федерации, Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1].

Материальная поддержка семей с детьми — одна из важнейших задач современного социального государства. В первую очередь, данная поддержка осуществляется посредством хорошо проработанной законодательной деятельности [2, с. 210].

В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты [1].

Общезвестный факт, что в 2023 году произошло объединение Пенсионного фонда России и Фонда социального страхования, вследствие чего был образован Фонд пенсионного и социального страхования России (далее — Социальный фонд). В силу данных обстоятельств произошли процедурные изменения в праве социального обеспечения.

Одна из проблем — отсутствие межведомственного документооборота между Социальным фондом и другими государственными органами. Так, одной из причины отказа в предоставлении льгот стал требование ФИС о выполнении дополнительных условий для получения льготы. В частности, граждане, пережившие в прошлом мертворождение первого ребенка и впоследствии родившие ребенка, получают ежемесячное пособие в связи с рождением (усыновлением) ребенка в соответствии с Федеральным законом № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», внезапно стали поступать решения об отказе в назначении (предоставлении) мер социальной поддержки. Основанием для отказа послужила полученная из ЗАГСа информация о том, что ребенок родился вторым, а Социальный фонд не предоставил сведений о том, что первый ребенок родился мертвым [3, с. 537].

Из данной ситуации мы видим, что на данный момент назрела острая необходимость дальнейшего совершенствования механизма назначения и выплаты социальных пособий. Данную ситуацию можно разрешить путем координации межведомственного взаимодействия Социального фонда и других ведомств.

С момента принятия Федерального закона от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» неоднократно менялись условия получения «детского» пособия. Изначально пособия назначались всем семьям, имеющим детей, независимо от уровня их среднедушевого дохода в составе семьи, или одному из родителей на каждого ребенка до достижения им 16 лет. Размер данного пособия составлял 70% федерального МРОТ. Матерям-одиночкам и детям, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, либо в иных случаях, когда взыскание алиментов невозможно, а также детей военнослужащих срочной службы пособие увеличивалось на пятьдесят процентов [4, с. 82].

На сегодняшний день, согласно вышеуказанному Федеральному закону, пособие по беременности и родам, единовременное пособие при рождении ребенка, ежемесячное пособие по уходу за ребенком, а также единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью назначаются, если обращение за ними последовало не позднее шести месяцев соответственно со дня окончания отпуска по беременности и родам, со дня рождения ребенка, со дня достижения ребенком возраста полутора лет, со дня вступления в законную силу решения суда об усыновлении, или со дня вынесения органом опеки и попечительства решения об установлении опеки (попечительства), или со дня заключения договора о передаче ребенка на воспитание в приемную семью, а единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, и ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, — не позднее шести месяцев со дня окончания военной службой по призыву [5].

В 2024 году на прямой линии с Президентом РФ В. В. Путиным был поднят актуальный вопрос о выплате пособий семьям, имеющим детей. В частности, женщина обратилась с вопросом: «С 2023 года подаю ежемесячно на пособие и получаю отказ — из-за превышения прожиточного минимума. Однажды всего на 170 рублей. Также: считается ли пенсия по инвалидности на ребенка доходом? И почему учитываете доход семьи за предыдущий год?».

Действительно, для назначения пособия учитывается весь доход за предыдущий год. Однако было отмечено, что действительно наблюдается проблема, когда среднедушевой доход превышен на незначительную сумму.

Предложенное решение проблемы заключалось в следующем: будет производиться перерасчет НДФЛ и потом

возвращаться как минимум 7% процентов от уплаченного налога [6].

Важно помнить о том, что правила назначений пособий могут меняться, что и происходило в практике отечественного законодательства. Именно поэтому перед обращением за тем или иным пособием необходимо уточнить максимально актуальную информацию в соответствующих ведомствах или официальных порталах.

Исходя из всего вышесказанного следует, что при реализации права на получение пособий у семей возникают некоторые проблемы. Тем не менее Российская Федерация, согласно действующей Конституции РФ, социальное государство, политика которого, в том числе, направлена на защиту материнства, детства и отцовства. В силу данных обстоятельств, предусмотрена система различных мер социального обеспечения соответствующих категорий населения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).— Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Ануфриева, А. В. Пособия на ребенка: проблемы законодательства / А. В. Ануфриева, А. В. Квятковская // Молодой ученый. 2021. № 41 (383). С. 210–212.
3. Рублёв М. Л. Проблемы правового регулирования назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей // Вестник науки. 2023. № 12 (69). С. 536–542.
4. Антонова, Н. В. Направления совершенствования законодательства о бюджетном пособии на ребенка / Н. В. Антонова. // Пробелы в российском законодательстве.— 2017.— № 5.— С. 82–86.
5. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Мать пятерых детей пожаловалась президенту на формальный подход к выплата пособий.— Текст: электронный // Российская газета: [сайт].— URL: <https://rg.ru/2024/12/19/reg-urfo/mat-piateryh-detej-iz-surguta-rasskazala-o-formalnom-podhode-k-vyplate-posobij.html> (дата обращения: 10.11.2024).

Реализация прав граждан на благоприятную окружающую среду: проблемы и пути их решения

Келина Галина Александровна, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

В статье автор исследует проблемы реализации прав граждан на благоприятную окружающую среду, а также пути их решения.

Ключевые слова: благоприятная окружающая среда, реализация прав, экологические права.

Конституция Российской Федерации в ст. 42 закрепляет, что «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением» [1].

Реализация права человека на благоприятную окружающую среду способствует созданию необходимых условий для осуществления остальных прав, а также определяет основополагающие показатели качества жизни гражданина определенного государства. Однако рассматриваемое нами экологическое право не может быть и не должно быть полностью изолировано территорией конкретного государства, в том числе, ввиду независимости природы и поведения природных объектов от государственных границ.

Важно помнить, что, уничтожение какого-либо природного объекта на территории одного государства может привести к уничтожению флоры и фауны целой местности, что впоследствии может привести к нарушению реализации права на благоприятную окружающую среду не только одного государства, но и иных. В данной ситуации проблема приобретает несколько иной статус и может стать глобальной экологической катастрофой. В силу данных обстоятельств очень важно не только внутреннегосударственное, но и международное регулирование вопросов экологического характера [2, с. 20].

Реализация конституционного права на благоприятную окружающую среду обеспечивается государством посредством организации и проведения планирования, оценки, мониторинга, а также экологического контроля и надзора, нормирования качества окружающей при-

родной среды, социальным и государственным страхованием граждан, взиманием платы за негативное воздействие на окружающую среду, лицензированием отдельных видов деятельности и т.п. [3, с. 200].

Для реализации конституционного права человека и гражданина должны устанавливаться благоприятные условия жизнедеятельности человека. Под которыми принято понимать состояние среды обитания, где отсутствует вредное воздействие ее факторов на человека (безвредные условия) и имеются возможности для восстановления нарушенных функций организма человека [4].

Законодатель достаточно серьезно относится к защите окружающей среды и обеспечению реализации конституционных прав. В частности, в ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» содержится дефиниция «благоприятная окружающая среда», под которой понимают окружающую среду, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов [5].

Вторым конституционным правом в сфере экологического права является право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. Реализация данного права особенно актуальна в период развития средств массовой информации, где население может узнать о состоянии окружающей среды в конкретной местности, не оказывается ли на нее негативное воздействие и иные вопросы.

Согласно статье 11 Федерального закона «Об охране окружающей среды» к одному из прав граждан в области охраны окружающей среды относится право обращаться в органы государственной власти и органы местного самоуправления для получения своевременной, полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды в месте своего проживания, о тех мерах, которые предпринимаются для поддержания и охраны благоприятной окружающей среды [5].

Статья 8 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» закрепляет аналогичное право граждан: получать в органах государственной власти информацию о санитарно-эпидемио-

логической обстановке, о качестве и безопасности пищевых продуктов, товаров для бытовых и личных нужд, товаров производственно-технического назначения, о потенциальной опасности для здоровья человека деятельности организаций, выполняющих работы и оказывающие услуги [4].

Последней, третьей составляющей экологических прав, закрепленных в Конституции Российской Федерации, является право на возмещение вреда жизни и здоровью, в случае если такой вред причинен в результате загрязнения окружающей среды.

Наиболее значимыми экологическими проблемами на сегодняшний день являются следующие:

- загрязнение воздуха, воды и почвы промышленными предприятиями, транспортом и другими источниками;
- истощение природных ресурсов, таких как нефть, газ, уголь, древесина и другие;
- уничтожение природных экосистем, таких как леса, степи, болота и другие.

С целью решения вышеуказанных проблем, которые затрудняют реализацию права на благоприятную окружающую среду, необходимо предпринять ряд мер:

- совершенствование законодательства в области охраны окружающей среды;
- повышение экологической культуры населения;
- развитие экологического образования и просвещения;
- государственное и частное финансирование экологических программ и проектов;
- международное сотрудничество в области охраны окружающей среды.

Анализ основных положений конституционных прав граждан на благоприятную окружающую среду позволяет сделать вывод о значимой роли государства в лице органов власти в обеспечении защиты данного права и его полноценной реализации. В связи с этим представляется актуальным подробно рассмотреть деятельность правоохранительных органов Российской Федерации по защите права граждан на благоприятную окружающую среду и оценить её эффективность в настоящее время.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).— Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Аливердиева М. А. Актуальные вопросы реализации права человека на благоприятную окружающую среду // Вопросы права.— 2023.— № 2.— С. 19–22.
3. Морозова В. Е. Конституционное право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду // Молодой ученый.— 2021.— № 26 (368).— С. 199–201.
4. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ // СЗ РФ.— 05.04.1999.— № 14.— Ст. 1650
5. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // СЗ РФ.— 2002.— № 2.— Ст. 133.

Гражданский иск в российском уголовном процессе: теория и практика

Кененова Екатерина Викторовна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Статья посвящена исследованию института гражданского иска в российском уголовном процессе, анализу его теоретических основ и практического применения. Рассматриваются основные правовые нормы, регулирующие подачу и рассмотрение гражданского иска в рамках уголовного дела, а также процессуальные особенности, возникающие на различных стадиях уголовного судопроизводства. Особое внимание уделено судебной практике и проблемам, с которыми сталкиваются участники процесса. В заключение предлагаются рекомендации по совершенствованию правового регулирования и практики применения гражданского иска в уголовном процессе.

Ключевые слова: гражданский иск, уголовный процесс, судебная практика, процессуальные особенности, правовое регулирование.

В российском уголовном процессе гражданский иск является важным инструментом, позволяющим потерпевшему на стадии рассмотрения уголовного дела восстановить свои нарушенные права и интересы. Эта процедура предоставляет возможность не только привлечь виновного к уголовной ответственности, но и обеспечить компенсацию ущерба, вызванного преступлением.

Согласно статье 52 Конституции РФ, гарантируется право потерпевших на получение компенсации за ущерб. В рамках уголовного процесса реализация этого права осуществляется через механизм гражданского иска, который служит фундаментальным аспектом конституционного права на защиту в суде, утвержденного статьей 46 Конституции РФ [1].

В работе Колгановой А. Д. из КГУ им. К. Э. Циолковского освещается комплексный подход к пониманию гражданского иска в уголовном процессе России, который охватывает как материально-правовой, так и процессуальный аспекты. Отмечается, что гражданский иск превосходит традиционные рамки иска, ограниченного лишь процессуальными или материальными критериями. В этом контексте ключевым элементом является материально-правовое требование истца к ответчику, которое выступает как основная, дистинктивная характеристика любого иска. Это требование образует основу иска и выделяет его из других правовых действий. По мнению Колгановой, всякое требование, выдвигаемое от имени защиты прав и интересов третьих лиц без включения материально-правового требования к ответчику, не может квалифицироваться как иск. Это противоречит существующему законодательству, которое распространяет понятие «иск» на все случаи защиты чужих прав и интересов, подчеркивая сложности и неоднозначности в правоприменительной практике [5].

Зинагулин З. З. в своём труде «Возмещение материального ущерба, причинённого преступлением, путем гражданского иска» представляет гражданский иск в уголовном процессе как комплекс процессуальных действий и взаимоотношений, которые разворачиваются между участниками уголовного процесса, уполномоченными законом. Он акцентирует внимание на том, что эти действия

и отношения не просто возникают спонтанно, а формируются в строгом соответствии с процедурными рамками при реализации материально-правовых требований к возмещению ущерба, понесённого вследствие преступления. Это определение подчёркивает динамичный и многогранный характер гражданского иска в уголовном процессе, где каждый этап — от предъявления до поддержания иска — является важным элементом в защите прав и интересов потерпевшего [4].

Исследователи Н. Г. Нарбикова и Н. О. Никурадзе подчёркивают значимость гражданского иска в контексте уголовного процесса, описывая его как критически важный элемент, который эффективно способствует защите прав, свобод и законных интересов жертв преступлений. По их мнению, гражданский иск не только фактически обеспечивает исполнение этой функции, но и выступает в роли надёжной гарантии для возмещения ущерба, вызванного преступными действиями. Это делает гражданский иск неотъемлемым и стратегически важным инструментом в механизме уголовного судопроизводства [6].

Изучив различные определения и подходы к понятию гражданского иска в российском уголовном процессе, мы можем сделать вывод, что гражданский иск представляет собой сложный юридический инструмент, который обеспечивает возмещение ущерба и защиту прав и интересов потерпевших. Этот институт включает в себя не только материально-правовые требования истца к ответчику, но и процессуальные действия, направленные на их реализацию в рамках уголовного процесса. Гражданский иск выступает как важный элемент конституционной защиты, гарантирующий право каждого гражданина на судебное восстановление нарушенных прав. Таким образом, он является неотъемлемой частью уголовного судопроизводства, служа ключевым механизмом для достижения правосудия и справедливости.

В соответствии со статьёй 44 УПК РФ, любое физическое или юридическое лицо, утверждающее, что стало жертвой ущерба вследствие преступления, может выступать в роли гражданского истца. Официальное признание такого статуса оформляется через определение суда или решение судьи, следователя, дознавателя. Гражданский

истец имеет право на подачу иска о возмещении материального или морального вреда [2].

Гражданский иск можно подать после начала уголовного дела и до завершения расследования в суде первой инстанции. При этом гражданский истец освобождается от уплаты государственной пошлины. Если гражданский иск защищает интересы несовершеннолетних, недееспособных лиц или тех, кто не может защитить свои права, его могут предъявить законные представители или прокурор. Прокурор также защищает интересы Российской Федерации, регионов, муниципалитетов и государственных предприятий.

Гражданский истец обладает правом на участие в судебном процессе, представление доказательств, дачу показаний, подачу ходатайств, использование услуг переводчика, отказ от своих показаний, защиту своих родственников от выступления в качестве свидетелей, представление жалоб, а также на отказ от иска в любой момент до вынесения приговора. При этом любой отказ от гражданского иска приводит к прекращению судебного разбирательства по данному вопросу.

Гражданский истец также несёт ответственность за разглашение информации из предварительного расследования, если был предупреждён об этом, в соответствии с требованиями статьи 161 УПК РФ и статьи 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Проанализируем как гражданский иск рассматривается в российском уголовном процессе.

Приговор Кинельского районного суда Самарской области от 24 августа 2023 года по уголовному делу № 1-93/2023 включает рассмотрение гражданского иска, предъявленного в рамках уголовного процесса. Основанием для взыскания материального ущерба является ч. 3 ст. 260 УК РФ, по которой обвиняемый признан виновным. Гражданский иск был предъявлен государственным обвинителем от имени Российской Федерации, представляя интересы Министерства лесного хозяйства, охраны окружающей среды и природопользования Самарской области [7].

Согласно п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, суд обязан обсудить, подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в чью пользу и в каком размере. Это подчеркивает процессуальную обязанность суда при постановлении обвинительного приговора рассматривать предъявленный гражданский иск. В данном случае суд частично удовлетворил иск, взыскав с подсудимого сумму в размере 754271 рубль, что на 1500 рублей меньше заявленной суммы из-за частично возмещенного вреда [7].

Процедурные аспекты включают ссылку на ст. 64 УК РФ, которая позволила назначить подсудимому более мягкое наказание в виде штрафа, учитывая смягчающие

обстоятельства и частичное возмещение ущерба. Такое применение статьи подчеркивает гуманизацию уголовного наказания и предоставляет суду возможность соразмерить наказание обстоятельствам дела и личности обвиняемого.

В соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ, суд при определении размера наказания учитывал обстоятельства преступления и личные данные подсудимого. Это подчеркивает принцип индивидуализации наказания, который является ключевым в уголовном правосудии России [3].

Приговор № 1-14/2023 1-267/2022 от 18 августа 2023 года по делу № 1-14/2023 касается действий ФИО1, которая обвиняется в оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей. Судебное разбирательство выявило, что ФИО1, не будучи зарегистрированной как индивидуальный предприниматель и не имея необходимой квалификации, предоставляла платные услуги по катанию на лошадях. Эти действия квалифицированы по ч. 3 ст. 238 УК РФ, предусматривающей ответственность за оказание небезопасных услуг [8].

В деле также рассматривался гражданский иск о компенсации морального вреда, поданный потерпевшей, с требованием взыскания с ФИО1 компенсации в размере 500000 рублей. В соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, обсуждение гражданского иска интегрировано в процесс рассмотрения уголовного дела, что подчеркивает связь между уголовной ответственностью и гражданско-правовыми последствиями. Суд удовлетворил иск частично, постановив взыскать с ФИО1 300000 рублей в качестве компенсации морального вреда, что отражает оценку суда степени ответственности и вины подсудимой [8].

Таким образом, анализ судебных дел показывает, что гражданский иск в российском уголовном процессе рассматривается как неотъемлемая часть уголовного судопроизводства. Суды обязаны не только квалифицировать действия обвиняемого с точки зрения уголовного права, но и оценивать ущерб, причиненный его действиями, что отражено в статьях УПК РФ и УК РФ. Это требует от судов учитывать множество факторов, включая тяжесть преступления, личность обвиняемого и последствия его действий для потерпевших. Обязанность обсуждения и решения по гражданскому иску в рамках уголовного дела подчеркивает ответственность за восстановление прав и законных интересов пострадавших, что направлено на возмещение вреда и морального ущерба. Систематическое применение указанных норм способствует повышению эффективности и справедливости уголовного судопроизводства, подчеркивая его защитные функции в отношении прав и свобод человека и гражданина.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ.— 1996.— № 25.— Ст. 2954.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ.— 1996.— № 25.— Ст. 2954.
4. Зинатуллин З.З. Избранные труды. Том I. Возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, путем гражданского иска. 2012.— 810 с.
5. Колганова, А.Д. Понятие иска в гражданском процессе / А.Д. Колганова // Форум молодых ученых.— 2021.— № 2(54).— С. 50–53
6. Нарбикова Н. Г., Никурадзе Н.О. К вопросу о целесообразности гражданского иска в российском уголовном процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии.— 2016.— № 4 (111).— С. 219–222.
7. Приговор № 1–93/2023 от 24 августа 2023 г. по делу № 1–93/2023
8. Приговор № 1–14/2023 1–267/2022 от 18 августа 2023 г. по делу № 1–14/2023

Понятие, классификация и особенности сделок с недвижимым имуществом в российском праве

Кишко Артём Николаевич, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Актуальность темы данной научной работы обусловлена растущим интересом к рынку недвижимости, который играет ключевую роль в экономике страны. С учетом того, что гражданское законодательство России сегодня переживает динамичное развитие, а также с учетом изменений в экономической и социальной сферах, необходимо понимать, как формируются и функционируют сделки с недвижимостью. Подчеркнем, что тема данной научной работы актуальна как для профессионалов в области права, так и для граждан, участвующих в сделках с недвижимым имуществом, поскольку это позволит минимизировать риски и повысить правовую грамотность участников рынка.

Данная научная работа посвящена анализу понятийного аппарата и классификации сделок с недвижимым имуществом в рамках российского законодательства. Некоторое внимание будет уделено основным видам сделок, их правовым характеристикам, а также условиям и требованиям, которые необходимо учитывать при их заключении. В ходе исследования будет проанализирована действующая нормативная база и соответствующая научная литература последних лет, что позволит выявить актуальные тенденции и проблемы в данной области.

Исследование направлено на глубокий анализ и организацию данных о характеристиках и категориях сделок с недвижимым имуществом в правовой среде России. В частности, будет проведена идентификация проблемных зон, связанных с правовым регулированием основных сделок с недвижимостью. На основе проведенного анализа будут разработаны краткие рекомендации по усовершенствованию действующего законодательства [7, С. 124], что позволит повысить правовую защищенность участников сделок и улучшить общую атмосферу на рынке недвижимости в России.

Исторически корни понятия сделки восходят к древнеримскому праву, однако современное понимание этого термина сформировалось в результате более позднего развития юриспруденции. Исследователи отмечают, что римские юристы не разработали универсального определения «сделки»; им были известны лишь конкретные виды договоренностей. Ближе всего к современному пониманию этого термина подходит выражение *negotium gerere*, *negotium contrahere*, которое подразумевало осуществление определенных действий и заключение соглашений [8, С. 234]. В дальнейшем, с развитием правовых систем в средневековой Европе, понятие сделки стало более структурированным и разнообразным, охватывая не только обязательства сторон, но и правовые последствия, возникающие в результате этих обязательств.

В российском праве и юридической практике понятие сделки начало формироваться в XVIII веке, хотя в тот период термин «сделка» еще не использовался в современном смысле. Основная идея сделки заключалась в том, что ею считалось любое законное действие, направленное на достижение определенного юридического результата, который является желаемым для лица, осуществляющего это действие. С течением времени понятие сделки стало более четко определяться и включать в себя такие ключевые элементы, как воля сторон, правомерность действий и наличие юридических последствий. В советском законодательстве понятие сделки было проработано с учетом всех присущих ей признаков, однако оно также подвергалось критике в научном сообществе [3, С. 45].

В рамках современного российского гражданского права сделки представляют собой одни из самых распространенных юридических фактов. Согласно статье 153 Гражданского кодекса Российской Федерации, сделки характеризуются как «действия граждан и юридических

лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей» [1].

Для точного понимания понятия юридической сделки следует учитывать несколько важных аспектов. Юридические факты классифицируются по различным критериям, включая деление на действия и события в зависимости от волеизъявления субъектов. Некоторые российские исследователи определяют юридическое действие как «внешнее выражение воли человека, приводящее к юридическим последствиям». Таким образом, действия представляют собой юридические факты, в которых проявляется воля физических или юридических лиц (например, при заключении договора), тогда как события происходят независимо от воли людей и могут включать такие явления, как рождение или стихийные бедствия. Сделки отличаются от событий, поскольку согласно статье 153 Гражданского кодекса Российской Федерации, сделки являются действиями граждан и юридических лиц, направленными на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [1].

Цель сделки заключается в достижении определенного правового результата, что отличает её от юридического поступка, последствия которого возникают вне зависимости от воли и дееспособности субъекта. Например, согласно статье 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, лицо, нашедшее потерянный предмет, обязано уведомить его владельца и вернуть, что не требует активного волеизъявления [1]. В отличие от этого, для совершения сделки обязательно наличие воли и дееспособности участников.

Действия делятся на правомерные и неправомерные в зависимости от законности. Правомерные соответствуют требованиям законодательства, тогда как неправомерные включают причинение вреда и нарушение обязательств. Сделка является правомерным действием, и если она не соответствует закону, может быть признана недействительной, согласно статьям 166–181 Гражданского Кодекса Российской Федерации [1].

Сделки отличаются от актов государственных органов и местного самоуправления, которые также могут порождать гражданские права и обязанности, согласно статье 8 Гражданского Кодекса Российской Федерации. К ним не применяются положения о сделках, так как такие акты имеют императивный характер. Согласно статье 153 Гражданского Кодекса Российской Федерации, сделки направлены на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, в отличие от других волевых актов, таких как подача заявления о приеме на работу [1].

В контексте общего определения сделок с недвижимым имуществом можно выделить один ключевой аспект: все они касаются или связаны с недвижимостью. Таким образом, сделки с недвижимым имуществом — это правомерные действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в отношении недвижимого имущества.

Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации, сделки с недвижимым имуществом классифицируются по различным критериям, включая форму, содержание и количество участников. Каждая категория имеет свои особенности и правовые последствия, что делает их изучение важным для понимания гражданского оборота. Эти сделки могут либо прямо предусматриваться законодательством, либо не содержаться в нем, при условии, что они не противоречат действующим нормам.

В первой части Гражданского кодекса выделяются основные виды сделок: действительные и недействительные; односторонние; двух- и многосторонние (договоры); возмездные и безвозмездные; реальные и формальные, коммуникативные и условные. Также сделки подразделяются по форме: они могут быть совершены в простой письменной форме с государственной регистрацией или в письменной форме с нотариальным удостоверением и прошедшей регистрацией [1].

Во второй части Гражданского кодекса Российской Федерации представлена классификация основных форм сделок с недвижимостью, включая аренду, залог, найм, мену, обмен, выкуп, наследование, дарение, куплю-продажу, доверительное управление, постоянное пользование, полное хозяйственное ведение, страхование, лизинг, субаренду, взнос в акционерное общество и приватизацию [2]. В научных кругах сделки с недвижимостью также условно делятся на три группы: сделки, связанные с отчуждением, которые приводят к переходу права собственности; сделки без отчуждения, не вызывающие перехода прав; и акцессорные сделки, которые дополняют ранее заключенные соглашения [4, С. 485].

Среди сделок с недвижимостью с отчуждением можно выделить такие, как договоры продажи предприятия; договоры мены жилых домов, квартир и их частей; договоры купли — продажи жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры и долей в общей собственности; договоры дарения недвижимости; договоры аренды с ее выплатой под передачу недвижимости; договоры аренды с выкупом.

Среди сделок с недвижимостью без отчуждения можно подметить также следующее: все договоры аренды за исключением договора с выкупом, в том числе земельных участков, сооружений, строений, предприятий, договоры по субаренде и по залогоу (ипотеке) недвижимого имущества.

Дополнительные (акцессорные) сделки заключаются для изменения или расторжения ранее зарегистрированных сделок с недвижимостью и включают уступку требования по зарегистрированной сделке, перевод долга, соглашение об изменении или расторжении зарегистрированного договора, соглашение о предоставлении отступного, а также отказ одаряемого от принятия дара, который возможен до его передачи или по договору дарения в будущем. Кроме того, к таким сделкам относится соглашение сторон о новации.

Договор дарения предполагает передачу имущества в собственность без встречных обязательств, что означает

отсутствие материальной выгоды для дарителя, который не может требовать выполнения обязательств от одаряемого; наличие таких элементов может привести к признанию сделки недействительной. Одаряемый освобождается от уплаты налогов при близком родстве с дарителем, в противном случае налог составляет 13%. Дарение может быть оформлено письменно, но требует обязательной государственной регистрации, за исключением случаев передачи недвижимости лицам 14–18 лет с разрешением органов опеки. Ограниченно дееспособные лица должны иметь нотариальное заверение и согласие органов опеки и попечительства, а дарение недвижимости полностью недееспособных лиц запрещено. Если даримое имущество в долевой собственности, нотариальное заверение договора также обязательно [5, С. 61].

Договор ренты является важным инструментом гражданских правоотношений, устанавливающим обязательства между рентополучателем и рентоплательщиком. В рамках этой сделки рентополучатель передает рентоплательщику право пользования недвижимостью в обмен на регулярные денежные выплаты или иные формы содержания. Это позволяет рентополучателю получать финансовые средства, в то время как рентоплательщик использует недвижимость без её приобретения. Существуют разные виды ренты, такие как пожизненная, постоянная и пожизненное содержание, каждая из которых имеет свои условия и особенности.

Однако при заключении договоров ренты часто возникают проблемы, связанные с их признанием недействительными согласно статье 170 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Судебная практика показывает, что такие договоры могут оспариваться как мнимые сделки или заключенные под влиянием существенного заблуждения, что может происходить из-за давления или обмана. Кроме того, сделки могут быть признаны притворными, если они направлены на сокрытие других сделок с иными правовыми последствиями, особенно при отсутствии доказательств истинных намерений сторон [5, С. 62].

Договор купли-продажи является наиболее распространенным видом сделки с недвижимостью, в рамках которой продавец передает покупателю объект недвижимости за установленную плату. Этот тип договора имеет несколько ключевых особенностей. Во-первых, недвижи-

мость всегда связана с земельным участком, и при передаче домовладения необходимо также передать права на землю. Во-вторых, высокая стоимость недвижимости требует мер, защищающих права и интересы сторон. Кроме того, законодательство может накладывать ограничения на оборот некоторых видов недвижимости, например, запрещающая приобретение земельных участков в заповедниках или рядом с трубопроводами. Важно также учитывать права третьих лиц на объект, поскольку недвижимость может быть обременена залогом или рентой, что требует особого внимания при оформлении сделки [6, С. 350].

На наш взгляд, общая проблемная зона, связанная со сделками с недвижимым имуществом, заключается в недостаточной четкой правовой определенности, что может привести к юридическим спорам и признанию сделок недействительными. В вышеперечисленных договорах существует множество нюансов, которые могут быть использованы для оспаривания сделок. В условиях высокого риска, сделки с недвижимостью требуют всестороннего юридического анализа, что может усложнить процесс оформления сделок. Для усовершенствования законодательства необходимо ввести более четкие определения и критерии, касающиеся действительности сделок с недвижимостью, а также разработать механизмы для упрощения процесса оформления и регистрации сделок. Также стоит рассмотреть возможность введения обязательного предварительного юридического консультирования для сторон, участвующих в сделках с недвижимостью.

Таким образом, мы исследовали понятийный аппарат сделок с недвижимым имуществом в российском праве и рассмотрели классификацию сделок с недвижимостью. Сделки с недвижимым имуществом — это правомерные действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в отношении недвижимого имущества. Сделки подразделяются на действительные и недействительные; односторонние; двух- и многосторонние (договоры); возмездные и безвозмездные; реальные и формальные, коммуникативные и условные. Сделки могут быть с отчуждением и без отчуждения недвижимого имущества, а также дополнительными (акцессорными). Каждый вид сделки с недвижимым имуществом имеет свои специфические особенности и правовые аспекты.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. Агарков М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков // Советское государство и право. 1946. № 3/4. С. 41–55.
4. Калемина Ю. В. Понятие и виды сделок с недвижимым имуществом // Экономика и социум. 2015. № 1–3 (14) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-sdelok-s-nedvizhimym-imuschestvom> (дата обращения: 18.12.2024).

5. Латалина К. Д. Отдельные виды сделок с недвижимым имуществом: вопросы правовой регламентации // Вестник магистратуры. 2022. № 12–1 (135) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-vidy-sdelok-s-nedvizhimym-imuschestvom-voprosy-pravovoy-reglamentatsii> (дата обращения: 18.12.2024).
6. Зенин И. А. Гражданское право. Общая часть: учебник для вузов / И. А. Зенин.—М.: Издательство Юрайт, 2024.— 526 с.
7. Свечникова И. В. Гражданское право. Практикум: учебное пособие для вузов / И. В. Свечникова, Т. В. Величко.— М.: Издательство Юрайт, 2024.— 399 с.
8. Воронова О. Н. Возникновение и развитие права собственности на недвижимое имущество // Юридическая наука, образование и практика: история и современность. Белгородский университет кооперации, экономики и права (29 марта 2013): АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». Белгород: Изд-во БУКЭП, 2013. С. 232–238.

Особенности использования специальных познаний для расследования преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями

Коледенков Валерий Андреевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Гарига Ольга Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Настоящая статья посвящена использованию специальных познаний для расследования преступлений, совершаемых организованными преступными формированиями. Констатируется, что в процессе расследования общественно опасных посягательств, совершаемых организованными преступными формированиями, назначаются различные судебные экспертизы, но их методика проведения и возможности нуждаются в совершенствовании.

Ключевые слова: преступная деятельность, организованная преступная деятельность, расследование преступлений, криминалистические меры, специальные познания, фоноскопическая экспертиза, трасологическая экспертиза, психологическая экспертиза.

Человек, его права и свободы — высшая ценность. Обязанность государства защищать указанное, в том числе посредством расследования преступлений и привлечения виновных к уголовной ответственности. Наиболее опасная преступная деятельность — организованная, поскольку она тщательно планируется, трансгранична и направлена часто на совершение тяжких и особо тяжких преступлений, например, квалифицированное убийство, террористический акт, посягательство на жизнь судьи, генотид и другие. При этом в последнее время (с 2019 г. по сентябрь 2024 г.) прослеживается тенденция увеличения удельного веса выявленных лиц, совершивших преступления в составе организованной группы либо преступного сообщества (преступной организации). При этом с января по сентябрь 2024 г. возросло количество совершенных тяжких и особо тяжких преступлений [1]. Поэтому следует повысить эффективность расследования уголовно наказуемых посягательств, совершаемых организованными преступными формированиями посредством использования специальных познаний, что положительно скажется на борьбе с организованной преступной деятельностью.

Одной из форм использования специальных знаний в процессе расследования выступает судебная экспертиза. Судебная экспертиза в ходе расследования организованной преступной деятельности имеет важное значение,

поскольку именно судебная экспертиза позволяет обеспечить квалифицированное исследование объектов, имеющих важное значение для правильного расследования и доказывания организованной преступной деятельности. В процессе расследования общественно опасных посягательств, совершаемых организованными преступными формированиями, назначаются различные судебные экспертизы. Но материалы правоприменительной практики показывают, что наиболее часто назначаемые — это трасологическая; баллистическая; фоноскопическая экспертиза; физико-химическая; пожарно-техническая [2].

Важность назначения трасологической экспертизы не оспаривается, поскольку лица, совершая преступное посягательство, воздействует на окружающую среду, изменяя ее. В криминалистике такие изменения именуется материальными следами, являющимися одним из основных источников доказательств, в связи с чем трасологическая экспертиза выступает востребованной. Но организованная преступная деятельность с каждым днем совершенствуется, поэтому необходимо разрабатывать новые методики проведения трасологической экспертизы для расследования преступлений в указанной части.

Не менее востребованной является и фоноскопическая экспертиза. Она позволяет идентифицировать участников организованной преступной деятельности. При

расследовании уголовных дел анализируемой категории телефонные переговоры являются практически единственным доказательством (в особенности организатора организованной преступной деятельности), в связи с чем телефонные переговоры активно перехватываются. Судебно-фоноскопическая экспертиза — «кит», на котором зиждется криминалистические методы борьбы с организованной преступностью [3].

Фоноскопическая экспертиза проводится в настоящее время в экспертных подразделениях МВД России, в учреждениях Российского федерального центра судебной экспертизы Минюста России, но в них редко осуществляется идентификация участников, говорящих на иностранном языке. Проведение фоноскопической экспертизы возможно и в некоммерческих экспертных организациях. Например, уникальной авторской языконезависимой методикой идентификации обладает Санкт-Петербургская Автономная некоммерческая организация «Криминалистическая лаборатория аудиовизуальных документов» (АНО «КЛАД»). Но ее проведение является весьма затратным. При этом по делу может потребоваться проведение не одной экспертизы.

Нередко назначается и пожарно-техническая экспертиза. Но сегодня в криминалистической литературе неоднократно отмечалось, что в настоящее время наблюдается существенный недостаток судебных экспертов, которые непосредственно специализируются на проведении пожарно-технической экспертизы [4]. Как правило, судебные пожарно-технические экспертизы проводятся экспертами, обладающими знаниями в области строительства либо автомобилестроения, вопреки тому, что в обозначенном нами случае требуются специальные знания в сфере горения и взрыва. Однако зачастую такие эксперты не в состоянии ответить на все вопросы, ко-

торые были поставлены следователем на разрешение судебной пожарно-технической экспертизы.

При расследовании деятельности устойчивых преступных формирований, неоднократно совершавших преступления и имеющих сложную организационную структуру, определение организатора значительно затрудняется, особенно в случаях, когда соучастники умышленно его скрывают. В такой ситуации видится необходимым назначить судебно-психологическую экспертизу.

Перед экспертом при исследовании структуры и ролевых функций членов преступного формирования могут быть поставлены следующие вопросы:

- каковы индивидуально-психологические особенности личности обвиняемых;
- кто из подследственных имеет психологические особенности личности, позволяющие ему занимать лидирующее положение в группе;
- кому из обвиняемых присущи такие особенности личности, как повышенная внушаемость, робость, зависимость или повышенная агрессивность, жестокость (в зависимости от того, что интересует следствие);
- имеются ли в группе социально-психологические признаки высокой организованности, сплоченности, и если имеются, то в чем они конкретно выражаются.

Выявленные психологические особенности членов формирования дают возможность составить вероятный «сценарий» их поведения в ситуации совершения преступления.

Таким образом, что в процессе расследования общественно опасных посягательств, совершаемых организованными преступными формированиями, назначаются различные судебные экспертизы, но их методика проведения и возможности нуждаются в постоянном совершенствовании.

Литература:

1. Состояние преступности в России с 2019 г. по сентябрь 2024 г. — Текст: электронный // Официальный сайт МВД России: [сайт]. — URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751> (дата обращения: 10.12.2024).
2. Мазунин Я. М., Архипова Ю. А., Фролов В. Ю. Роль судебных экспертиз в доказывании участия членов организованного преступного формирования в преступной деятельности // Наука XXI века и перспективы: Сборник материалов международной научной конференции / под ред. А. И. Барановского, 2014. С. 57.
3. Ищенко П. П. Актуальные проблемы судебно-экспертного расследования организованной преступной деятельности // Пролог: журнал о праве. 2019. № 4. С. 35.
4. Матюшенков А. Н. К вопросу использования криминалистических знаний при расследовании криминальных взрывов: сравнительный анализ // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: право. 2019. № 4. С. 42–50.

Правовые и организационные основы охраны окружающей среды в муниципальном образовании

Коннова Екатерина Алексеевна, студент

Научный руководитель: Соколова Анна Игоревна, кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье исследованы ключевые правовые и организационные основы охраны окружающей среды на уровне муниципального образования. Актуальность темы обусловлена ростом внимания к проблемам экологии и разработки правовых инструментов охраны окружающей среды в современной России. В процессе исследования нормативных правовых актов был проанализирован объем полномочий органов местного самоуправления в области охраны окружающей среды, выявлены достоинства и недостатки степени вовлечения органов местного самоуправления в экологическую сферу.

Ключевые слова: местное самоуправление, органы местного самоуправления, муниципальное образование охрана окружающей среды, экология, полномочия органов местного самоуправления.

Legal and organizational frameworks for environmental protection in a municipality

Konnova Ekaterina Alekseevna, student

Scientific advisor: Sokolova Anna Igorevna, candidate of law sciences, associate professor
Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law University named after OE Kutafin

The article examines the key legal and organizational foundations of environmental protection at the municipal level. The relevance of the topic is due to the growing attention to environmental problems and the development of legal instruments for environmental protection in modern Russia. In the process of studying regulatory legal acts, the scope of powers of local governments in the field of environmental protection was analyzed, and the advantages and disadvantages of the degree of involvement of local governments in the environmental sphere were identified.

Keywords: local government, local government bodies, municipal environmental protection, ecology, powers of local governments.

В настоящее время актуальной является проблема экологической безопасности государства и охраны окружающей среды. Обеспечить успешную реализацию функций, необходимых для восстановления, сохранения и поддержания благоприятного состояния окружающей среды, опираясь только на органы государственной власти, невозможно. Именно поэтому система органов местного самоуправления также должна принимать участие в вопросах решения проблем, возникающих в области охраны окружающей среды [1, с. 510].

В РФ функционирует развитая система органов местного самоуправления, что обусловлено многообразием муниципальных образований на территории государства. Органы местного самоуправления обладают определенными полномочиями, необходимыми для достижения достойного уровня жизни населения на своих территориях. Так, базовые задачи в области охраны окружающей среды, выполнение которых возложены на органы муниципальной власти, утверждаются в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», являясь базовым нормативно-правовым актом в области охраны природы, устанавливает, что охрана окружающей среды — это деятельность

органов государственной власти РФ, органов местного самоуправления, юридических и физических лиц, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий.

Обязательность участия в деятельности по охране окружающей среды органов местного самоуправления, а также ответственность муниципальных органов за обеспечение благоприятной окружающей среды и экологической безопасности на соответствующих территориях являются принципами природоохранной деятельности (ст. 7 Закона об охране окружающей среды).

Полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны окружающей среды — это их права и обязанности по решению вопросов местного значения в природоохранной сфере. Также к ним необходимо отнести передаваемые в установленном законом порядке отдельные государственные полномочия в сфере охраны окружающей среды [3, с. 9].

Вопросами местного значения муниципального образования в области охраны окружающей среды являются: участие в предотвращении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций; организация мероприятий по охране окружающей среды; организация сбора, вывоза,

утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов; организация благоустройства и озеленения территории муниципального образования; охрана, защита, сохранение и восстановление лесного фонда; осуществление муниципального экологического контроля; разработка и утверждение генеральных планов и правил землепользования, застройки; резервирование земельных участков для муниципальных нужд; создание и развитие лечебно-оздоровительных местностей и курортов местного значения [2, с. 557].

Стоит также заметить, что согласно нормам федерального законодательства, органы местного самоуправления наделены некоторыми специальными полномочиями: инициирование организации и проведения общественной экологической экспертизы, разработка местной охраны земель, разработка определенных требований в сфере сельского хозяйства, обращения с бытовыми отходами, градостроительства и энергетики.

Природоохранные полномочия осуществляются органами местного самоуправления, прежде всего, с учетом интересов населения, а точнее в целях защиты интересов граждан при ведении на территории муниципального образования деятельности, влияющей на состояние окружающей среды [3, с. 11].

Помимо федеральных законов, полномочия органов местного самоуправления в сфере охраны окружающей среды также закрепляются в нормативных актах регионального уровня. Так, основными актами, регламентирующими деятельность в сфере охраны окружающей среды, являются целевые программы, направленные на решение наиболее значимых и проблемных вопросов в сфере экологии на территории определенного региона.

Охрана окружающей среды на местном уровне регулируется также посредством разработки, принятия и реализации муниципальных целевых программ, распорядительных документов администрации муниципальных образований и т.д. [4, с. 43].

Следует отметить, что на федеральном и на региональном уровнях экологическая составляющая деятельности органов местного самоуправления обозначена рамочно. В частности, по многим аспектам реализации полномочий органов местного самоуправления прослеживается непоследовательность и противоречивость (например, по вопросам разграничения полномочий и по вопросам делегирования). Нормы действующего законодательства, в большей степени, ориентированы на потребление природных ресурсов, а не на охрану окружающей среды. Также в действующем законодательстве имеют место дублирование норм и их противоречия, преобладает отраслевой принцип, ориентирующийся на конкретные сферы природопользования. Соответственно, правовое регулирование деятельности органов местного самоуправления в области охраны окружающей среды требует своего совершенствования [3, с. 11].

На наш взгляд, на современном этапе развития экологического законодательства в России идет поиск опти-

мальных вариантов разграничения полномочий между федеральной, региональной и местной властью. Так, на сегодняшний день требуется совершенствование правовой базы, регламентирующей деятельности органов местного самоуправления в области охраны окружающей среды, по вопросам радиационной защиты населения, деятельности заповедников, водоохраной и лесозащитной деятельности, мусороперерабатывающей деятельности и т.д.

Однако, реализация все возрастающего объема полномочий органов местного самоуправления в сфере охраны окружающей среды требует эффективных организационных основ [4, с. 44]. Так, в структуре полномочий органов местного самоуправления следует выделить полномочия представительных, исполнительно-распорядительных, а также иных органов муниципального образования, предусмотренных уставами муниципального образования и обладающих полномочиями в сфере решения вопросов местного значения. Распределение функций между органами местного самоуправления в большинстве случаев распределяется единообразно, без учета индивидуальных особенностей различных органов и должностных лиц в каждом муниципальном образовании [3, с. 11].

Ключевую роль в охране окружающей среды на уровне местного самоуправления играет исполнительно-распорядительный орган муниципального образования (местная администрация). Его структура утверждается представительным органом муниципального образования по представлению главы местной администрации. В структуру местной администрации могут входить отраслевые (функциональные) органы местного самоуправления, в том числе и в сфере охраны окружающей среды. Финансовое обеспечение рассматриваемых структурных органов производится за счет собственных средств соответствующих муниципальных образований.

Процесс организации системы управления охраной окружающей среды в муниципальных образованиях также может состоять в назначении должностного лица или специалиста местной администрации — муниципального служащего, в чьи обязанности входит выполнение работы в сфере природоохранной деятельности. Также возможен вариант передачи полномочий одному из заместителей главы муниципального образования (чаще всего это происходит в муниципальных районах). В некоторых муниципальных образованиях, где проблема экологической безопасности является одной из ключевых в силу природных факторов, географического положения или предприятий, расположенных на территории муниципального образования, возможно создание совещательных органов и координационных советов по вопросам охраны окружающей среды при главах муниципальных образований [1, с. 512].

Еще одним вариантом организационных основ охраны окружающей среды в муниципальном образовании может стать создание специальных структурных подразделений (отделов, управлений, комитетов) в структуре

администрации муниципального образования. Такие структурные подразделения наделяются правами юридического лица и являются муниципальными учреждениями, созданными для осуществления управленческих функций в определенной сфере.

Важность рассматриваемой сферы правовых отношений также обозначена принятым Президиумом Верховного Суда РФ 13 декабря 2023 года Обзором судебной практики по делам, связанным с обращением с твердыми коммунальными отходами (далее — ТКО). Согласно указанному акту, места для накопления ТКО должны создавать органы местного самоуправления. Так, городская администрация подала иск к компании, в котором требовала обязать ее создать места для накопления ТКО. Фирма подала встречный иск к представителям муниципальной власти. В результате суды отказали в удовлетворении иска органа муниципальной власти, заняв сторону компании. Согласно законодательству РФ, создание площадок ТКО, по общему правилу, является обязанностью органов местного самоуправления.

Кроме этого, в указанном Обзоре судебной практики, закрепляется обязанность органов местного самоуправ-

ления соблюдать права населения на экологичность их места жительства. Так, местные власти решили установить контейнерную площадку во дворе многоквартирного дома почти в 10 метрах от его стены. В данном случае, судом был установлен факт нарушения права на благоприятную окружающую среду. Итогом рассматриваемого дела стало вынесение решения не в пользу органов местного самоуправления, так как расположение контейнеров для мусора должно находиться в более чем 20 метрах от жилого дома.

Таким образом, для создания эффективной системы охраны окружающей среды необходимо сочетание всех экономических, социальных и экологических аспектов на уровне муниципальной власти. Для выполнения задач и достижения целей экологической политики требуется разработка системы эффективных правовых инструментов, в которых на первом месте стоят организационно-правовые меры, обусловленные ролью муниципального управления. Важно отметить, что обязанность обеспечения экологической безопасности несут не только государственные органы власти РФ и ее субъектов, но и органы местного самоуправления.

Литература:

1. Барановская, К. С. Правовые и организационные основы охраны окружающей среды в муниципальном образовании // Аллея науки. — 2022. — № 3 (66). — С. 507–512.
2. Барановская, К. С. Совершенствование механизмов участия органов местного самоуправления в охране окружающей среды / К. С. Барановская // Аллея науки. — 2022. — № 3 (66). — С. 557–562.
3. Грушевская, А. А. Полномочия органов местного самоуправления в области экологии в России и зарубежных странах в современном мире / А. А. Грушевская // Государство. Право, политика и экономика в условиях цифровой трансформации: сборник докладов I Всероссийской (национальной) научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. — Ростов-на-Дону, 2022. — С. 8–11.
4. Левина, Л. В., Левин, А. И. Нормативно-правовое регулирование экологической безопасности органами местного самоуправления / Л. В. Левина, А. И. Левин // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. — 2021. — № 1 (24). — С. 42–45.
5. Соколова, А. И. Реализация конституционной модели местного самоуправления: развитие некоторых идей В. И. Фадеева / А. И. Соколова // Образование и право. — 2023. — № 7. — С. 44–48.

Понятие конституционно-правовых споров о компетенции в Российской Федерации

Кравченко Кирилл Викторович, студент магистратуры

Научный руководитель: Лапочкина Елена Петровна, кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Исследование особенностей разрешения конституционно-правовых споров о компетенции в практике конституционного суда невозможно без установления содержания понятия «конституционно-правовой спор о компетенции», выявления его основных признаков. В этой связи в работе предложено исследование понятия и видов споров о компетенции с точки зрения общей теории права, а также применительно к специфике практики конституционного суда.

Ключевые слова: конституционно-правовой спор, компетенция, спор о компетенции, конституционное правосудие.

The concept of constitutional and legal disputes on competence in the Russian Federation

Kravchenko Kirill Viktorovich, student master's degree

Scientific advisor: Lapochkina Yelena Petrovna, candidate of law sciences, associate professor
Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law University named after OE Kutafin

The study of the specifics of resolving constitutional and legal disputes on competence in the practice of the constitutional court is impossible without establishing the content of the concept of «constitutional and legal dispute on competence», identifying its main features. In this regard, the paper proposes a study of the concept and types of disputes on competence from the point of view of the general theory of law, as well as in relation to the specifics of the practice of the constitutional court.

Keywords: constitutional and legal dispute, competence, competence dispute, constitutional justice.

На сегодняшний день содержание понятия «спор о компетенции» не раскрыто на законодательном уровне, а равно как и однозначно не определяется в научной среде. Подобная неопределенность может быть объяснима рядом причин.

Прежде всего, трудности в формулировании дефиниции предопределены многообразием компетенционных споров, в силу чего каждый такой спор представляет собой уникальное соединение правовых, экономических, политических, социальных, организационных (управленческих) элементов. Спор о компетенции возникает по разным поводам: относительно ее объема и характера, предметов ведения, полномочий субъекта компетенции либо всего в совокупности [1].

Таким образом, компетенционные споры весьма различны, однако, для целей настоящего исследования важна выработка общего понятия вне зависимости от процессуальной формы рассмотрения споров о компетенции, а также вне зависимости от сферы их возникновения и иных отличий.

В качестве следующей проблемы необходимо обозначить, что понятие конституционно-правового спора о компетенции является видовым по отношению к понятию «конституционно-правовой спор (конфликт)», определение которого, в свою очередь, также составляет немалую сложность и не находит единогласия в научных исследованиях.

В качестве третьей следует отметить проблему соотношения полномочий Конституционного Суда РФ по вопросу о соответствии Конституции РФ законов, а также по вопросу о разрешении споров о компетенции.

Сравнение ч.ч. 2 и 3 ст. 125 Конституции РФ первоначально может привести к выводу, что предметом споров о компетенции не могут быть споры о нормотворческой компетенции, поскольку они должны рассматриваться в рамках самостоятельной процедуры определения конституционности законов и нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, т.е. в рамках процедуры ч. 2 ст. 125 Конституции РФ.

При таком подходе споры о компетенции могли бы возникать при принятии теми органами государственной власти, которые перечислены в ч. 3 ст. 125 Конституции

РФ, не нормативных, а конкретных, индивидуальных актов и решений, а также правовых действий.

В определенной степени такой подход к предмету споров о компетенции основан на Конституции РФ. Так, в п. «б» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ установлено, что Конституционный Суд РФ разрешает дела о соответствии Конституции РФ конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов РФ, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов РФ.

В отличие от традиционного абстрактного нормоконтроля, который возбуждается по инициативе ограниченного количества органов государственной власти и сводится к проверке соответствия федерального закона или иного нормативного акта или закона субъекта Федерации по форме или содержанию Конституции РФ, норма, заключенная в п. «б» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ, ограничивает проверку только тех актов субъектов РФ, которые изданы по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и к совместному ведению. Фактически это споры о компетенции в законотворческой сфере [2].

Вместе с тем содержание норм ч. 3 ст. 125 Конституции РФ не позволяет утверждать, что предметом споров о компетенции вообще не могут быть законы и нормативные акты. Именно поэтому ст. 93 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» предусматривает, что предметом спора о компетенции может быть акт или совершение действия правового характера.

Споры о компетенции могут возникать в результате применения органами государственной власти, названными в ч. 3 ст. 125 Конституции РФ, компетенционных норм. Такая «правоприменительная» деятельность может иметь своим результатом как нормативные правовые решения, так и ненормативные. В частности, ненормативными актами такого рода являются ненормативные указы Президента РФ, распоряжения Правительства РФ.

В зависимости от избранного подхода к предмету споров о компетенции может быть решен вопрос о по-

нятии «спор о компетенции». Это понятие может быть истолковано в узком и в широком смысле.

В узком смысле спор о компетенции выступает только в виде конфликта правовых норм, созданных разными органами государства в порядке реализации своей компетенции, установленной Конституцией, и имеющих один и тот же объект регулирования.

В широком смысле спор о компетенции может возникать как в связи с изданием органами государственной власти правовых норм, так и в случаях издания ими иных актов, а также совершения действий правового характера. Преимущество второго подхода состоит в возможности охватить конституционным контролем сферу издания распорядительных актов, затрагивающих полномочия органов государственной власти, перечисленных в ч. 3 ст. 125 Конституции РФ.

В общем виде конституционно-правовой спор о компетенции представляет собой разногласие, противоречие между субъектами конституционно-правовых отношений по поводу компетенции. Данный вид спора сочетает в себе два элемента в неразрывном единстве: конституционно-правовой характер и компетенционные разногласия как предмет спора.

Таким образом, для формулирования дефиниции представляется необходимым выделить квалифицирующие признаки данного понятия, с одной стороны, отражающих природу конституционно-правового спора в принципе, а, с другой стороны, выделяющих особенности компетенционного спора.

Во-первых, следует отметить, что причины возникновения таких споров кроются в конфликтной природе самого принципа разделения властей и федеративных отношений, специфику конституционно-правового статуса органов, не выходящих в традиционные ветви власти (Банк России). Все это находит отражение в Конституции РФ, на основании которой компетенционные споры возникают и разрешаются.

Во-вторых, компетенционные споры имеют конституционно-правовой характер. Некоторые споры изначально являются конституционно-правовыми, поскольку их участниками являются субъекты конституционно-правовых отношений, и сам спор происходит в связи с нормами конституционного права. Вместе с тем, встречаются в практике — и гораздо чаще — споры, предметом которых является компетенция, однако конституционно-правовой характер они приобретают уже в процессе разрешения, а их субъекты, изначально действовавшие как субъекты правоотношений других отраслей, начинают выступать как субъекты конституционного права.

В-третьих, прослеживается связь компетенционных споров с правом граждан на судебную защиту своих прав, нарушенных, как правило, в результате действия или бездействия органа власти. Зачастую такая защита приобретает характер спора о компетенции:

— орган предпринял действия либо принял акты, которые по мнению противоположной стороны выходят за

рамки его компетенции. Здесь возможны, как минимум, две ситуации: орган неверно истолковал собственную компетенцию либо орган реализовал полномочия, явно принадлежащие другому органу;

— орган не совершил действий, не принял акт, прямо ему предписанные нормами о его компетенции (такой вид спора встречается значительно реже).

В этом смысле необоснованно суженным представляется определение «нарушения компетенции», содержащееся в абзаце втором пункта 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2003 года № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального Кодекса Российской Федерации» [5]: «Под нарушением компетенции перечисленных в части 2 статьи 251 ГПК РФ лиц следует понимать регулирование оспариваемым нормативным правовым актом тех отношений, которые в соответствии с законом должны регламентироваться нормативными правовыми актами, издаваемыми этими лицами».

Поскольку компетенция органов власти реализуется в форме правовых актов, споры о компетенции в подавляющем большинстве случаев приобретают форму оспаривания нормативных либо ненормативных актов органов власти. Это форма проявления юридического характера таких споров. При этом речь идет об обжаловании и акта, изданного конкретным органом, и акта, устанавливающего компетенцию данного органа. Как отмечает Ж. И. Овсепян, «одной из особенностей деятельности Конституционного Суда РФ является то, что он хотя крайне редко рассматривает отнесенные к его юрисдикции дела по спорам о компетенции (...), тем не менее, довольно активно осуществляет разграничение компетенций, предметов ведения и полномочий в РФ в связи с осуществлением им проверок конституционности законов и иных нормативных актов государственных органов и должностных лиц РФ и субъектов РФ...» [4]. Объясняется подобная ситуация во многом универсальностью (с точки зрения сфер применения) процедур обжалования правовых актов органов власти и, одновременно с этим, сложностью и специфичностью установленных процедур рассмотрения собственно споров о компетенции. В соответствии с ч. 2 ст. 94 ФКЗ о Конституционном Суде РФ (глава XI «Рассмотрение дел по спорам о компетенции»), рассмотрение дела о соответствии нормативного акта, являющегося предметом спора о компетенции, Конституции Российской Федерации по содержанию норм, форме, порядку его подписания, принятия, опубликования или введения в действие возможно только на основании отдельного запроса и в соответствии с порядком рассмотрения дел о конституционности нормативных актов.

Еще одна особенность споров о компетенции заключается в том, что зачастую такие споры являются составной частью других споров. Их участниками могут выступать физические и юридические лица. Например, вопрос о компетенции конкретного органа может возник-

нуть у суда при разрешении дела, когда судья принимает решение о применении либо неприменении конкретных нормативных актов.

Конституционно-правовая составляющая компетенционных споров имеет существенное, а иногда и определяющее значение для их разрешения в судебном порядке. В Российской Федерации отнесение компетенционных споров к конституционно-правовым осуществляется на основании норм законов и решений Конституционного Суда РФ. Если в первом случае речь идет о конституционном законодательстве и относится к спорам в сферах, которые традиционно принято считать конституционно-правовыми (например, споры в рамках федеративных отношений), то Конституционный Суд РФ в ряде своих решений часто прямо указывает, что тот или иной спор имеет конституционно-правовой характер [3]. Таким образом, конституционно-правовые споры о компетенции, разрешаемые в судебном порядке, в подавляющем боль-

шинстве случаев на практике сводятся к обжалованию нормативных актов органов власти — как изданных в процессе реализации компетенции, так и устанавливающих эту компетенцию. Случаи же рассмотрения споров о компетенции как таковых (в соответствующей процессуальной форме) единичны.

Исходя из выделенных особенностей можно выделить следующее понятие: конституционно-правовой спор о компетенции — это обусловленное конфликтной природой принципа разделения властей и федеративных отношений противоречие между субъектами конституционного права по вопросам компетенции, возникающие как в связи с изданием органами государственной власти правовых норм и иных актов, а также совершения действий правового характера, имеющих или приобретающих в процессе разрешения конституционно-правовой характер, предопределяя особенности элементов его структуры и специфику разрешения.

Литература:

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Общ. ред. Ю. В. Кудрявцева. М., 1996. С. 503.
2. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю. А. Андреева, В. В. Балытников, Н. С. Бондарь и др.; под ред. Г. А. Гаджиева. М., 2012. С. 375.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2002 г. № 283-0 // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 2.
4. Овсепян Ж. И. Из опыта РФ по разрешению споров о компетенции / Конституционное правосудие: опросы теории и практики. Ереван, 2000. С. 6.
5. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2003 года № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального Кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 3.

Признаки и виды должностного административного правонарушения — юридического основания административной ответственности должностных лиц

Красильникова Александра Олеговна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В этой статье автор анализирует понятие административного правонарушения, раскрывая характеристику признаков, формирует авторское понятие состава административного правонарушения через его элементы.

Ключевые слова: административное правонарушение, административное право, должностное лицо, общественная вредность, преступление, наказуемость.

Институт административной ответственности должностных лиц уже давно является предметом исследования отечественных административистов. В их трудах выявлены особенности данного вида юридической ответственности, а также определено понятие и раскрыты признаки должностного административного правонарушения [3, с. 29–30], которое является основанием для применения мер ответственности.

Административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) фи-

зического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Это обобщенное понятие, которое применимо ко всем субъектам административного права.

Любое административное правонарушение обладает рядом признаков, на наличие которых необходимо опираться при установлении принадлежности того или иного деяния к разряду именно правонарушений административного характера. К их числу необходимо отнести про-

тивноправность, виновность и наказуемость как признаки, напрямую указанные в законе, и общественную вредность.

Общественная вредность является критерием разграничения административных правонарушений и преступлений, отражением признака вредоносности действия, т.к. в результате осуществления лицом действий, которые именуется административным правонарушением, ущерб, вред (урон) причиняются правам и законным интересам государства, граждан и общества [1, с. 84].

Согласно системе приоритетов нашего государства, интересы человека и гражданина представляют собой наиболее охраняемый законом объект, однако с точки зрения причиняемого вреда его объем по статистике является большим, если вред причиняется интересам государства.

Признак противоправности означает, что совершаемое деяние противоречит нормам права административного характера, которые устанавливают запрет на совершение определенных действий, действий в определенном порядке или, напротив, обязывают осуществлять субъектов какие-то действия, от выполнения которых они пытаются уклониться. Во всех случаях метод воздействия на нарушителей норм права носит императивный характер, т.е. лицо, устанавливающее правило поведения, обладает необходимыми для этого властными полномочиями, а другие субъекты подчиняются этому требованию и несут ответственность за нарушение установленного правила.

Признак виновности самый обширный по содержанию. Само понятие «вина», объемно по смысловому значению. Административное правонарушение может быть признано таковым при виновном его совершении, вне зависимости от формы вины. Если умысел или неосторожность в его совершении не усматриваются, то невиновное причинение вреда ответственности в административном порядке не подлежит.

«Наказуемость административного правонарушения заключается в применении специально предусмотренных законом мер, указанных в санкции к нормам, характеризующим деяние, признаваемое административным правонарушением. Такие меры называются мерами административной ответственности. Перечень применяемых мер является исчерпывающим, равно как количественные и качественные характеристики устанавливаемого наказания» [2, с. 42].

Все обозначенные признаки характерны для всех административных правонарушений, в том числе должностных. Кроме того, они имеют влияние на характеристику элементов состава публичного административного правонарушения.

В литературе выделяют также следующие общие признаки должностного административного правонарушения:

- злоупотребление полномочиями (то есть использование должностным лицом своих полномочий для личных целей или получения собственной выгоды);

- нарушение законодательства (когда должностное лицо принимает решения или действует вопреки действующему законодательству, указам, распоряжениям или другим нормативно-правовым актам как федерального, так и регионального значения);

- коррупционные действия (принятие взяток, дачу взяток, медиации при заключении договоров, злоупотребление должностным положением и другие действия, направленные на получение незаконной выгоды);

- ненадлежащее исполнение обязанностей (когда должностное лицо не выполняет свои должностные обязанности или исполняет их, нарушая установленные правила и процедуры);

- использование официального статуса для достижения личных целей (когда должностное лицо использует свое официальное положение для облегчения себе или своим близким условий в работе или повседневной жизни) [4, с. 869].

В законодательстве отсутствует понятие состава административного правонарушения, что, в свою очередь, дает возможность научному сообществу предлагать собственное видение данного термина, его содержательной наполняемости. Нельзя не согласиться с мнением о том, что под ним понимается совокупность юридически значимых для квалификации объективных и субъективных элементов, необходимых для признания деяния противоправным.

Проанализируем элементы состава должностного административного правоприменительного правонарушения на основе обобщения и систематизации сведений о предусмотренных Особенной частью КоАП РФ административных правонарушениях, совершаемых в ходе административного правоприменения должностными лицами соответствующих государственных органов.

В качестве общего объекта должностного административного правоприменительного правонарушения, по нашему мнению, следует рассматривать совокупность общественных отношений, возникающих по поводу и в ходе осуществления внешней административной правоприменительной деятельности. Совокупность указанных отношений, охраняемых мерами административной ответственности, содержательно входит в структуру такого объекта административных правонарушений, как порядок управления. Под порядком управления следует понимать установленный соответствующими нормами административного и административно-процессуального права порядок (правила и процедуры) осуществления внешней административной, то есть управленческой, деятельности в отношении граждан и организаций, не находящихся в организационно-служебном подчинении административно-публичных органов и их должностных лиц.

К числу родовых объектов должностного административного правонарушения могут быть отнесены группы общественных отношений, возникающих при осуществлении специальных видов административной правоприменительной деятельности (правопредоставительной,

регистрационной, лицензионно-разрешительной, контрольно-надзорной и т.п.).

Непосредственным же объектом какого-либо должностного административного правоприменительного правонарушения, предусмотренного Особенной частью КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях (об административной ответственности), выступает конкретное правоотношение (конкретные права и обязанности), возникающее в рамках отдельного вида административной правоприменительной деятельности, например, правоотношение по поводу предоставления той или иной государственной услуги, рассмотрения обращения гражданина или организации в административно-публичный орган и т.п.).

Объективная сторона должностного административного правоприменительного правонарушения может заключаться в совершении при осуществлении административной правоприменительной деятельности административного действия, противоречащего, не соответствующего нормативно установленным требованиям, предъявляемым к содержанию и порядку (процедуре) совершения такого действия, либо в административном бездействии, то есть несовершении действия, обязанность производства которого прямо предусмотрена соответствующей нормой права, должностным регламентом конкретного должностного лица.

К числу противоправных административных действий, образующих объективную сторону анализируемого правонарушения, можно, в частности, отнести такие действия, как издание незаконного административного акта, незаконный возврат заявления физического или юридического лица без рассмотрения по существу, предоставление государственной или муниципальной услуги с нарушением нормативно установленного срока, проведение проверки в отношении юридического лица или индивидуального предпринимателя при отсутствии законного основания для ее проведения или с нарушением нормативно установленного срока.

Примерами противоправного административного бездействия должностного лица являются нерассмотрение заявления, жалобы физического или юридического лица, непринятие по такому заявлению, жалобе решения, отказ в удовлетворении заявления по произвольным и не относящимся к его содержанию основаниям (как форма уклонения от рассмотрения заявления по существу), непредоставление государственной или муниципальной услуги, отказ в предоставлении физического лицу или организации запрашиваемой ими информации.

Нередко в объективную сторону должностного административного правоприменительного правонарушения включается такой элемент, как наступление вредных последствий противоправного действия (бездействия). Вредные последствия данных правонарушений выражаются, прежде всего, в нарушении прав физических и юридических лиц, а именно в непредо-

ставлении какого-либо субъективного права или в невозможности его реализации. К числу таких последствий можно отнести, в частности, неполучение лицом запрашиваемой им государственной (муниципальной) услуги, информации, документов. Таким образом, должностные административные правонарушения являются правонарушениями преимущественно с материальным составом.

В качестве субъекта должностного административного правоприменительного правонарушения может выступать лишь должностное лицо государственного органа, уполномоченное на осуществление от имени данного органа административной правоприменительной деятельности. Таким образом, субъект — специальный. Поэтому главной особенностью состава правонарушения, предусматривающего административную ответственность должностного лица за ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей, является то, что он выступает в качестве специального субъекта в составе административного правонарушения.

Таким образом, все обозначенные выше элементы в совокупности образуют состав административного правонарушения, который признается единство установленных КоАП РФ объективных и субъективных признаков, характеризующих конкретное общественно опасное деяние как административное правонарушение. Элементами состава являются объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Анализ соответствующих норм Особенной части КоАП РФ с учетом их системной связи с положениями федерального законодательства, регулирующего различные виды административной правоприменительной деятельности, показывает, что при введении административной ответственности должностных лиц за нарушение отдельных нормативных требований к ее осуществлению законодатель действовал избирательно, адресно, руководствуясь, видимо, актуальностью на соответствующий момент той или иной сферы административного правоприменения, без учета всей системы, всего комплекса административных и административно-процессуальных отношений, возникающих в ходе административной правоприменительной деятельности. Очевидно, что федеральный законодатель в настоящее время не располагает выработанной, четко определенной концепцией административной ответственности должностных лиц органов исполнительной власти, исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, осуществляющих административную правоприменительную деятельность, за совершаемые ими в ходе данной деятельности правонарушения.

Исходя из проведенного анализа признаков должностного административного правонарушения, можем предложить следующее определение должностного административного правонарушения: «Должностное административное правонарушение — это действия или без-

действие лица, занимающего должностное положение в государственных органах, муниципальных учреждениях или иных организациях, уполномоченное решение вопросов от имени государства или юридического лица, которые противоречат законодательству, нормативно-правовым актам или установленным процедурам и принципам деятельности, и влекут за собой возможное нанесение ущерба интересам государства, общества или третьих лиц». Законодательное закрепление данного понятия позволит решить следующие проблемы:

1. Усиление ответственности должностных лиц: внедрение данного понятия позволит более жестко регули-

ровать деятельность должностных лиц и пресекать злоупотребления полномочиями, коррупционные действия, нарушения законодательства и иные правонарушения, совершаемые в рамках должностной деятельности.

2. Обеспечение эффективного контроля за деятельностью государственных органов и должностных лиц: наличие четкого понятия «должностное административное правонарушение» позволит установить особую ответственность за недобросовестное и неправомерное исполнение должностных обязанностей, что способствует повышению эффективности контроля и борьбы с коррупцией.

Литература:

1. Васильев, Э. А. Общественная опасность — основной критерий отграничения административных правонарушений от преступлений // Государство и право. 2007. № 4. С. 84–90.
2. Гаужаева, В. А. Некоторые аспекты современного представления о понятии, признаках и составе административного правонарушения / В. А. Гаужаева // Алтайский юридический вестник. — 2020. — № 2 (30). — С. 41–45.
3. Галаган, И. А. Теоретические проблемы административной ответственности по советскому праву: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971. С. 29–30;
4. Пospelов, Е. В. Понятие и признаки должностного административного правонарушения // В сборнике: Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях. Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Симферополь, 2024. С. 865–871.

Договор строительного подряда в гражданском праве России: вопросы теории правоприменительной практики

Кудрявцев Денис Михайлович, студент магистратуры
 Научный руководитель: Адаменко Алла Петровна, кандидат юридических наук, доцент
 Московский финансово-юридический университет МФЮА

В работе рассматриваются особенности законодательства о договоре строительного подряда в России, его историческое развитие и современные аспекты правоприменительной практики. Анализируются основные проблемы, связанные с регулированием подрядных отношений, и пути их решения в различные периоды.

Особое внимание уделено влиянию изменений в нормативной базе на правоприменение и текущие вызовы в этой сфере. На основе проведенного исследования предложены рекомендации, направленные на повышение эффективности правового регулирования и минимизацию рисков, связанных с исполнением договоров строительного подряда.

Ключевые слова: *строительный подряд, существенные условия, правоприменительная практика, коллизии законодательства, техническая документация, электронная фиксация, цифровые платформы.*

Construction contract in Russian civil law: issues of theory and law enforcement practice

The study examines the features of legislation on construction contracts in Russia, its historical development, and modern aspects of law enforcement practice. It analyzes the key issues related to the regulation of contractual relations and the ways they have been addressed in different periods.

Particular attention is given to the impact of changes in the regulatory framework on law enforcement and the current challenges in this area. Based on the research conducted, recommendations are proposed to improve the efficiency of legal regulation and minimize risks associated with the execution of construction contracts.

Keywords: *construction contract, essential terms, law enforcement practice, legislative collisions, technical documentation, electronic recording, digital platforms.*

Введение

Договор строительного подряда является одним из ключевых инструментов правового регулирования в строительной отрасли, обеспечивая взаимодействие участников этого сложного процесса. Его значимость обусловлена экономической значимостью строительной деятельности и высокой степенью ответственности за качество и безопасность возводимых объектов. Но несмотря на богатую историю правового регулирования, многие аспекты договора строительного подряда продолжают вызывать споры в правоприменительной практике. Это связано с правовой неопределенностью в ряде вопросов и усложнением экономических и технических условий реализации подрядных обязательств.

Целью работы является изучение эволюции законодательства о договоре строительного подряда, выявление современных проблем правоприменения и разработка рекомендаций для их решения, направленных на улучшение правового регулирования строительной деятельности.

Договор строительного подряда в гражданском праве России: вопросы теории правоприменительной практики

История формирования законодательства о договоре строительного подряда в России тесно связана с эволюцией правовой системы и экономических условий страны. В дореволюционный период регулирование подрядных отношений основывалось на положениях Свода законов Российской империи 1832 года. Эти нормы носили общий характер и применялись ко всем подрядным договорам. В этот период отсутствовали четкие правила, касающиеся качества выполнения работ и специфики строительного подряда, что создавало трудности в разрешении споров и снижало эффективность правоприменения [1].

С переходом к плановой экономике в советский период законодательное регулирование строительных подрядов приобрело жесткий и централизованный характер. Основным источником права стал Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, а затем Гражданский кодекс РСФСР 1964 года, который закрепил базовые нормы о подрядных договорах. Особенностью советского законодательства было подчинение строительных договоров государственному плану, что лишало подрядчиков и заказчиков гибкости в формировании условий договора. Технические стандарты, такие как СНиП (Строительные нормы и правила), стали обязательными, что обеспечивало высокий уровень качества работ, но одновременно создавало административные ограничения.

С переходом России к рыночной экономике в 1990-е годы произошло кардинальное обновление правовой базы. При-

нятие части второй Гражданского кодекса РФ в 1996 году (Федеральный закон № 14-ФЗ) стало важным этапом в развитии регулирования строительного подряда. Впервые в отечественном праве была выделена отдельная группа норм, посвященная строительному подряду, например, статья 740, которая установила права и обязанности сторон, требования к качеству и срокам выполнения работ, и ответственность за их нарушение. Это дало адаптировать правовое регулирование к новым экономическим условиям, где участники строительного рынка имели возможность самостоятельно формировать условия своих договоров [2].

Современный этап развития законодательства характеризуется значительным усложнением правового регулирования. Помимо Гражданского кодекса РФ, ключевым значением в регулировании строительных подрядов обладает Градостроительный кодекс РФ (Федеральный закон № 190-ФЗ от 29 декабря 2004 года) [3], который устанавливает нормы проектирования, строительства и ввода объектов в эксплуатацию. Федеральный закон № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве» регулирует отношения подрядчиков и заказчиков при строительстве жилых объектов [4], а Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок» определяет правила для государственных строительных подрядов [5]. Одновременно продолжают действовать технические стандарты, такие как ГОСТы и СНиПы, которые остаются обязательными для применения.

Развитие законодательства о договоре строительного подряда отражает эволюцию правовой системы и экономических реалий России. Изучение истории его формирования и анализа недостатков прошлого даёт лучше понять современные проблемы и оценить эффективность предпринятых мер по их устранению. Анализ прошлых ошибок и пути их решения дают возможность выявить закономерности в развитии законодательства, которые необходимо учесть при совершенствовании правового регулирования. Далее по работе особое внимание будет уделено ключевым недостаткам законодательства в различные исторические периоды, и методам, с помощью которых эти проблемы решались.

В дореволюционный период главным недостатком было отсутствие четкой регламентации прав и обязанностей сторон, что усложняло защиту интересов заказчика в случае недобросовестного исполнения подрядчиком своих обязательств. Дополнительной проблемой стало отсутствие единых требований к качеству строительных работ и срокам их выполнения. Решение этих проблем в тот период оставалось на уровне частных договоренностей, что приводило к юридической неопределенности и высокой конфликтности.

В советский период основным недостатком стало подчинение строительных договоров государственному планированию, что лишало стороны возможности гибко уста-

навливать условия. Например, подрядчики сталкивались с отсутствием гарантированного финансирования, а заказчики — с невозможностью внести изменения в проектные условия. Отмечалась проблема размытости ответственности за низкое качество работ, поскольку значительная часть требований была установлена лишь техническими стандартами, а не гражданско-правовыми нормами. Решением этих вопросов стало внедрение обязательных технических норм (СНиП) и создание системы государственных арбитражных органов, но это устраняло лишь часть проблем, связанных с качеством правового регулирования.

С переходом к рыночной экономике в 1990-х годах основные недостатки советского законодательства стали особенно заметны. Отсутствие четких норм о правах и обязанностях сторон, их ответственности за нарушение договора, требований к качеству и срокам выполнения работ вызвало многочисленные споры. Для решения этих проблем в 1996 году была принята часть вторая Гражданского кодекса РФ, которая впервые имела нормы о строительном подряде. Введение статьи 740 ГК РФ обеспечило правовую определенность в вопросах распределения обязанностей между подрядчиком и заказчиком, и установило ответственность за некачественное исполнение договора. В этот период началась активная разработка градостроительного законодательства, которое дополнило гражданско-правовое регулирование техническими требованиями [6].

Рассмотрим современные проблемы законодательства о строительном подряде, выявленные в правоприменительной практике за последние три года.

В 2023 году арбитражные суды рассмотрели 28 560 споров, связанных с договорами строительного подряда, но доля удовлетворенных исков снизилась с 65–66% в 2021–2022 годах до 19% в 2023 году. Это свидетельствует о возросшей сложности в доказывании обоснованности требований и строгом подходе судов к оценке доказательств, что усложняет защиту интересов сторон.

Увеличилось количество случаев, когда договоры строительного подряда признаются незаключенными из-за несогласования существенных условий, таких как предмет, сроки и цена работ. Отсутствие унифицированного подхода к определению существенных условий в судебной практике создает правовую неопределенность, которая усугубляет конфликты между сторонами.

Судебная практика указывает на дискуссионный характер вопроса о том, является ли техническая документация существенным условием договора строительного подряда. В отсутствие согласованной технической документации возникают споры о качестве и объеме выполненных работ, что осложняет разрешение конфликтов в суде.

Нормы административного законодательства, регулирующие разрешения на строительство, оказывают влияние на исполнение договоров строительного подряда. Это приводит к сложностям в правоприменении, поскольку возникают коллизии между гражданско-правовыми нормами и административными требованиями.

Многие споры связаны с отсутствием детализированных условий в договорах строительного подряда, особенно в части определения объемов, качества работ и порядка расчетов. Это приводит к разночтениям между сторонами, усложняет процесс исполнения договоров и становится основанием для судебных споров.

В судах возникают проблемы с подтверждением факта выполнения строительных работ и их соответствия условиям договора. Причина кроется в недостаточной фиксации результатов работ, отсутствии надлежащих актов приемки или их ненадлежащем оформлении, что приводит к затруднениям в защите интересов сторон.

Проблемы законодательства о строительном подряде, выявленные в прошлом, во многом продолжают оставаться актуальными и сегодня. Это связано с особенностями нормативной базы и недостаточной унификацией судебной практики (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнение проблем законодательства о строительном подряде в прошлом и современности [составлено автором]

Проблема	Проявление в прошлом	Проявление в современности
Неопределенность прав и обязанностей сторон	Отсутствие четких норм о правах и обязанностях подрядчика и заказчика.	Расхождения в толковании существенных условий договора (предмет, цена, сроки).
Проблемы с технической документацией	Отсутствие требований к согласованию проектной документации.	Неясность, является ли техническая документация существенным условием договора.
Ответственность за качество выполненных работ	Сложности с взысканием ущерба за дефекты из-за недостаточной детализации договорных условий.	Споры о соответствии выполненных работ техническим условиям и недостаточно оформленные акты приемки.
Влияние административного законодательства	Подчинение подрядных договоров государственному планированию.	Коллизии между гражданским и административным регулированием, особенно при получении разрешений на строительство.
Недостаточная детализация договорных условий	Отсутствие четкого указания на объем и сроки выполнения работ.	Недостаточная проработка договоров, что приводит к разногласиям в судебной практике.
Сложности в доказывании выполнения работ	Отсутствие надлежащей фиксации выполнения строительных работ.	Отсутствие актов приемки, либо их ненадлежащее оформление.

Как видно из таблицы, сохранение прошлых проблем обусловлено недостатками нормативного регулирования и отсутствием унифицированного подхода в судебной практике. Учитывая эти выводы, предложим рекомендации для устранения текущих проблем, и меры, которые дадут спрогнозировать и минимизировать возникающие в будущем трудности.

Для устранения правовой неопределенности, связанной с договором строительного подряда, необходимо разработать унифицированные требования к его существенным условиям, например, обязательное согласование технической документации. На законодательном уровне стоит четко зафиксировать перечень таких условий, чтобы исключить расхождения в судебной практике. Это снизит количество споров о признании договоров незаключенными и обеспечит предсказуемость для участников строительного рынка [7].

Еще одним важным шагом является создание единой цифровой платформы для контроля исполнения договоров строительного подряда. Такая платформа должна иметь возможность электронного оформления актов приемки работ и фиксации выполнения обязательств с использованием блокчейн-технологий. Это обеспечит прозрачность взаимодействия сторон, упростит процесс доказывания факта выполнения работ и значительно снизит число споров, связанных с качеством и объемом выполненных обязательств.

Необходимо усилить взаимодействие гражданского и административного законодательства, особенно в части получения разрешений на строительство и других связанных процессов. Для этого требуется проведение комплексной ревизии нормативных актов с целью устранения коллизий, которые возникают на практике. Четкая интеграция норм различных отраслей права даст создать единое правовое пространство, способствующее эффективной реализации договоров строительного подряда.

Предложенные меры направлены на устранение ключевых проблем законодательства о строительном подряде, обеспечивая разрешение текущих споров и предотвращение возможных конфликтов в будущем.

На основе анализа правоприменительной практики и существующих технологий, внедрение унифицированных требований к условиям договора сократит количество судебных споров на 25–30%. Использование цифровых платформ и блокчейн-технологий для фиксации результатов работ обеспечит прозрачность и надежность взаимодействия сторон, что снизит количество споров о качестве выполненных работ на 40–50%. Устранение коллизий между административным и гражданским законодательством укрепит правовую определенность, что потенциально сократит время разрешения связанных споров на 20–25%.

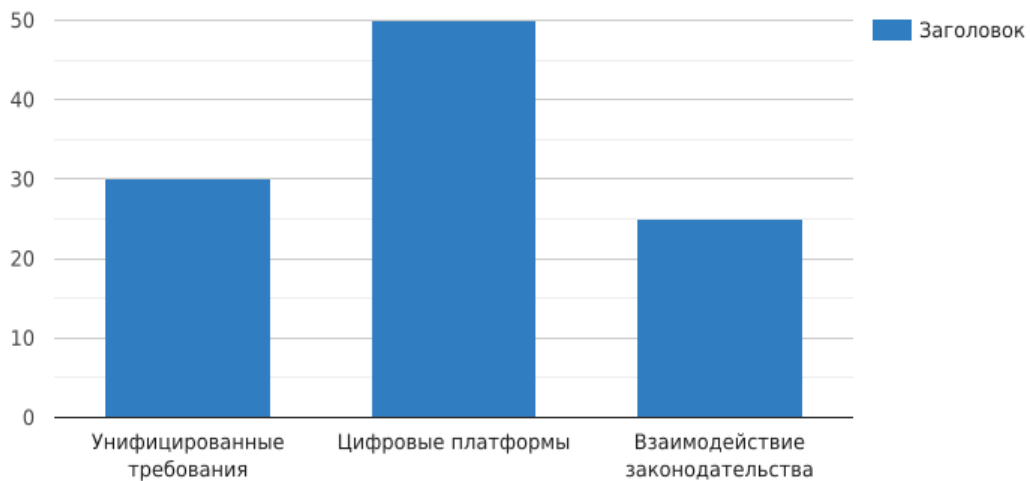

Рис. 1. Прогнозируемые показатели улучшений от предложенных мер [составлено автором]

Эти показатели демонстрируют, что комплексный подход к совершенствованию законодательства о строительном подряде значительно повысит эффективность правоприменения и укрепит доверие участников рынка к правовой системе.

Выводы

Исследование показало, что законодательство о договоре строительного подряда в России прошло значительную эволюцию, но многие проблемы прошлого оста-

ются актуальными. Неопределенность существенных условий договора, недостаточная детализация технической документации и коллизии между гражданским и административным законодательством продолжают вызывать споры и затруднять их разрешение.

Анализ правоприменительной практики и предложенные рекомендации, а именно внедрение цифровых технологий и унификацию норм, указывают на возможность значительного повышения прозрачности и предсказуемости правового регулирования. Это даст сократить количество споров и укрепить доверие участников рынка к правовой системе.

Литература:

1. Герасимов О. А. Эффективность правового регулирования предпринимательской деятельности в реальном секторе экономики России (на примере отдельных отраслей): монография. М.: Проспект, 2022. 344 с.
2. Гогин А. А., Федорова А. Н. Договор подряда: историко-правовые периоды становления, развития и современного состояния // Основы экономики, управления и права. 2021. № 2 (27). С. 38–44.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ, 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 16.
4. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) // Собрание законодательства РФ, 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 40.
5. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ, 08.04.2013, № 14, ст. 1652.
6. Анферова О. А. Проблемные вопросы договора подряда в российском законодательстве // Вестник экспертного совета. 2022. № 3. С. 87–95.
7. Потапов Н. А., Абросимова Е. А. Гражданское право Российской Федерации в схемах и таблицах: учебное пособие. М.: Прометей, 2024. 536 с.

Формы и методы недобросовестной конкуренции

Кузнецова Наталия Витальевна, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В данной работе будут рассмотрены такие особые формы недобросовестной конкуренции, как неправомерное использование товарных знаков, недостоверная реклама, конкуренция на деловой репутации.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, недостоверная реклама, общеизвестный патент, правовая охрана.

Недобросовестная конкуренция с использованием общеизвестных товарных знаков

Статья 14.6 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции) содержит состав правонарушения за недобросовестную конкуренцию, связанную с созданием смешения путем незаконного исполнения обозначения, тождественного товарному знаку. Однако данная работа нацелена осветить не столько возможность привлечения за недобросовестную конкуренцию с использованием общеизвестных знаков, сколько особенность таких ситуаций, которые требуют особого внимания по сравнению с тем, что отражено в статье 14.6 Закона о конкуренции.

Для того, чтобы выделять особенности недобросовестной конкуренции с использованием общеизвестных товарных знаков, первоначально необходимо выделить особенности правовой природы самого общеизвестного знака по сравнению с обычным. В отличие от обычного общеизвестный товарный знак обладает признаком «широкой известности» среди определенного круга потребителей [1]. Благодаря высокому проценту известности

среди потребителей общеизвестные товарные знаки обладают более широкой охраноспособностью, которая не ограничена товарами одного рода, а распространяется еще и на товары другого рода.

Учитывая описанную правовую природу общеизвестных товарных знаков, в исследовании будет выделен ряд аспектов, которые позволят их отличить от иных нарушений антимонопольного законодательства, включающих в том числе обычные товарные знаки.

Общеизвестные товарные знаки предоставляют более широкую охраноспособность. По этой причине соблазн зарегистрировать товарный знак как общеизвестный является более высоким, чем регистрация обычного.

Однако несмотря на большое желание получить статус общеизвестного товарного знака, возможность приобретения товарным знаком статуса общеизвестного существенно ограничена и требует обоснования известности среди широкого круга потребителей, который согласно статистике Роспатента составляет от 59% до 89%. Сложность доказывания известности «широкому кругу потребителей» зачастую требует судебного разбирательства. Поэтому регистрировать товарные знаки, схожие до степени смешения с общеизвестными, представля-

ется недопустимым даже в отношении товаров иного рода. Например, предприниматель может зарегистрировать обычный товарный знак для индивидуализации автомобиля. Но по смыслу статьи 1508 Гражданского кодекса РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 N230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) защита прав на данный товарный знак не будет распространяться на реализацию этим же предпринимателем стирального порошка, так как стиральный порошок уже будет товаром рода, отличного от автомобиля.

Если бы общеизвестные товарные знаки регистрировались без доказывания их широкой известности социологическими опросами и иными доказательствами, то приобретать статус общеизвестного товарного знака было бы легче. В таком случае была бы высока вероятность того, что через десяток лет все возможные обозначения были бы признаны общеизвестными товарными знаками. Как следствие признания всех товарных знаков общеизвестными, реализация даже неоднородных товаров, работ и услуг станет невозможной.

Это неизбежно приведет к ограничению конкуренции на рынке, так как для реализации товаров, работ или услуг правообладателям общеизвестных товарных знаков придется заключать лицензионные соглашения или договоры об отчуждении исключительного права. Иными словами, предоставление слишком широкой правовой охраны приведет к несправедливому ущемлению возможностей иных лиц и ограничению конкуренции, что является неблагоприятным последствием и для потребителей в том числе.

Для наглядности мною будет приведен пример с регистрацией цветов в качестве товарного знака. До 1989 года в США был устоявшийся подход в судебной практике, согласно которому цвета не могут регистрироваться в качестве даже обычных товарных знаков, так как это ограничивает конкуренцию. Данный вопрос стал также предметом рассмотрения в деле *Christian Louboutin S. A. vs Yves Saint Laurent America Holdings, Inc* [2]. Суд первой инстанции отказал *Christian Louboutin S. A.* в регистрации красной подметки туфель как даже обычного товарного знака со ссылкой на риск ограничения конкуренции.

Сейчас в России допускается регистрация цветов даже в качестве общеизвестных товарных знаков. Например, ПАО «Сбербанк» зарегистрировал зеленый цвет в качестве общеизвестного товарного знака, причем не отдельный оттенок зеленого, а сразу несколько оттенков палитры [3]. Точно также ПАО «МТС» зарегистрировал красный цвет [4].

Однако для индивидуализации неоднородных товаров недопустимо использовать товарные знаки, которые бы совпадали с общеизвестными товарными знаками до степени смешения. Поэтому иные предприниматели не могут использовать данный цвет. Так, зеленый цвет, зарегистрированный ПАО «Сбербанк» не может быть использован не только финансовыми организациями, которые осуще-

ствляют услуги того же рода, что и ПАО «Сбербанк», но и иными предпринимателями.

На данный момент есть вероятность полагать, что такая регистрация товарных знаков не дает правообладателям такой же защиты, как регистрация иных товарных знаков, например, словесных. Главным цветом АО «Россельхозбанк» является такой же зеленый, как и у ПАО «Сбербанка», а у АО «Альфа-Банка» — красный, являющийся товарным знаком ПАО «МТС». Например, офисы ПАО «МТС» и АО «Альфа-Банка» часто оформлены в красный цвет, не обладают различительной способностью, которой прежде всего должны обладать товарные знаки. Если было бы иначе, то конкуренция бы исчезла.

На данный момент Роспатент удовлетворяет заявки о регистрации общеизвестных цветовых товарных знаков. Однако такая тенденция небесспорно соответствует букве и духу закона. Учитывая, что цвета как товарные знаки регистрируются, но при этом это не препятствует другим предпринимателям использовать такие же цвета, как раз подтверждается, во-первых, «мертвое» состояние правовой охраны цвета как общеизвестного товарного знака, а во-вторых, ограничение конкуренции в случае предоставления правовой защиты таким объектам.

Институт общеизвестных товарных знаков был введен с целью предоставления защиты обозначениям, имеющим большую ценность для предпринимателей как средств, благодаря которым индивидуализируются определенные товары. Следовательно, правовая охрана товарных знаков была создана для защиты их в качестве «идей бизнеса», выработанных в результате творческой деятельности.

Со временем границы правовой охраны общеизвестных товарных знаков расширились, что, с одной стороны, сыграло в пользу интересов предпринимателей. С другой стороны, конкуренция стала более уязвимой. В свою очередь, недобросовестная конкуренция влечет нарушение не только прав иных добросовестных предпринимателей, но и потребителей, так как ассортимент товаров, работ и услуг может уменьшаться из-за расширения предпринимателей, являющихся правообладателями общеизвестных товарных знаков, монополии на товары.

Недобросовестная конкуренция с использованием недостоверной информации в рекламе

В настоящее время реклама является одним из наиболее эффективных инструментов продвижения товаров на рынке. Зачастую производители товаров, руководствуясь экономическими целями и желанием получения прибыли, осуществляют рекламу товаров путем указания на их превосходство и уникальность. При этом распространение такой рекламы в некоторых случаях может признаваться незаконной, а производитель действующим недобросовестно. Ниже представлен подробный анализ порядка признания рекламы соответствующего содержания противоречащей законодательству, а также особенностей российской правоприменительной практики.

В силу ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе [6]» (далее — «Закон о рекламе») недостоверной признается реклама, которая содержит не соответствующие действительности сведения [6, п. 1 ч. 3 ст. 5].

В соответствии с п. 29 Постановления Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 58 [7] реклама должна быть достоверной и формировать у потребителя справедливое представление о товаре и его характеристиках.

Сравнение одного товара с другим с использованием слов (1) «лучший», (2) «первый», (3) «номер один», должно производиться с указанием конкретного критерия, по которому сравнение проводится.

В одном из дел из судебной практики Федеральной антимонопольной службы (далее — «ФАС России»), использование в спорной рекламе словосочетания «Winline Выбор победителей» в отсутствие критериев и подтверждения указания таких характеристик было признано судом недостоверной рекламой. Суд посчитал, что указание компании на факт, что ее выбирают победители, фактически никак не подтверждено и является недобросовестной рекламой [10].

Огромное количество дел в части недостоверной рекламы приходится на рекламу продуктов. Так, например, реклама со слоганом «... конечно, наша пицца и роллы самые вкусные»..., распространенная в социальной сети «Вконтакте» на странице «Pizz'n'Roll» была признана судом недостоверной рекламой на основании п. 1 ч. 3 ст. 5 Закона о рекламе [11].

Интересным представляется Решение Приморского УФАС России от 09.01.2023 по делу № 025/05/5–1285/2022. В рекламе было использовано утверждение «Лучший сад «Академия «Р» во Владивостоке». По мнению УФАС России, используемая в рекламной информации превосходная степень слова «лучший» однозначно указывает, что сад является лучшим среди других садов города. Используемое выражение создает впечатление о превосходстве хозяйствующего субъекта без указания конкретных характеристик или параметров сравнения. УФАС России не обнаружило каких-либо сведений, подтверждающих сравнительную характеристику, либо критерий, по которому осуществляется сравнение.

Большое количество дел в части недостоверной рекламы приходится также на рекламу автомобильной продукции. Так, например, реклама автомобиля Hyundai Solaris с текстом: «Самый безопасный из всех автомобилей В-класса, протестированных по программе ARCAR в 2017 году» утверждала, что на основании краш-теста по программе ARCAR в 2017 году рекламируемый автомобиль является самым безопасным в своем классе [18]. Между тем, при переходе по ссылке на указанный тест не было понятно, все ли автомобили указанного класса были протестированы по указанным параметрам. Исходя из анализа представленного отчета, сравнение характеристик данного автомобиля со всеми моделями одного класса других производителей, в рамках тестирования, указанного в качестве подтверждения «самый без-

опасный» не проводились. В целях подтверждения достоверности и объективности утверждения сомнительного слогана «самый безопасный в классе» необходимо оценить перечень автомобилей из класса «В», прошедших аналогичные испытания по тем же параметрам. Более того, информация из исследования не подтверждала, что автомобили других производителей не набрали такое же количество очков. На сайте было указано лишь, что автомобили двух производителей набрали баллов чуть меньше. Таким образом, указанная реклама была признана недостоверной.

В Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 01.07.2021 № Ф09–4112/21 по делу № А50–32341/2020 баннер с содержанием «ОДК Пермские моторы — просто лучший моторный завод!» был признан недостоверной рекламой ввиду содержания сравнительной характеристики в отсутствие указания объективного подтверждения данного свойства товара на основании п. 1 ч. 3 ст. 5 Закона о рекламе.

В другом деле в рекламе в отношении брэнда «Шумофф» использовалась сравнительная характеристика «Шумофф на сегодняшний день производит самые эффективные материалы для шумоизоляции автомобилей в мире». При этом имеющие объективное подтверждение критерии, по которым осуществляется сравнение, в рассматриваемой рекламе не были приведены. Реклама была признана недостоверной [19].

Реклама «Пластиковые окна и балконы под ключ. Лучшая цена в городе. Пенсионерам дополнительные скидки» ... также была признана недостоверной. УФАС России указало, что в рассматриваемой рекламе присутствует словосочетание «лучшая цена в городе», при этом объективное подтверждение с указанием конкретного критерия, по которому осуществляется сравнение, отсутствует [15].

Как правило, до привлечения к административной ответственности ФАС может выдать предписание об устранении правонарушения. За распространение недостоверной рекламы лица могут быть привлечены к административной ответственности на основании ч. 1 ст. 14.3 КоАП РФ [5].

В судебной практике России представлено много примеров распространения недостоверной рекламы. При этом привлечение лиц к ответственности, как правило, не создает превентивного эффекта. Возможно, данный факт связан с тем, что административные штрафы за совершение правонарушения являются небольшими для правонарушителей. Особенно, это касается больших корпораций или сетевых компаний.

С моей точки зрения, данная проблема может быть решена путем ужесточения наказания за распространение как недостоверной рекламы, так и в целом за нарушение законодательства о рекламе. Потенциально более высокие штрафы смогут оказать превентивный эффект на игроков бизнеса, а также поспособствуют их добросовестному поведению.

Литература:

1. «Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности» (ТРИПС/TRIPS) [рус., англ.] (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005);
2. Christian Louboutin S. A. v. Yves Saint Laurent Am. Inc., 778 F. Supp. 2d 445 (S. D. N.Y. 2011).
3. Товарный знак (знак обслуживания) ПАО «Сбербанк», зарегистрированный в реестре под № 556088 с приоритетом от 27 февраля 2012 г. // URL: https://www.fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet (дата доступа: 12.02.2023).
4. Товарный знак (знак обслуживания) ПАО «МТС», зарегистрированный под № 560598 с приоритетом от 25 декабря 2013 г. https://www.fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet (дата доступа: 12.02.2023).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета, № 256, 31.12.2001.
6. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // Российская газета, № 51, 15.03.2006.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона «О рекламе» // Вестник ВАС РФ, № 12, декабрь, 2012.
8. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 22.02.2019 N C01-1273/2018 по делу N СИП-437/2018;
9. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 13.03.2018 N C01-35/2018 по делу N СИП-354/2017.
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.12.2022 № Ф05-31675/2022 по делу № А40-289661/2021.
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09.09.2022 № Ф08-9413/2022 по делу № А32-41349/2020.
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.08.2022 № Ф08-8299/2022 по делу № А32-41350/2020.
13. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.03.2022 № Ф09-178/22 по делу № А76-11179/2021.
14. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.07.2021 № Ф09-4112/21 по делу № А50-32341/2020.
15. Определение Марийского УФАС России от 18.01.2023 по делу № 012/05/5-32/2023.
16. Решение Приморского УФАС России от 09.01.2023 по делу № 025/05/5-1285/2022.
17. Решение Татарстанского УФАС России от 24.03.2021 № АЯ-08/3412 по делу № 016/05/5-199/2021.
18. Определение Татарстанского УФАС России от 26.10.2020 № АЯ-08/14280.
19. Решение Ивановского УФАС России от 04.03.2016 № 02-35/2016-003.
20. Постановление Московского УФАС России от 05.03.2015 № 4-14.3-114/77-15.

Административные иски и жалобы

Куропатин Дмитрий Александрович, студент
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Введение

Административные иски и жалобы являются ключевыми инструментами в рамках административного судопроизводства. Они предоставляют гражданам и организациям возможность оспаривать действия или бездействие государственных органов, тем самым защищая свои права и законные интересы. В контексте административного судопроизводства можно выделить несколько важных аспектов, которые требуют более детального рассмотрения.

1. Определение административного иска

Административный иск представляет собой документ, позволяющий гражданам и юридическим лицам

оспаривать действия или бездействие властей [3]. Основная цель такого иска заключается в защите прав и законных интересов истца. Его можно рассматривать как важный механизм, обеспечивающий соблюдение законности. В большинстве случаев административный иск служит инструментом для защиты прав граждан, пострадавших от действий или бездействия государственных органов и должностных лиц, а также способом реализации этих прав. Подавая административный иск, граждане осуществляют свои права, предоставленные им государством, или требуют восстановления нарушенных прав. В этом контексте административный иск демонстрирует взаимодействие публичных и частных интересов, что является характерной чертой обращений граждан. [3, 4]

Институт административного иска (жалобы) выполняет три ключевые функции:

1. **Правоохранительная функция** — инструмент, обеспечивающий защиту прав граждан.
2. **Контролирующая функция** — всесторонняя и беспристрастная проверка фактов, представленных в административном иске (жалобе) соответствующими вышестоящими административными органами.
3. **Восстановительная функция** — процесс восстановления и защиты нарушенных прав и свобод граждан.

2. Основания для подачи административного иска

К основным причинам для подачи административного иска (жалобы) относятся:

1. Нарушение прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.
2. Принятие незаконных решений органами власти.
3. Неправомерные действия или бездействия должностных лиц.
4. Оспаривание решений и действий квалификационных коллегий судей.
5. Защита избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ.
6. Присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумные сроки по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции. [1]

3. Процессуальные особенности административных исков

Административное исковое заявление подается в суд по месту нахождения административного ответчика или по месту жительства административного истца. Обычно срок подачи административного иска составляет три месяца с момента, когда административный истец узнал или должен был узнать о нарушении своих прав.

4. Содержание административного иска

Административное исковое заявление должно включать:

1. Наименование суда, в который подается административный иск.
2. ФИО и/или наименование, а также контактные данные административного истца, административного ответчика и заинтересованных лиц.
3. Информацию о нарушенных правах, свободах и законных интересах административного истца.
4. Содержание требований к административному ответчику и обоснование этих требований.
5. Сведения о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора, если он установлен законом.
6. Информацию о подаче жалобы в порядке подчиненности и результатах её рассмотрения.
7. Описание обстоятельств дела.

8. Доказательства, подтверждающие требования административного истца.

9. Указание на нормы права, на которые ссылается административный истец. [1]

5. Рассмотрение административного иска

Судебное разбирательство по административным искам проходит в открытом заседании, если иное не предусмотрено законом. Судья обязан обеспечить соблюдение прав сторон и рассмотреть дело в разумные сроки. Подготовка административного дела включает проверку искового заявления, назначение судебного заседания и сбор доказательств.

Основные этапы судебного заседания:

1. Вступительное слово судьи, который открывает заседание и разъясняет порядок его проведения.
2. Выступление истца, который излагает свои доводы и представляет доказательства.
3. Выступление ответчика, который имеет право представить свои аргументы и доказательства.
4. Выступление заинтересованного лица, если оно участвует в деле.
5. Слушание свидетелей и экспертов для получения дополнительной информации. [1, 3]

Доказательства играют ключевую роль в процессе рассмотрения административного иска. Суд анализирует их с точки зрения допустимости, актуальности и достоверности. Основные виды доказательств включают:

- 1) Вступительное слово судьи: Судья открывает судебное заседание, представляет стороны и разъясняет порядок его проведения.
 - 2) Выступление административного истца: Административный истец излагает свои доводы, обосновывающие административные иски, и представляет доказательства.
 - 3) Выступление административного ответчика: Административный ответчик имеет право представить свои доводы и возражения против административного иска, а также представить свои доказательства.
 - 4) Выступление заинтересованного лица: Если в деле участвует заинтересованное лицо, оно представляет свою позицию и доказательства. Заинтересованное лицо может, как поддерживать административный иск, так и выступать против удовлетворения административных исковых требований.
 - 5) Слушание свидетелей и экспертов: Если в деле участвуют свидетели или эксперты, суд может их допросить для получения дополнительной информации.
- Доказательства имеют решающее значение в процессе рассмотрения административного иска. Суд анализирует представленные доказательства с точки зрения их допустимости, относимости к делу и достоверности. Основные виды доказательств:
- 1) Документы — это официальные бумаги, акты, лицензии и иные материалы, которые подтверждают аргументы сторон

2) Свидетельские показания — это свидетельства лиц, способных подтвердить или опровергнуть факты, имеющие значение для рассматриваемого дела

3) Экспертные заключения — это выводы специалистов, которые могут оказать помощь суду в анализе сложных вопросов

После завершения судебного разбирательства суд принимает решение по делу. Решение может быть:

1. Удовлетворение иска:
 - a. В полном объёме — удовлетворение всех заявленных административных исковых требований
 - b. Частично — удовлетворение только части заявленных административных требований
2. Отказ в удовлетворении иска, если не будут установлены факты, подтверждающие требования административного истца.

Также в случае отказа административным истцом от административного иска то, судья выносит определение о принятии отказа административным истцом от административного иска и производство по делу прекращается. В случае отказа административного истца от административного иска административный истец не может повторно подать административный иск по тем же основаниям, по тому же вопросу и в отношении тех же лиц, в отношении которых административный иск подавался

Решение суда оформляется в виде судебного акта, который должен содержать:

1. Наименование суда
2. ФИО судьи
3. Стороны по административному делу
4. Суть спора
5. Обоснование решения суда
6. Результат рассмотрения административного дела

6. Апелляция и кассация

Решение суда первой инстанции может быть обжаловано в апелляционном порядке. Стороны имеют право подать апелляционную жалобу, если они не согласны с решением. Апелляционный суд рассматривает дело на основании материалов, представленных в первой инстанции, и может:

1. Оставить решение без изменения.
2. Изменить решение.

Литература:

1. КАС РФ [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения 16.12.2024 г.)
2. Леонов Денис Валерьевич Административно-правовой институт досудебного обжалования [Электронный ресурс] URL: https://izak.ru/upload/iblock/284/Dissertatsiya_Leonov_D.V..pdf (Дата обращения 16.12.2024 г.)
3. Попович О. М. Административно-правовая характеристика института административной жалобы (административного иска) [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativno-pravovaya-harakteristika-instituta-administrativnoy-zhaloby-administrativnogo-iska?ysclid=m4e148kne8999518077> (дата обращения 16.12.2024 г.)

3. Отменить решение и направить дело на новое рассмотрение.

Кассационная жалоба подается на решения, вступившие в законную силу, и рассматривается в кассационном суде.

Заключение

Административные иски и жалобы занимают ключевое место в системе правосудия, обеспечивая защиту прав и законных интересов как граждан, так и организаций в их взаимодействии с государственными структурами. Эти механизмы представляют собой мощный инструмент для оспаривания действий или бездействия властей, что, в свою очередь, способствует укреплению правопорядка и соблюдению законности в обществе.

При подаче административного иска административные истцы получают возможность отстаивать свои права, опираясь на четко прописанные законодательные нормы. Основания для подачи таких исков разнообразны и охватывают широкий спектр нарушений.

Процесс рассмотрения административного иска в суде включает несколько этапов, начиная с подготовки к судебному разбирательству и заканчивая вынесением решения. Судебный процесс должен быть открытым и справедливым, что позволяет сторонам представить свои аргументы и доказательства. Крайне важно, чтобы суды действовали беспристрастно и объективно, принимая решения на основе фактов и норм права.

Обжалование решений судов первой инстанции в апелляционном порядке предоставляет дополнительные возможности для защиты прав сторон, что подчеркивает значимость многоуровневой судебной системы. Это также способствует повышению качества правосудия и ответственности государственных органов. Таким образом, административные иски и жалобы являются неотъемлемой частью правовой системы, обеспечивая гражданам доступ к правосудию и возможность защиты своих прав. Эффективное использование этих инструментов способствует формированию правового государства, где права человека и законные интересы граждан находятся под надежной защитой. Необходимо продолжать развивать и совершенствовать законодательство в этой области, чтобы обеспечить еще более эффективную защиту прав граждан и организаций в их взаимодействии с государственными органами.

4. Руденко И. А. Административные иски и жалобы [Электронный ресурс] URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fropkip.ru%2Fcontent%2Fuploads%2F20240926%2F1727337483_375c7a75a1973f4f73b49d658c67f0d7.docx%3Fysclid%3Dm4e140yemp481247165&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения 16.12.2024 г.)
5. Хетагуров Марат Махарбекович Административные иски и жалобы [Электронный ресурс] URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article8937> (дата обращения 17.12.2024 г.)

Вопросы отграничения клеветы от смежных составов преступлений

Лавченко Ангелина Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Павлик Елизавета Михайловна, кандидат юридических наук, доцент

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

В статье автором проведен сравнительный анализ состава клеветы и составов преступлений, имеющих сходные признаки объективной и субъективной стороны. Автором предложен ряд существенных критериев для отграничения клеветы от преступлений, предусмотренных ст. 137, 298.1, 207.3, 306 и 307 УК РФ.

Ключевые слова: клевета, смежный состав, заведомо ложный донос, неприкосновенность частной жизни, заведомо ложное показание.

Уголовная ответственность за клевету предусматривается ст. 128.1 УК РФ [1]. Однако в уголовном законе сформулированы составы преступлений, содержащие признаки, схожие с признаками состава клеветы, что влечет сложности при их разграничении.

Смежным с клеветой является состав заведомо ложного доноса. Особые трудности на практике возникают при отграничении ч. 5 ст. 128.1 УК РФ от ч. 2 ст. 306 УК РФ.

В результате анализа данных составов нами были выявлены существенные отличия признаков объекта, объективной и субъективной стороны.

Расположение ст. 128.1 в главе 17 УК РФ указывает на то, что под непосредственным объектом клеветы законодатель понимает общественные отношения, которые обеспечивают реализацию каждым лицом своих прав на честь, достоинство и репутацию. Непосредственным объектом ст. 306 УК РФ являются общественные отношения, обеспечивающие деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда при производстве по уголовным делам и при исполнении судебных актов. Отношения, которыми обеспечивается реализация права каждого на честь и достоинство, являются лишь дополнительным объектом [5, с. 276].

Действие в составе объективной стороны клеветы представляет собой распространение заведомо ложных сведений, которые порочат честь и достоинство потерпевшего, или подрывают его репутацию [6;7]. Перечень способов, составляющих сущность понятия «распространение», закреплен в п. 7 вышеуказанного постановления Пленума ВС РФ № 3 [11]. Объективную сторону заведомо ложного доноса составляет активное действие — сообщение заведомо ложной информации о совершении лицом преступления. Отметим, что сообщение является способом распространения. Считаем, что существенным

отличительным признаком следует признать адресатов, кому сообщаются ложные сведения (информация). Применительно к составу клеветы круг адресатов не ограничен, в частности, сведения сообщаются любому лицу. Адресатами заведомо ложного доноса, в отличие от клеветы, выступают исключительно органы, которые правомочны возбуждать и рассматривать уголовные дела (органы прокуратуры, органы дознания, следствия; по делам частного обвинения — мировой судья) [10, с. 364,365].

Также существенным разграничительным признаком ч. 5 ст. 128.1 УК РФ и ч. 2 ст. 306 УК РФ полагаем признать направленность умысла субъекта. Так, при заведомо ложном доносе субъект желает, чтобы конкретное лицо было бесосновательно привлечено к уголовной ответственности [8, с. 91], а умысел при клевете направлен на то, чтобы потерпевшего только опорочить.

Примером служит следующий судебный акт.

Т. осуждена по ч. 5 ст. 128.1 и ч. 2 ст. 306 УК РФ. Так, она, чтобы отомстить ФИО, по мотиву личных неприязненных отношений, желая, чтобы его бесосновательно привлекли к уголовной ответственности, написала в адрес СУ СК заявление о совершении ФИО преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Вместе с тем, данный факт в ходе проведенной проверки установлен не был. Судом сделан вывод, что Т. своими действиями нарушила нормальное функционирование СУ СК России, отвлекла сотрудников от решения задач противодействия преступности, создала для ФИО опасность бесосновательного привлечения к уголовной ответственности.

Также, она, желая опорочить честь и достоинство ФИО, сообщила ФИО3 ложные сведения, согласно которым ФИО совершил деяние, предусмотренное п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Затем, подала заявление в отдел по опеке и попечительству, в котором указала заведомо ложные сведения,

что ФИО и ФИО1 регулярно распивают алкоголь, свои родительские обязанности исполняют не надлежащим образом, а также, в присутствии своего ребенка в состоянии алкогольного опьянения вступают между собой в сексуальные контакты. В ходе проведенных проверочных мероприятий сотрудниками органа опеки и попечительства установлено отсутствие изложенных в заявлении Т. фактов. Судом сделан вывод, что своими действиями Т. опорочила честь и достоинство ФИО и ФИО 1 и подорвала их репутацию [14].

В данном примере по первому эпизоду направленность умысла Т. заключалась в желании привлечь ФИО к уголовной ответственности, а по второму эпизоду — опорочить.

Разграничение ст. 128.1 УК РФ и ст. 307 УК РФ. Данные составы отличаются по объекту, объективной стороне и субъекту.

Непосредственным объектом ст. 307 УК РФ, в отличие от клеветы, являются общественные отношения, обеспечивающие объективное, полное и справедливое расследование и разрешение дел. Отношения по защите прав участников уголовного судопроизводства на честь, достоинство и репутацию — это дополнительный объект.

Признаком разграничения является также характер сведений. Учитывая, что в обоих случаях сведения обязательно должны быть заведомо ложными, то в качестве разграничительного признака выступает их порочащий характер. В отличие от клеветы, по ст. 307 УК РФ сведения не обязательно должны быть порочащими, а являются только заведомо ложными. Деяние в составе клеветы выражено исключительно активными действиями. В отличие от этого, ложные показания осуществляются как действием, так и бездействием (субъект умолчал об обстоятельствах совершенного деяния).

В отличие от субъекта клеветы, который является общим, субъект ст. 307 УК РФ — только специальный — лица, указанные в диспозиции ст. 307 УК РФ [3].

Существенным признаком, позволяющим отграничить клевету от нарушения неприкосновенности частной жизни, является содержание сведений, которые распространяет субъект. В отличие от клеветы, распространяемые сведения в составе ст. 137 УК РФ не должны быть ложными, и должны быть частью личной или семейной тайны, которую лицо держит в секрете от всех [9]. Такая информация распространяется в отсутствие устного или письменного согласия потерпевшего [2, с. 130].

Например, ФИО осужден по ч. 2 ст. 137 УК РФ. Он, являясь главным врачом медицинского учреждения, собственноручно составил, а затем по электронной почте отправил в адрес «Э» и АО «ССК» документ «Молния», в котором указал, что потерпевший имеет заболевание — ВИЧ-инфекция.

Согласно показаниям потерпевшего, информацию о заболевании ВИЧ-инфекцией знали только близкие, от всех остальных он держал ее в тайне. При устройстве на работу ему было сделано освидетельствование на предмет

употребления наркотических средств. В связи с этим, он был вынужден сообщить фельдшеру о своей болезни и о лекарственных средствах, содержащих средства, влияющие на результаты теста на наркотики. Затем он узнал, что по всем месторождениям была распространена информация о его болезни. Разрешение на распространение таких сведений он не давал. Своими действиями ФИО нарушил неприкосновенность частной жизни [12].

Видим, что подсудимым была распространена не ложная информация о потерпевшем, а правдивая, несмотря на то, что данная информация не была подтверждена документально. Однако, потерпевший сам добровольно сообщил фельдшеру о наличии у него ВИЧ-инфекции, который, в свою очередь, сообщил данную информацию главному врачу, а он уже распространил такие сведения.

Следующим смежным с клеветой является состав ст. 298.1 УК РФ — клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения РФ.

Сходство признаков объективной стороны указанных составов позволяет сделать вывод, что отграничение необходимо осуществлять исходя из признаков потерпевших лиц. Согласно ст. 128.1 УК РФ круг потерпевших законодателем не определен. В отличие от этого, перечень потерпевших по ст. 298.1 УК РФ закреплен в диспозиции статьи и не подлежит расширительному толкованию.

Кроме того, разграничивать анализируемые составы необходимо и по признаку объекта и субъективной стороны.

Расположение ст. 298.1 в главе 31 УК РФ позволяет определить непосредственный объект как законодательный порядок судопроизводства, дознания, предварительного следствия, исполнения судебных актов. При этом, отношения, обеспечивающие реализацию права потерпевших на защиту чести, достоинства и репутации выступают в качестве дополнительного объекта.

По нашему мнению, важным признаком разграничения указанных составов является причина, по которой субъект и распространяет сведения (субъективный признак). Если такой причиной служит рассмотрение судом дела или материалов или предварительное расследование, а также исполнение любого судебного акта, то содеянное содержит признаки специального состава ст. 298.1 УК РФ. Отсутствие подобного рода причин влечет квалификацию деяния по ст. 128.1 УК РФ [13].

Разграничение составов ст. 128.1 УК РФ от ст. 207.3 УК РФ должно осуществляться по признакам объекта, объективной и субъективной стороны.

Объективным признаком разграничения указанных составов является способ распространения (по ст. 128.1 УК РФ — любой, по ст. 207.3 УК РФ — только публичный), а также содержание сведений. По ст. 128.1 УК РФ содержание сведений любое, а по ст. 207.3 УК РФ содержание распространяемых сведений строго ограничено диспо-

зицией, в частности, к ним относятся исключительно данные об использовании вооруженных сил РФ; данные об исполнении государственными органами РФ своих полномочий за пределами страны.

Цель как признак субъективной стороны также выступает в качестве признака разграничения. В отличие от клеветы, где цель не предусмотрена, диспозиция ст. 207.3 УК РФ указывает на обязательную цель — дезорганизация деятельности государственной власти РФ, вооруженных сил РФ, а также дискредитация страны на международном уровне [4].

Итак, по результатам проведенного сравнительного анализа предложены существенные разграничительные признаки клеветы со смежными составами:

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.10.2024) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — ст. 2954.
2. Буримов М. Ю. Объективные признаки нарушения неприкосновенности частной жизни // Матрица научного познания. — 2022. — № 10–2. — С. 128–133.
3. Кузнецов Р. С. Квалификация и отграничение лжесвидетельства от смежных преступлений // Вестник науки. — 2024. — № 1 (70). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-i-otgranichenie-lzhesvidetelstva-ot-smezhnyh-prestupleniy> (дата обращения: 11.11.2024). — Текст: электронный.
4. Пичугин С. А. Уголовная ответственность за деяние, предусмотренное статьей 207.3 УК РФ: вопросы регламентации и правоприменения // Legal Bulletin. — 2023. — № 3. — С. 53–63. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.11.2024). — Текст: электронный.
5. Стрекалов А. Е. Заведомо ложный донос и лжесвидетельство в системе преступлений против правосудия // Проблемы права: теория и практика. — 2023. — № 61. — С. 269–279.
6. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / Н. И. Пикуров, Т. П. Суспицына, А. А. Бимбинов [и др.]; под ред. Н. И. Пикурова, Т. П. Суспицыной; Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА). — М.: Проспект, 2024. — 448 с. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=713310> (дата обращения: 11.11.2024). — Текст: электронный.
7. Уголовное право: особенная часть: учебник / А. В. Федоров, С. Л. Никонович, Н. Г. Кадников [и др.]; под ред. А. В. Федорова, С. Л. Никонович, Н. Г. Кадникова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юнити-Дана, 2023. — 584 с. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=712722> (дата обращения: 11.11.2024). — Текст: электронный.
8. Харзинова В. М., Небрятенко Г. Г. Криминалистическая характеристика умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и телекоммуникационных сетях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2022. — № 2 (96). — С. 88–93.
9. Чукреев В. А. Уголовно-правовая охрана человека от посягательств на его анатомические и физиологические свойства: Монография. — М.: Прометей, 2022. — 212 с. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.11.2024). — Текст: электронный.
10. Шуров А. А. Классификация заведомо ложного доноса // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых: материалы I всероссийского конгресса. Санкт-Петербург, 15 июня 2023 года / сост. е. А. Ширишанова. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. — С. 363–368.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 4. — 2005.
12. Апелляционное постановление суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 30 октября 2023 г. по делу № 1–97/2023. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/h4x1NS2hjNW8/> (дата обращения: 11.11.2024).
13. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.08.2023 № 77–3823/2023. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.11.2024).
14. Приговор Тегульдетского районного суда Томской области от 27 июля 2020 г. по делу № 1–14/2020. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5lWA8eOOArW/> (дата обращения: 11.11.2024).

1. ст. 128.1 УК РФ и ст. 306 УК РФ: индивидуализация адресата (неограниченный круг или правоохранительные органы) и направленность умысла (опорочить лицо или привлечь к уголовной ответственности).

2. ст. 128.1 УК РФ и ст. 307 УК РФ: по объекту, объективной стороне (сведения не всегда носят порочащий характер), субъекту (специальный субъект).

3. ст. 128.1 УК РФ и ст. 137 УК РФ: по непосредственному объекту и объективной стороне.

4. ст. 128.1 УК РФ и ст. 298.1 УК РФ: по объекту преступления, непосредственному объекту, специальному потерпевшему, мотиву и цели.

5. ст. 128.1 УК РФ и ст. 207.3 УК РФ: по объекту, объективной и субъективной стороне.

Совершенствование административно-правового статуса государственных гражданских служащих

Ларюхина Ольга Владимировна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье автор рассматривает возможные методы изменения законодательства для повышения эффективности и уровня престижа государственных служащих.

Ключевые слова: государственная служба, административный статус, правовой статус, административно-правовой статус государственная гражданская служба, служащий, профессиональная деятельность, служебная деятельность, конфликт интересов.

Административно-правовой статус государственного служащего — это ключевой элемент его профессиональной деятельности, определяющий его права, обязанности и ответственность. Этот статус не просто набор формальных предписаний; он формирует основу для взаимодействия с обществом, гражданами и другими государственными структурами. В нем закреплены гарантии реализации прав и выполнения обязанностей, а также меры ответственности за нарушения.

Этот статус подчеркивает важность роли государственного служащего в управлении и обеспечении функционирования государства. Он устанавливает четкие рамки его деятельности, определяя его место в системе общественного разделения труда. Государственный служащий обладает особыми полномочиями, которые требуют высокого уровня профессионализма, ответственности и преданности делу.

Таким образом, административно-правовой статус является фундаментом для эффективной работы государственных служащих, обеспечивая законность и справедливость в их деятельности.

Государственные и муниципальные служащие проявляют равнодушие к важным вопросам институционального, инновационного и информационно-правового характера, что негативно сказывается на эффективности их работы и подрывает доверие граждан к органам власти. Однако многие принципы, характерные для государственной службы, могут быть успешно адаптированы и применены в муниципальной службе. Это позволяет рассматривать их как тесно связанные по ряду ключевых аспектов.

В будущем возможно создать законодательную базу, которая четко определит статусные основы полномочий служащих, включая институциональные, инновационные и информационные аспекты. Это обеспечит более эффективное функционирование обоих институтов и их вклад в развитие общества.

В настоящее время в российской правовой науке недостаточно используются термины, принятые в мировой практике, такие как «информационная открытость публичной службы» и «инновационные полномочия служащих». Их введение в российское право позволит объединить все виды служебной деятельности и сделать

управление более прозрачным и эффективным. Для этого необходимо:

1. Изучить международный опыт и передовые методы в сфере правового регулирования работы государственных служащих.
 2. Создать и внедрить единые стандарты и критерии для обеспечения прозрачности информации и внедрения инноваций в работу.
 3. Организовать обучение и программы повышения квалификации для государственных служащих, направленные на эффективное использование современных методов и технологий.
 4. Разработать инструменты для отслеживания и оценки результатов внедрения инноваций и информационных технологий в работу государственных служащих.
- Эти меры помогут сделать государственную службу более современной, прозрачной и ответственной перед обществом.

Необходимо интегрировать в правовую систему Российской Федерации концепции, которые охватывают все аспекты профессиональной деятельности, направленной на обеспечение прозрачности и открытости государственного управления в информационном обществе.

Служебно-правовая наука, основываясь на общепринятых нормах и принципах административного права, которые определяются национальной правовой системой, а также на знаниях о зарубежном опыте, позволяет провести сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства. [3] Это помогает понять, как работают правовые основы профессиональной и компетентной деятельности государственных служащих. Также это даёт возможность использовать лучшие практики для развития административно-правовых институтов и механизмов модернизации.

Анализ термина «государственный гражданский служащий» в контексте правовой теории и законодательства позволяет сделать обоснованный вывод о том, что в России был выбран узкий подход к определению данного понятия. Государственный гражданский служащий в нашем понимании — это лицо, которое выполняет задачи и функции государства в государственных органах.

Однако существует необходимость уточнения определения этого понятия в законодательстве. Мы пред-

лагаем следующую формулировку: государственный гражданский служащий — это гражданин, который профессионально участвует в реализации задач и функций государства, занимая государственную должность в государственном органе.

Кроме того, представляется целесообразным законодательно закрепить институт присяги государственного служащего, что подчеркнёт важность соблюдения высоких моральных стандартов и профессионализма в работе.

В дополнение к действующему законодательству о государственной службе, принятие нового закона, который будет регулировать модернизацию работы государственных служащих в инновационном государстве, не должно вызывать сомнений у представителей различных правовых школ.

На первом этапе можно принять базовый федеральный закон о публично-инновационной деятельности государственных служащих. Этот закон будет регулировать наиболее общие аспекты модернизации взаимодействия всех видов публичной деятельности.

Затем можно перейти к разработке комплексного документа, который будет называться кодексом профессиональной деятельности государственных служащих.

Развивающиеся принципы работы государственных служащих в России опираются не только на институциональные и информационные нормы, но и на чувство долга, которое проявляется в стремлении неукоснительно выполнять свои обязанности. Также государственные служащие должны быть готовы к конфликту интересов и уметь находить компромиссы и ограничения, чтобы предотвратить конфликт интересов в управлении.

Литература:

1. Дегтярев А. Н., Галиуллина С. Д. Поощрительная политика государства как инструмент привлекательности попечительской, меценатской и благотворительной деятельности в России // Теоретическая и прикладная экономика. 2014. № 4. С. 58–71.
2. Ноздрачев, А. Ф. Государственная служба: учебник для подготовки государственных служащих / А. Ф. Ноздрачев. — Москва: Статут, 2023. — 650 с.
3. Бродская, В. А. К вопросу о международных подходах к формированию теоретических основ государственной гражданской службы // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. — 2022. — № 4. — С. 78–82.

Использование информационных технологий в налоговом администрировании в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сравнительно-правовое исследование

Лушвили Ангелина Отариевна, студент магистратуры
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Статья посвящена сравнительному анализу различных информационных технологий, применяемых в контексте налогового администрирования. В статье рассматриваются технологии, применяемые в Российской Федерации и в Ки-

В целях совершенствования законодательства предлагается рассмотреть возможность закрепления ряда инициатив в модельных законах, регулирующих профессиональную служебную деятельность в современном государстве, а также в нормативно-правовых актах, регулирующих контрольную (антикоррупционную) службу общественной безопасности, денежное содержание, пенсионное обеспечение, дисциплинарную и иную ответственность государственных (муниципальных) служащих. [2]

Кроме того, предлагается разработать и реализовать инновационные программы с использованием программно-целевой методологии анализа деятельности служащих.

Развитие механизма формирования современных качеств государственных служащих возможно на основе комплекса новых правовых идей и норм, составляющих основу инноватизации служебной деятельности. Для достижения этой цели необходимо обеспечить эффективное управление процессом внедрения инноваций и повысить уровень адаптации механизма к информационному и модернизационному этапам совершенствования деятельности государственных служащих.

Еще одним важным аспектом, связанным с повышением статуса государственных служащих, является предоставление им особых социальных гарантий. Эти гарантии имеют свою историю и традиции.

«Поощрительную политику государства» [1] по отношению к государственным служащим часто связывают с ограничением некоторых основных прав и свобод, что, по сути, является ущемлением их общегражданского статуса. Однако такое регулирование в отношении государственных служащих считается справедливым.

тайской Народной Республике. Анализ в правовом контексте показывает, что на данный момент опыт России и Китая имеет отличия, на основе которых имеется возможность формирования новых решений.

Ключевые слова: налоговое администрирование, Россия, Китай, информационные технологии, сравнительно-правовой анализ.

The use of information technology in tax administration in the Russian Federation and the People's Republic of China: comparative legal research

Luashvili Angelina Otariyevna, student master's degree

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)

The article is devoted to a comparative analysis of various information technologies used in the context of tax administration. The article examines the technologies used in the Russian Federation and in the People's Republic of China. The analysis in the legal context shows that at the moment the experience of Russia and China has differences, on the basis of which it is possible to form new solutions.

Keywords: tax administration, Russia, China, information technology, comparative legal analysis.

Вопрос налогообложения и формирования наиболее эффективной системы беспокоит исследователей уже достаточно давно. Современные условия, в которых практически все сферы жизни трансформируются в связи с распространением информационных технологий, подразумевают и развитие инструментария налоговой системы. Вместе с самой налоговой системой постепенно трансформируются и принципы — система становится более доступной, интерактивной, повышается качество обратной связи — то есть налоговая система адаптируется под условия современных тенденций.

Принципы налогового права играют ключевую роль как в теории, так и в практике налогового законодательства каждого государства, являясь основой для развития налоговой политики и гарантией прав налогоплательщиков. Несмотря на их значимость, в современной науке нет единства мнений относительно понятия и перечня таких принципов [2].

Процесс цифровизации означает преобразование информации в цифровой формат, что обеспечивает более эффективное ее использование. По мнению Boston Consulting Group, Россия находится не на передовых позициях в цифровой трансформации, уступая ряду других развитых стран, но отметим, что в области цифровизации налоговой системы Россия занимала лидирующие позиции на ранних этапах (начало 2000-х гг.).

Применение информационных технологий (как показывает практика России и других государств) приносит существенные изменения в процессы налогового администрирования, требуя внимательного изучения международного опыта и внедрения цифровых методов. Это обусловлено стремлением к оптимизации работы налоговых органов, сокращению времени на формальности и снижению бюрократической нагрузки. Преобразование Федеральной налоговой службы в цифровую сервисную компанию способствует обеспечению качественного и надежного администрирования налоговых процессов,

что в результате повышает эффективность функционирования системы налогообложения и ее обслуживания [5].

Цифровизация налогового администрирования играет ключевую роль в повышении эффективности налоговой системы России и способствует устойчивому экономическому росту. Исследователи многих смежных областей (экономика, право, государственное управление и т.д.) обсуждают технологические тенденции в области налогового администрирования, включая перспективы развития государственного налогового управления за рубежом, фокусируясь на цифровизации документооборота, переходе к индивидуальному обслуживанию налогоплательщиков и использовании институциональных методов для борьбы с теневой экономикой. Анализируя изменения, авторы выделяют положительные и отрицательные аспекты влияния цифровизации на формирование прозрачной и стабильной налоговой системы [4].

Применение цифровых технологий в налоговом администрировании повышает уровень сервиса для налогоплательщиков и способствует более эффективному контролю со стороны государства. Цифровизация налогового администрирования значительно упрощает многие процедуры для всех участников, сокращает бюрократию, из-за которой долгое время внедрение технологий было затруднено, и улучшает прозрачность системы.

Рассмотрим опыт Китайской Народной Республики для сравнения его с опытом России по части использования информационных технологий в налоговом администрировании. За последние три десятилетия успешные реформы и стратегия открытости открыли Китаю возможности к впечатляющему экономическому росту и второму месту в мире по уровню экономического развития. В этой стране работает система экономики, объединяющая частный и государственный сектора, что способствует расцвету частного предпринимательства. Влияние на доходы государственного бюджета в таком контексте оказывает эффективное налоговое администрирование,

что приводит к покрытию около 85% расходов из налоговых поступлений [4].

Налоговая система Китая играет ключевую роль в обеспечении экономической устойчивости, способствуя укреплению социальной стабильности и созданию благоприятных условий для привлечения инвестиций. Основные принципы налоговой системы строятся на общих правилах для всех налогоплательщиков по всей стране, что предполагает единство в подходе к налогообложению и централизованное установление законодательных норм в области налогов и сборов. Система налогового администрирования в Китае включает в себя как государственные, так и частные органы, обеспечивая комплексный подход к управлению налоговыми вопросами [3].

В Китае налоговое законодательство разрабатывается и контролируется государственными органами, такими, как Всекитайское собрание народных представителей, Государственный совет и Министерство финансов. Проведение налоговых проверок осуществляется налоговыми инспекциями, которые функционируют на различных уровнях, начиная от уездных налоговых управлений и заканчивая Инспекционным управлением при Главном государственном налоговом управлении КНР. Негосударственные учреждения (налоговые консультанты, бухгалтерские фирмы и другие коммерческие структуры) предоставляют профессиональную помощь и консультации по вопросам налогообложения [4].

Государственная налоговая администрация (SAT) в Китае отвечает за администрирование и сбор налогов через свои более чем 3000 налоговых инспекций по всей стране, чей ежегодный доход составляет более двух триллионов долларов США, что составляет около 17,5% ВВП страны. SAT занимается проектами по цифровизации налогов с 1994 года, в том числе недавно запущенным «Golden Tax Project Phase 3», направленным на упрощение соблюдения налогового законодательства и унификацию процессов на всей территории Китая. Одним из важных компонентов этого проекта является внедрение системы электронного выставления счетов для НДС. SAT активно развивает мобильные платформы, такие как Alipay и WeChat, для предоставления услуг налогового соблюдения и осуществления налоговых платежей в соответствии с быстрым ростом мобильного интернета в стране [4].

В современных условиях цифровой экономики как в РФ, так и в Китае наблюдается развитие финансово-правовых принципов, в том числе принципов автоматизации, информатизации и информационной открытости. Переход к использованию информационных технологий и автоматизированных систем в налогообложении пол-

ностью реализует принцип автоматизации, упрощая взаимодействие налогоплательщиков с налоговыми органами и повышая эффективность налогового контроля. Принцип информационной открытости включает в себя обеспечение доступа к информации о налоговых проверках в рамках установленных законом рамок, что стало возможным благодаря применению современных информационных технологий.

Появление новых налогово-правовых институтов несомненно требует специфических правовых принципов, основанных на взаимодействии налогоплательщиков и налоговых органов, прозрачности и обоснованности мероприятий налогового мониторинга. Принципы добровольности сотрудничества, оперативного разрешения споров и простоты налогообложения профессиональных доходов, играют ключевую роль в эффективной налоговой системе, поддерживаемой научными выводами и практикой налогового правоприменения.

С развитием цифровых технологий налоговое администрирование включает в себя новые методы, например использование риск-ориентированного подхода в налоговом мониторинге, что приводит к объединению принципов налогового права с смежными категориями. Для разграничения принципов права от других юридических понятий важно определение их характеристик и установка четких критериев, даже при отсутствии общепризнанного определения понятия «принцип права».

Таким образом, в эпоху цифровизации интерес к теоретическим аспектам принципов права значительно возрос, особенно в контексте появления нового налогового режима, такого как налог на профессиональный доход, который изначально был временным и экспериментальным. Мнение некоторых специалистов о том, что налогообложение самозанятых лиц по этому режиму не соответствует определенным принципам налогового права, вызывает дискуссии и споры, хотя выводы о подобных несоответствиях являются предметом обсуждения. Тем не менее, на данный момент акцент ставится на важность принципов в системе налогово-правового регулирования в условиях развития новых налоговых отношений, требующих электронного взаимодействия участников и применения передовых технологий (приложение «Мой налог» и потенциальное использование технологии блокчейн для автоматической уплаты налога при осуществлении операций). Информационные технологии и их применение в деятельности налоговых органов всех стран играют важную роль и служат оперативному и эффективному процессу администрирования фискальных платежей, позволяя выстраивать современную модель налоговых правоотношений в условиях цифрового общества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. № 1-ФКЗ, с изм., от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек.; СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416; 2022. № 41. Ст. 6933.

2. О применении НПД в отношении деятельности по сдаче в аренду нежилых помещений: Письмо Минфина России от 24 февраля 2022 г. № 03-11-11/12806// СПС «КонсультантПлюс».
3. Как происходит налоговое администрирование в Китае URL: <https://companies.rbc.ru/news/REuTgSxpGg/kak-proishodit-nalogovoe-administririvanie-v-kitae/> (дата обращения: 07.05.2024)
4. Староверова О. В. Международный опыт цифровизации налогового администрирования // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3.— С. 78–89.
5. Трофимова Е. А. Современные тенденции в налогообложении / Е. А. Трофимова, Т. А. Кольцова, Т. В. Бакунова, А. Е. Заборовская // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 1 (29). С. 307–330.

Перспективы развития института административной ответственности государственных служащих

Лукьянова Алина Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Захарова Виктория Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются перспективы развития института административной ответственности государственных служащих в контексте современных вызовов и требований к государственной службе. Предлагаются рекомендации по совершенствованию законодательства и практике применения административных санкций, что позволит улучшить дисциплину и ответственность среди государственных служащих, а также повысить доверие граждан к государственным институтам.

Ключевые слова: государственные служащие, административное право, административная ответственность.

Prospects for the development of the institute of administrative responsibility of civil servants

The article examines the prospects for the development of the institution of administrative responsibility of civil servants in the context of modern challenges and requirements for public service. Recommendations are offered on improving legislation and the practice of applying administrative sanctions, which will improve discipline and responsibility among civil servants, as well as increase citizens' trust in state institutions.

Keywords: civil servants, administrative law, administrative responsibility.

Современное общество требует от государственных служащих высокой степени ответственности, прозрачности и подотчетности. Эффективность государственного управления во многом зависит от уровня доверия граждан к институтам власти, что делает необходимым совершенствование законодательства об административной ответственности. Основные направления этого совершенствования могут быть рассмотрены через призму актуальных вызовов и проблем, с которыми сталкивается система государственного управления.

Первым шагом на пути к улучшению законодательства является необходимость четкого определения норм и понятий, связанных административной ответственностью государственных служащих. Важно установить однозначные критерии для определения того, что именно считается административным правонарушением в контексте

государственной службы. Это включает в себя разработку и внедрение ясных определений таких понятий, как «государственный служащий», «служебное положение» и «злоупотребление полномочиями».

Вторым направлением является усиление мер ответственности за коррупционные действия и злоупотребление служебными полномочиями. На сегодняшний день коррупция остается одной из наиболее серьезных угроз для государства. Для борьбы с ней необходимо ввести более строгие санкции, такие как увеличение штрафов, сроков лишения права занимать определенные должности и других мер воздействия, что может стать эффективным инструментом борьбы с коррупцией.

Кроме того, важно предусмотреть возможность применения уголовной ответственности за наиболее тяжкие правонарушения, что позволит создать действенный механизм сдерживания коррупционных проявлений.

Третье направление связано с обеспечением прозрачности и подотчетности действий государственных служащих. Для повышения доверия граждан к государственным учреждениям необходимо внедрить механизмы, которые позволят общественности контролировать деятельность чиновников. Это может включать в себя обязательное раскрытие информации о доходах и расходах государственных служащих, а также создание открытых реестров, где будет доступна информация о принятых решениях и их обоснованиях. Прозрачность поможет не только снизить уровень коррупции, но и повысить общую эффективность работы государственных органов.

Четвертое направление предполагает внедрение обязательных программ обучения для государственных служащих по вопросам этики, административного законодательства и правового поведения. Образование и повышение квалификации играют ключевую роль в формировании правосознания у государственных служащих.

Регулярные тренинги могут повысить уровень профессионализма. Обучение должно быть направлено на формирование навыков эффективного взаимодействия с гражданами и коллегами.

Пятое направление связано с разработкой и внедрением альтернативных мер к административной ответственности, таких как медиация или восстановительное правосудие. Эти подходы могут оказаться более эффективными в ряде случаев, когда правонарушение не является тяжким, и стороны заинтересованы в разрешении конфликта без применения строгих санкций.

Шестое направление заключается в оптимизации процедур привлечения к административной ответственности. Бюрократические задержки часто становятся причиной того, что правонарушения остаются безнаказанными или расследуются с большими трудностями. Для повышения оперативности реагирования на правонарушения необходимо упростить процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях, а также обеспечить более четкое взаимодействие между различными государственными органами.

Литература:

1. Алехин А. П. Административное право Российской Федерации. М.: Зеркало, 2020. 608 с.
2. Мигачев Ю. И. Административное право Российской Федерации. М.: РГПРЕСС, 2021. 544 с.
3. Чаннов С. Е. Дисциплинарная и административная ответственность государственных гражданских служащих: вопросы эффективности // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 59–69.

Оптимизация процессов рассмотрения дел позволит повысить оперативность реагирования и снизить нагрузку на судебные органы.

Седьмое направление касается создания систем мониторинга и оценки эффективности применения норм административной ответственности. Регулярный анализ данных о количестве привлеченных к ответственности государственных служащих, а также изучение причин правонарушений помогут выявить недостатки в существующем законодательстве и внести необходимые изменения.

Восьмое направление связано с обеспечением защиты прав граждан при взаимодействии с государственными служащими. Необходимо создать эффективные механизмы жалоб и обжалования действий должностных лиц. Граждане должны иметь возможность обращаться в независимые органы для защиты своих прав и законных интересов. Это не только повысит уровень доверия к государственным структурам, но и создаст дополнительные стимулы для государственных служащих соблюдать закон и этические нормы.

Девятое направление предполагает согласование законодательства об административной ответственности с другими правовыми системами, такими как уголовное право и трудовое законодательство. Комплексный подход к регулированию деятельности государственных служащих позволит избежать правовых коллизий и обеспечит более эффективное применение норм права.

Совершенствование законодательства об административной ответственности государственных служащих является важным шагом на пути к повышению эффективности государственного управления и укреплению доверия граждан к институтам власти.

Основные направления, такие как уточнение норм, усиление ответственности, обеспечение прозрачности, обучение государственных служащих, внедрение альтернативных мер, упрощение процедур, мониторинг эффективности, защита прав граждан и интеграция с другими правовыми системами, помогут создать более справедливую и эффективную систему административной ответственности. В конечном итоге это будет способствовать улучшению качества государственного управления и повышению уровня жизни граждан.

Проблема определения правового статуса Центрального банка Российской Федерации

Малахинский Иван Денисович, студент
Научный руководитель: Белецкая Анастасия Анатольевна, ассистент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В экономической системе Российской Федерации особое место отведено Центральному банку Российской Федерации. Его полномочия определены как Конституцией РФ, так и федеральным законодательством. Однако исследователями длительный период времени не определен правовой статус Центрального банка, ввиду чего возникают определенные пробелы правоприменительной практики. В данной научной статье автор анализирует законодательство Российской Федерации, регулирующее положение Центрального банка и определяет его правовой статус.

Ключевые слова: банковское право, Банк России, правовой статус, орган государственной власти, юридическое лицо.

The problem of determining the legal status of the Central Bank of the Russian Federation

The Central Bank of the Russian Federation occupies a special place in the economic system of the Russian Federation. His powers are defined by both the Constitution of the Russian Federation and federal legislation. However, researchers have not defined the legal status of the Central Bank for a long period of time, which leads to certain gaps in law enforcement practice. In this scientific article, the author analyzes the legislation of the Russian Federation regulating the position of the Central Bank and determines its legal status.

Keywords: banking law, Bank of Russia, legal status, public authority, legal entity.

Центральный банк Российской Федерации или Банк России занимает особое место в банковской системе Российской Федерации. Банк России можно рассматривать как публично-правовой институт нашего государства. Известно, что положение Банка России определено Конституцией Российской Федерации, в частности в ст. 75 определена основная функция Банка России, а именно функция защиты и обеспечения национальной валюты посредством денежной эмиссии в независимости от других органов государственной власти. Кроме того, в Конституции Российской Федерации установлено, в соответствии со ст. 103, что Председатель Банка России может быть назначен и освобожден от занимаемой должности Государственной Думой Российской Федерации [1]. Известно, что более подробно положения о Банке России определены федеральным законодательством. Однако наиболее спорным вопросом, который возникает в ходе анализа федерального законодательства, является определение правового статуса Банка России. К сожалению, законодатель не определил правовой статус Банка России, поэтому среди исследователей существует большое количество позиций, часть из которых взаимоисключает иные.

Ключевые особенности Банка России определены в федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ [2]. Данные особенности определяют правовое положение Банка России и соответственно его правовой статус. Исходя из анализа положений указанного федерального закона можно выделить следующие особенности право-

вого статуса Банка России: осуществление специальных функций независимо от других органов власти, юридическое лицо, основная деятельность носит некоммерческий характер, самостоятельно распоряжается капиталом, осуществляет банковский надзор, применяет меры воздействия к кредитным и иным организациям, осуществляет валютное регулирование, осуществляет регулирование деятельности эмитентов и т.д. Таким образом, на основании вышеизложенного мы приходим к выводу относительно того, что Банк России является самостоятельным органом государственной власти. В частности, это подтверждает и положения Конституции РФ, которые мы указывали ранее.

Любопытна позиция А.А. Штанько, который определяет в своем научном труде правовой статус Банка России основываясь на позиции официальных представителей Банка. А именно автором определен правовой статус Банка России, характеризуемый особым порядком наделения Банка соответствующими полномочиями, а также размером и содержанием этих полномочий [3, с. 2]. М.И. Байтин относится к вопросу определения правового статуса Банка России исходя из анализа институтов, которые входят в состав Банка и имеют самостоятельное значение [4]. Однако мы более склонны согласиться с позицией, что правовой статус Банка России определяется исходя из его функций.

В особенности хочется отдельно рассмотреть функцию Банка России, в соответствии с которой осуществляется финансовое регулирование всего финансового рынка

России. Данную функцию Банк России мог осуществлять после изменений законодательства в связи с передачей Банку России определенных полномочий. В данном случае речь идет о Федеральном законе «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 13.06.2023 № 243-ФЗ [5]. Кроме того, на основании положений указанного федерального закона Банк России относится к особому виду органов государственной власти, который позволяет осуществлять полномочия в качестве надзорного органа всей системы финансового рынка России. К сожалению, особое положение Банка России не закреплено в Конституции РФ, а именно в ст. 11, в которой перечислены основные органы государственной власти.

Немаловажной проблемой, связанной с определением правового статуса, можно назвать существующий правовой пробел, вследствие которого возникает неопределенность в отнесении Банка России к юридическому лицу. Исходя из содержания положений Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ), а именно ст. 124, законодателем определено, что органы государственной власти выступают от имени Российской Федерации на равных началах с другими участниками гражданско-правовых отношений [6]. При этом среди правоприменителей возникают расхождения, связанные с определением правового статуса Банка России, ввиду его невозможности отнесения к публичному органу государственной власти. Закон содержит ряд ограничений, выраженных в совокупности функций, осуществляемых Банком России. Так как к другим участникам гражданско-правовых отношений относятся физические и юридические лица, при этом государственные органы являются непосредствен-

ными представителями государства и не могут быть физическим или юридическим лицом. Отдельно стоит указать и на то, что организационно-правовая форма Банка России определена исходя из его целей и особенностей деятельности, связанных с осуществлением некоммерческой деятельности. Поэтому можно предположить, что Банк России является государственной корпорацией с элементами государственного учреждения.

Отнесение Банка России к государственной корпорации подтверждается содержанием Федерального закона «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ [7]. Согласно ст. 7.1 данного закона определено, что государственная корпорация учреждается в целях осуществления социальных, управленческих, а также иных общественно полезных функций. На бюджет государственной корпорации зачисляется имущество государством, при этом государственная корпорация использует данное имущество для целей, которые определены законом.

На основании вышеизложенного, мы приходим к выводу о том, что правовое положение Банка России является противоречивым. При определении его правового положения необходимо учитывать тот факт, что законы Российской Федерации не должны противоречить друг другу. Поэтому исходя из всего объема проанализированных нормативно-правовых актов, определяющих особенности и признаки Банка России можно утверждать, что Банк России является самостоятельной организационно-правовой формой юридического лица. В свою очередь, государство наделяет Банк России особыми функциями и властными полномочиями, на основании которых Банк России выполняет общегосударственные задачи в области экономики.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.12.2023).
2. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 15.12.2023).
3. Штанько А. А. Проблема определения правового статуса Центрального банка Российской Федерации // Историческая и социально-образовательная мысль.— 2016.— № 1.— С. 1–5.
4. Байтин М. И. Система права: к продолжению дискуссии / М. И. Байтин, Д. Е. Петров // Государство и право.— 2003.— № 1.— С. 1–15.
5. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 13.06.2023 № 243-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449461/ (дата обращения: 15.12.2023).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ// КонсультантПлюс: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.12.2023).
7. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 31.07.2023) «О некоммерческих организациях» // КонсультантПлюс: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.12.2023).

Компенсация морального вреда как способ защиты прав потребителей

Манаков Александр Андреевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Сергеева Елена Игоревна, кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассматривается проблематика одного из способов защиты гражданских прав — компенсации морального вреда. Автор выделяет особенности, которые приобретает такая компенсация именно в контексте защиты прав потребителей. Также автор уделяет внимание изучению судебной практики по делам о защите прав потребителей.

Ключевые слова: защита прав потребителя, компенсация, моральный вред, способы защиты прав, потребитель.

Compensation of moral damage as a way to protect consumer rights

Manakov Aleksandr Andreevich, student master's degree
Scientific advisor: Sergeeva Yelena Igorevna, candidate of law sciences, associate professor
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation}}

The article considers problems of the one of the ways of protection of civil rights — compensation of moral damage. The author highlights the features that such compensation acquires in the context of consumer protection. The author also pays attention to the study of judicial practice in cases of consumer protection.

Keywords: consumer protection, compensation, moral harm, methods of protection of rights, consumer.

Компенсация морального вреда — это один из многих способов защиты гражданских прав, как следует из ст. 12 ГК [2]. Рассмотрим, какие отличительные особенности приобретает компенсация морального вреда в отношении прав потребителей. Такой вред «не зависит от размера возмещения имущественного вреда» [1].

Итак, в рассматриваемой сфере существует так называемая «презумпция причинения вреда потребителю» [3]. Презумпция, как юридический термин, подразумевает автоматическое признание определенного факта действительным без необходимости его дополнительно доказывать. В контексте морального вреда, причиненного потребителю, это означает, что, если товар или услуга причиняют ущерб, то моральный вред как бы подразумевается автоматически. Это позволяет упростить процесс защиты прав потребителей и стимулирует добросовестное поведение со стороны предпринимателей.

Особое внимание необходимо уделить и практике повышения осведомленности потребителей о своих правах. Часто они не знают, что могут требовать компенсацию за моральный вред, и это приводит к неправильному истолкованию своих возможностей. Поэтому важно развивать правовую грамотность среди населения, чтобы каждый мог отстаивать свои интересы, зная о существующих механизмах защиты.

Таким образом, презумпция причинения морального вреда потребителю не только защищает права граждан, но и способствует формированию более ответственного поведения со стороны бизнеса. Она стимулирует компании улучшать качество продукции и обслуживания, что в конечном итоге приводит к выгоде для всех участников рынка.

Некоторые авторы отмечают, что в делах, связанных с защитой прав потребителей, высок риск «злоупотребления правом» со стороны потребителя. Это выражается как в беспочвенных исковых требованиях, так и в неоправданно высоком размере требуемой компенсации морального вреда. Это является довольно распространенной практикой: истец заявляет требование о взыскании весомой суммы в качестве компенсации, а суд либо отказывает, либо значительно уменьшает присуждаемую сумму.

Существуют и некоторые сложности определения порядка расчета такой компенсации. В российском законодательстве мы не находим ограничений или четких сумм: суд по своему усмотрению, изучая особенности каждого случая, назначает размер компенсации. Здесь может быть полезным обращение к международному опыту: например, в Соединенных Штатах и Англии существует «ограничение верхнего и нижнего пределов компенсации морального вреда, а установление тарифов за причиненный моральный ущерб — в Италии» [4].

Массив всех дел по защите прав потребителей можно разделить на группы (дела, связанные со страхованием; с дистанционной куплей-продажей и т.д.) и для каждой группы схожих случаев суммы компенсации должны быть примерно равны. Исходя из этого, мы полагаем, что крайне важно сориентировать правоприменителей на средние значения присуждаемых в качестве компенсации морального вреда денежных сумм, закрепить их законодательно.

Также отметим: несмотря на то, что рассматриваемая компенсация рассчитывается судом исходя из принципов разумности, соразмерности, её размер сложно назвать

большим. В качестве аргумента рассмотрим материалы гражданского дела Новокузнецкого районного суда. Несмотря на то, что в данном случае страховщик АО «ГСК «Югория» после ДТП не направил транспортное средство истца на ремонт, хотя был обязан это сделать, суд

решил взыскать компенсацию морального вреда в размере всего лишь 3 тысячи рублей.

По нашему мнению, подобный размер (а при изучении судебной практики выясняется, что обычно он составляет 500–10000 рублей) не выполняет функцию полноценной защиты прав потребителя, который претерпел нравственные страдания в связи с нарушением его прав. Например, в рассматриваемом деле истец не имел возможности пользоваться собственным транспортным средством, потратил время на проведение экспертиз, обращение к юристам. Помимо этого, «выплата страхового возмещения была осуществлена не в полном размере и с нарушением установленного законом срока» [6]. Мы считаем, что в подобных случаях размер компенсации должен быть значительно больше.

Литература:

1. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 08.08.2024 г.) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.01.1996. № 3. Ст. 140.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. Романенко Ю. В. Компенсация морального вреда при нарушении прав потребителей // Вестник науки. 2021. № 12 (45). С. 103–107.
4. Семикрас Е. А. Возмещение морального вреда за нарушение прав потребителей // Матрица научного познания. 2021. № 4–1. С. 158–163.
5. Шевцова П. А. Правовые проблемы при определении критериев размера компенсации морального вреда в делах по защите прав потребителей // Modern Science. 2020. № 7–2. С. 205–208.
6. Дело № 2–67/2024 [Электронный ресурс] — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Sc1T3fjioVVZ>

Необходимость применения криминалистических учетов в раскрытии и расследовании краж и грабежей

Марина Марина Вячеславовна, студент магистратуры
Курганский государственный университет

Для эффективного раскрытия, расследования и предупреждения таких преступлений, как кражи и грабежи, необходимо обеспечить правоохранительные органы достоверными данными. Они могут быть получены из различных источников, таких как централизованные криминалистические учеты, коллекции и картотеки органов внутренних дел, а также вспомогательные учеты и ведомственные массивы. Важно объединить все эти данные в единую систему уголовной регистрации, чтобы обеспечить успешное выполнение задач по борьбе с преступностью. При поиске информации о преступлениях и установлении версий следствия важную роль играют

Важно понимать, что категории «моральный вред», «нравственные страдания» довольно субъективны. Среди ученых мнения разделяются. Например, по мнению В. Ускова «для достижения положительных эмоций, соразмерных перенесенному моральному вреду, богатому необходима более крупная денежная сумма» [5]. Не можем согласиться с такой позицией, так как она идет вразрез с базовыми правовыми принципами — справедливостью, равенством.

Таким образом, при изучении компенсации морального вреда в сфере защиты прав потребителей важно учитывать следующее. Во-первых, в таких делах потребитель, учитывая презумпцию вреда, может злоупотребить своим правом на компенсацию. Во-вторых, мы считаем, что нужно выработать единообразные критерии расчета сумм такой компенсации в схожих случаях нарушения прав потребителей и закрепить их законодательно, учитывая субъективность критериев такого вреда. Также было бы более справедливо внедрить тенденцию повышения размеров присуждаемых сумм.

данные, собранные в различных подразделениях правоохранительных органов, таких как информационно-аналитические и экспертно-криминалистические службы МВД России и других подобных структурах.

Криминалистическая регистрация представляет собой систему научных положений, регламентированную законом, осуществляющуюся на их основе практическую регистрационную деятельность. Ее целью является обеспечение информационной поддержки раскрытия и расследования преступлений, направленная на необходимое и своевременное предоставление данных. Криминалистический учет — это информационно-поисковая система

правового характера, включающая в себя массив криминалистической информации, обработанной специалистами с применением научных методов и средств для использования в предотвращении, расследовании и раскрытии преступлений [1, с. 20].

При появлении нового объекта регистрации, возрастает количество различных видов учета, что напрямую связано с качественной характеристикой учитываемых объектов. Новый самостоятельный вид учета появляется с появлением нового объекта регистрации.

Хотя методы и формы учета в криминалистике могут различаться, их объединяет общая цель, структурированность и взаимосвязь компонентов. В процессе выявления и исследования преступлений, как например грабежи и кражи, следственные органы применяют разнообразные учетные системы, выбор которых зависит от конкретных условий и обстоятельств на момент проведения расследования. Используемые в этих случаях специфические информационные ресурсы играют ключевую роль. Для более детального исследования следует рассмотреть использование информационно-тактических данных для раскрытия преступлений, связанных с грабежами и кражами. Функциональные признаки, по которым классифицируются все централизованные учеты, включают в себя: оперативно-справочные учеты, криминалистические и розыскные учеты [3, с. 78].

Основная цель оперативно-справочных учетов заключается в том, чтобы проверять наличие информации об объекте и его местонахождении в момент запроса. Сюда входят пофамильные и дактилоскопические картотеки, а также их автоматизированные версии. Пофамильные картотеки содержат алфавитные карточки и базы данных, в которых отражены данные о лицах, совершивших преступление на территории области, края или республики, независимо от принятых мер пресечения. Также в них содержится информация об осужденных или отбывающих наказание в данном регионе, а также лицах, объявленных в розыск. В этих картотеках также учитываются люди, совершившие преступления, дела по которым были закрыты по нереабилитирующим основаниям, а также те, к кому были применены меры принудительного лечения [2, с. 373].

Для выявления виновных лиц используется обязательный вид учета, который предполагает проведение проверок путем запросов различного характера и направлением мотивированных писем в соответствующие ведомственные органы и организации. С целью получения более полной информации о проверяемых лицах проводятся проверки по различным местам, включая их места жительства, нахождения, регистрации, задержания или содержания под стражей. Особое внимание уделяется дактилоскопическому десятипальцевому учету, который позволяет идентифицировать личность лиц, подозреваемых в совершении грабежей или краж, на основе отпечатков пальцев, оставленных на месте преступления. Для создания и обслуживания базы данных по дактилоскопии

используются дактилоскопические карты, а также электронные версии этих карт, полученные с применением современных методов сканирования без искажений.

Важная роль в оперативной работе на месте преступления играет криминалистический учет, который помогает выявлять и идентифицировать разные объекты по их уникальным характеристикам и другим признакам. Основной упор делается на ГИАЦ (Главный информационно-аналитический центр) МВД России и ИАЦ (информационно-аналитические центры) различных субъектов федерации. Криминалистические учеты делятся на две категории: преступники особой опасности и различные преступления с особым методом совершения, такие как грабежи и нападения. Особенно важно выявление организованных групп, совершающих такие преступления.

В региональных ИАЦ и ГИАЦ МВД России на криминалистический учет преступников с особой опасностью ставятся лица, совершившие серьезные преступления и имеющие устойчивую криминогенную ориентацию. Для сбора и анализа информации о них используется подсистема «Досье», которая взаимодействует с централизованными фото- и видеоархивами. Видеозаписи лиц, представляющих оперативный интерес, также хранятся в этой системе.

Информационные процессы, связанные с раскрытием и предотвращением особо опасных преступлений, требуют передачи данных о связях лиц, причастных к этим преступлениям, в подсистему «Досье». Важно отметить, что в учете учитываются как раскрытые, так и нераскрытые преступления с характерными методами совершения. Эта информация поддерживается специализированными информационно-поисковыми подсистемами, интегрированными с базой данных «Досье» для обеспечения эффективности раскрытия и расследования преступлений, совершаемых рецидивистами и «гастролерами». В подсистеме «Сейф» собираются сведения о кражах ценностей из металлических хранилищ, таких как сейфы, шкафы и ящики. Она является одной из ключевых специализированных подсистем, обеспечивающих учет особо опасных насильственных преступлений в подсистеме «Насилие» [4, с. 268].

В системе уголовной регистрации существуют специальные учеты, которые проводят сравнение информации об объектах розыска с данными из банков данных. Они содержат больше информации, чем остальные разделы системы. Эти учеты подразделяются на семь видов, включая те, которые содержат важные данные о грабежах и кражах. Один из таких учетов — учет лиц с оперативным интересом, основанный на видеозаписях. В этом учете фокусируются лица, имеющие судимости за кражи и находящиеся в качестве подозреваемых в организованных преступных группах.

Реализация федерального учета видеозаписей, связанных с преступными элементами и другими личностями, привлекающими внимание правоохранительных органов, осуществляется в специализированном центре МВД. Записи включают в себя данные о преступниках, ра-

зыскиваемых гражданах и неопознанных трупах, что помогает в проведении оперативных мероприятий и следственных действий. При задержании подозреваемых с оружием, сотрудники обращаются к базе данных по учету утраченного или найденного вооружения, чтобы установить его происхождение.

В рамках экспертно-криминалистических подразделений находятся специальные коллекции и картотеки, которые играют важную роль в оперативной работе по выявлению и раскрытию преступлений. Среди них следует выделить следотеку, дактилокартотеку и коллекции пуль и гильз с оружейными следами (пулегильзотеки). Также существуют фонотеки, содержащие голосовые записи лиц, привлекающих внимание оперативных служб при расследовании грабежей и нападений. Для успешного раскрытия и расследования преступлений, включая грабежи и кражи, имеет огромное значение умение следователей и органов дознания использовать криминали-

стическую регистрацию. Нападения с применением различных видов огнестрельного оружия оставляют на месте происшествия разнообразные следы, что делает их особенно сложными для исследования. Важно отметить, что эти специализированные коллекции и картотеки являются неотъемлемой частью работы правоохранительных органов и способствуют эффективному расследованию преступлений. Специалисты в области криминалистики активно используют эти ресурсы для анализа и сопоставления данных, что позволяет выявить важные закономерности и установить связи между различными преступлениями. Это помогает сократить время на расследование и повысить шансы на успешное раскрытие преступлений.

Таким образом, в заключении, необходимо еще раз отметить важность умения следователей и органов дознания использовать и применять криминалистическую регистрацию в целях эффективного раскрытия и расследования преступлений, в том числе по грабегам.

Литература:

1. Беляков А. А., Усманов Р. А. Состояние, проблемы и перспективы развития криминалистической регистрации в России. Ростов, 2006. 148с.
2. Богданов А. В., Гордеев М. В. Информационно-аналитическое обеспечение управленческой деятельности руководителя органа внутренних дел Российской Федерации: актуальное состояние, проблемы и пути их решения // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4(167). С. 373–374.
3. Виноградова О. П. Совершенствование применения специальных знаний при расследовании хищений культурных ценностей как элемент противодействия «антикварной» преступности // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: материалы X Всерос. науч.-практ. круглого стола (26 февраля 2016 г.). Ставрополь, 2016. Ч. 1. С. 77–83.
4. Николаева А. А. Эффективность применения криминалистических учетов в раскрытии и расследовании грабежей и разбоев // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник материалов, Воронеж, 23 мая 2018 года. Том Часть 1.— Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. С. 268–270.

Проблема нормативно-правового регулирования концессионных соглашений в Российской Федерации

Матвеев Вячеслав Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Абакумова Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

В статье автор исследует существующие в настоящее время проблемы нормативно-правового регулирования концессионных соглашений.

Ключевые слова: *государственно-частное партнерство, концессионное соглашение, частная концессионная инициатива, специальный инвестиционный контракт.*

На сегодняшний день нормативно-правовые акты по священным тем или иным видам частно-государственных договоров содержат пробелы или проблемные положения, которые затрудняют процедуры реализации механизмов частно-государственного партнерства в жизни.

Так, рассмотрение данного вопроса стоит начать с самого популярного инструмента государственно-частного партнерства, а именно концессионного соглашения.

В соответствии с п.п. 3.2. статьи 37 Федерального закона «О концессионных соглашениях» лицо, выступа-

ющее с инициативой заключения концессионного соглашения, вправе представить предложение о заключении концессионного соглашения с приложением проекта концессионного соглашения [1].

Безусловно, введение возможности частной инициативы лица делает концессионные соглашения более гибкими, однако на практике потенциальные концессионеры сталкиваются с определенными проблемами процедурного характера и нормативного характера [6].

Так, проект концессионного соглашения представляет из себя достаточно сложный документ, содержащий множество условий. Исходя из этого, несложно догадаться, что на практике такой проект может потребовать внесения в него изменений в виду, например, непредвиденных обстоятельств.

Тем не менее, в законодательстве отсутствуют положения, регламентирующие возможность внесения поправок в проект концессионного соглашения после момента его публикации в сети интернет на 45-дневный срок для привлечения иных предложений по реализации проекта.

Практика показывает, что, исходя из положения п.п. 4.8. статьи 37 Федерального закона «О концессионных соглашениях», концессионное соглашение заключается «на условиях, предусмотренных в таком проекте концессионного соглашения, в отношении объекта концессионного соглашения...». Подобные положения законодательства приводят к тому, что процедура заключения концессионного соглашения оказывается под риском отмены.

Такая ситуация сложилась в Красноярском крае в г. Назарове. Администрация города разместила в сети интернет проект концессионного соглашения в отношении проекта водоснабжения и водоотведения в городе. При этом, существенные условия соглашения не были отражены в самом проекте соглашения, а содержали лишь ссылки на наличие существенных условий в приложениях к проекту соглашения. Указанные приложения в свою очередь, не были размещены на сайте. Потенциальные концессионеры, увидев такое нарушение, направили заявление в управление федеральной антимонопольной службы по Красноярскому краю. Решением службы администрации города было предписано отменить всю процедуру частной концессионной инициативы и провести ее заново. Суд решение УФАС по Красноярскому краю не отменил [2].

Действительно, в рассматриваемой ситуации присутствует нарушение законодательства со стороны администрации города, создающие необоснованные преимущественные условия и ограничение конкуренции за права пользования соответствующим имуществом иными субъектами.

Тем не менее, более целесообразным с точки зрения длительности процедуры является не ее полная отмена, а внесение дополнений к проекту, опубликованному в сети интернет, в данном случае — приложений к проекту соглашения содержащих существенные условия соглашения. Подобное решение проблемы позволит защитить права потенциальных концессионеров, которые

будут обладать необходимой информацией для принятия решения о представлении собственных проектов, но при этом сэкономит время путем отсутствия необходимости проведения всей процедуры сначала.

В соответствии с исследованием центра развития государственно-частного партнерства проведенного при поддержке министерства экономического развития Российской Федерации, принятие решения о заключении концессионного соглашения и конкурсная процедура занимают от 6 до 12 месяцев. Любые разумные меры, не нарушающие права участников соглашения и направленные на снижение длительности процедур предшествующих непосредственной реализации проекта способствуют повышению эффективности инструмента концессионных соглашений. Исходя из этого кажется практически необходимым добавить возможность внесения изменений в проект концессионного соглашений при продлении возможности предложения альтернативных проектов соглашений на 14 дней.

Другой проблемой федерального закона «О концессионных соглашениях» является расхождение между изменениями, внесенными в закон и его старыми положениями [3].

Одним из ключевых моментов, рассматриваемых потенциальным концессионером при решении вопроса о направлении уполномоченному органу предложения о заключении концессионного соглашения, является вопрос о выплатах концедентом концессионеру. В связи с особенностями российских ГЧП-проектов, далеко не все из них могут быть реализованы без софинансирования в виду недостаточного уровня рентабельности проекта и долгих сроков окупаемости. Таким образом, возникает ситуация, когда концессионер готов участвовать в реализации проекта только при наличии условия о выплатах со стороны концедента.

Таким образом, в некоторых случаях потенциальные концессионеры включают в проект концессионного соглашения подаваемый ими уполномоченному органу положение о наличии выплат со стороны публичного партнера. На первый взгляд кажется, что такое положение не противоречит нормам закона о частной концессионной инициативе. Однако практика применения концессионных соглашений в Российской Федерации показывает, что потенциальный публичный партнер может обратить внимание на ч. 13 ст. 3 закона «О концессионных соглашениях», гласящей, что решение о выплате платы концедента по концессионному соглашению может быть принято в случае, если установление платы концедента по концессионному соглашению определено в качестве критериев конкурса. Помимо этого нельзя не обратить внимание и на ч. 2.1. ст. 24 этого же закона, устанавливающей, что в случае когда условием концессионного соглашения является плата концедента по концессионному соглашению, такое условие должно быть установлено в качестве критериев конкурса на заключение концессионного соглашения.

По мнению советника практики «Промышленное строительство» юридической фирмы *stuarths legal*, Павла Андреева, подобные положения закона являются результатом плохой юридической техники [4]. При внесении в нормативно-правовой акт соответствующих поправок, законодатель не в полной мере соотнес их с уже имеющимися положениями.

Предложения о том, что в указанные выше нормы необходимо включить указание на то, что данные правила не применяются к ситуациям частной концессионной инициативы кажутся логичными на основании аргументов, приведенных выше. Стоит отметить, что и на данный момент существуют примеры соглашений, заключенных в рамках частной концессионной инициативы, которые содержат условие о платеже концедента, однако наличие таких соглашений в настоящее время связано с готовностью публичного партнера взять на себя риски взаимодействия с уполномоченными государственными органами, которые могут иметь вопросы касательно такого условия.

Свои проблемные моменты есть и у другого инструмента частно-государственного партнерства, а именно — специального инвестиционного контракта.

Специальный инвестиционный контракт включает в себя множество мер поддержки, которые оказываются инвестору на федеральном, региональном или муниципальном уровне. Одной из мер стимулирования в рамках специального инвестиционного контракта является гарантия не повышения величины совокупной налоговой нагрузки на доходы инвестора.

Тем не менее, практика показывает, что муниципальным образованиям не всегда выгодно заключать ин-

вестиционный контракт, поскольку предусмотренные соглашением льготы по налогам могут быть весьма обременительны для их бюджетов [5].

Исходя из описанных проблем некоторых из видов частно-государственного партнерства, можно вывести следующие меры совершенствования законодательства:

Внесение изменений в ФЗ «О концессионных соглашениях», позволяющих вносить изменения в проект концессионного соглашения поданный в рамках частной инициативы в течение 15 дней после его публикации в сети Интернет.

Добавить положения в ФЗ «О концессионных соглашениях», однозначно разрешающие вносить в проект соглашения выдвинутый в порядке частной инициативы условия о выплатах со стороны концедента.

Изменить статью 11 ФЗ «О концессионных соглашениях», позволив увеличивать срок предоставления земли концедентов свыше 60 рабочих дней.

Разработать механизмы компенсации части выпадающих доходов муниципалитетов, заключивших специальные инвестиционные соглашения.

Таким образом, в рамках данной статьи нам удалось рассмотреть множество проблем, нормативно-правового регулирования частно-государственного партнерства, связанных с несовершенством процедур заключения концессионных соглашений, противоречиями законодательных норм, а также невыгодностью заключения специальных инвестиционных контрактов на муниципальном уровне. В рамках статьи были выдвинуты предложения по совершенствованию механизмов частно-государственного партнерства.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О концессионных соглашениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30. ст. 3126; 2016. № 27. ст. 4208.
2. Арбитражный суд Красноярского края. Решение по делу № А33–34086/2019 от 29 мая 2020 г. URL — https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d850aa23-4d31-4db7-b501-f56c1378b77b/0b865e94-d54c-44d0-9ad5-20c95256d561/A33-34086-2019_20200529_Reshenie.pdf?isAddStamp=True
3. Практика применения концессионных соглашений в Российской Федерации. [электронный ресурс]. URL — <https://pppcenter.ru/upload/iblock/99d/99dd5ba51ca5b7660f4dc6ef77045fd1.pdf>
4. Частная концессионная инициатива работает. Или не вполне [электронный ресурс]. URL-<https://stuarthslegal.com/chastnaya-konczessionnaya-inicziativa-rabotaet-ili-ne-vpolne/>
5. Носонова, Д. С. Специальный инвестиционный контракт: текущие проблемы и перспективы / Д. С. Носонова. // *HumanProgress*. — 2015. — № 1.
6. Соловейчик, К. А. Государственно-частное партнерство и концессия: экономический и правовой анализ механизма привлечения инвестиций в государственный сектор. / К. А. Соловейчик, П, А, Бородина, Е Аркин. // *Известия Санкт-Петербурга*. — 2015. — С. 37–42.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 51 (550) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 01.01.2025. Дата выхода в свет: 08.01.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.